

А.И.ДОВАТУР

ФЕОГНИД И ЕГО ВРЕМЯ

Аристид Иванович Доватур
(1897—1982)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

А. И. Доватур

ФЕОГНИД И ЕГО ВРЕМЯ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1989

A. I. Dovatur

THÉOGNIS ET SON ÉPOQUE

Редакционная коллегия:

А. К. ГАВРИЛОВ, И. В. КУКЛИНА, И. А. ЛЕВИНСКАЯ,
А. А. НЕЙХАРДТ, И. А. ШИШОВА (ответственный редактор)

Рецензенты:

Д. В. ПАНЧЕНКО, Э. Д. ФРОЛОВ

На обложке:

Греческий гоэлит поражает персидского знаменосца.
Работа Дуриса. 1-я половина V в. до н. э.

На форзаце:

Каменный дуб в горах Восточного Крита.
По старинной фотографии.

Д $\frac{0503010000-585}{042 (02)-89}$ 91-89, кн. 1

ISBN 5-02-027167-5

© Издательство «Наука», 1989 г.

А. И. ДОВАТУР КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РАННЕГРЕЧЕСКОЙ ЭЛЕГИИ

Предлагаемая вниманию читателей книга о греческом поэте VI в. до н. э. Феогниде Мегарском представляет собой опыт сведения в единое целое как изданных ранее порознь, так и не публиковавшихся прежде работ А. И. Доватура. Видный представитель отечественной науки, ученый, которому принадлежит ведущая роль в возрождении ленинградской школы антиковедения (60—70-е годы), мастер историко-филологического метода, Аристид Иванович Доватур (1897—1982) считал исследование творчества мегарского поэта одной из своих основных задач в последние, благоприятно сложившиеся десятилетия своей жизни.

Творчество Феогнида Мегарского — не только страница греческой литературы. Это вместе с тем — ценнейший источник для изучения как истории Мегар, так и греческого мира в целом на заключительном этапе архаической революции. Сочетание это имело особую привлекательность для А. И. Доватура, который еще на студенческой скамье увлеченно занимался Солоном, сочетавшим в себе поэта, политического мыслителя и исторического деятеля. С тех пор изучение политической жизни и мысли древних, с одной стороны, и греческой элегии — с другой — всегда занимало А. И. Доватура. Исследования этого рода и требовали, и позволяли развернуть открывшееся ему уже в начале 20-х годов как раз на этом материале богатство историко-филологических приемов, ибо трудно найти область, где была бы более применима его излюбленная максима: «Историк без филологии витает в воздухе, филолог без истории прижат к земле».

Приступив к энергичному изучению творчества мегарского поэта и научной литературы о нем, А. И. Доватур в 60—70-е годы опубликовал ряд статей, посвященных различным сторонам Феогнидова сборника. Тогда же читались

им доклады в ЛОИИ СССР и лекции на филологическом и историческом факультетах ЛГУ, где он из года в год руководил семинарскими занятиями, а следовательно, и студенческими работами на темы, связанные с творчеством Феогнида. Кроме того, в его архиве, хранящемся ныне в Западноевропейской секции Архива ЛОИИ, были обнаружены помимо множества тетрадей с выписками, конспектами и заготовками почти готовые статьи и менее завершенные наброски, отражающие широко задуманную работу.

А. И. Доватур не ставил своей целью написать монографию о Феогниде. Тем не менее он изучал материал с основательностью исследователя, который писал бы книгу, охватывающую предмет в целом. Учитывая значение работ А. И. Доватура, продолжавшего лучшие традиции науки о классической древности, а также то, что Феогнидов сборник, обладая неоспоримыми художественными достоинствами, представляет собой важнейший источник для изучения общественных конфликтов в античном полисе, сотрудники группы истории древнейших государств на территории СССР и античного мира ЛОИИ СССР АН СССР предприняли попытку собрать воедино все то, что А. И. Доватур написал о Феогниде. Объединению этого наследия в духе автора немало способствовало то обстоятельство, что составители в течение многих лет работали под его авторитетным руководством. Особую важность для составителей имели те документы, которые охватывают в целом круг основных идей А. И. Доватура о Феогниде. В разделе «Вместо заключения» помещены тезисы, написанные автором в 1967 г., ибо в них с наибольшей отчетливостью выражены ведущие идеи его исследований, в той или иной мере ощутимые в каждой из работ, составивших настоящую книгу.

А. И. Доватур любил подчеркивать традиционные элементы в своей работе, которая со временем будто поневоле обретала характерные черты его личности и даже судьбы. Так, в отношении исторической ситуации в Мегарах, давшей основу для формирования Феогнидова мировоззрения, у автора, считавшего не оригинальность, а основательность суждений главной целью научной работы, сложилась как раз оригинальная концепция. При этом в воссоздаваемой им картине взаимодействия общества и личности увлекательно соединяется собственный исследовательский и личный опыт. Ведущая идея существенно, нам

кажется, напоминает хорошо знакомую автору и во многом ему близкую книгу Д. И. Мейснера «Миражи и действительность» (М., 1966). Считаем не лишним упомянуть об этом, так как видим в этом сопоставлении ключ к органическому пониманию концепции А. И. Доватура, возможной ее критике и дальнейшей разработке. Собственный опыт — заключение (1937—1947) и последующее проживание в Луге — ученый претворил в инструмент исторического исследования: политические невзгоды Феогнида стали ему особенно понятны, тем более что он стремился не к самоотождествлению, а к постижению иного.

Подготавливая том, редколлегия столкнулась с вопросом: не будут ли мешать чтению некоторые повторы, естественные в той ситуации, которая описана выше? Однако ближайшее знакомство с материалом показывает, что, даже и возвращаясь к одним и тем же сюжетам или пассажам, автор плодотворно варьирует свою трактовку. Поэтому весьма редкие сокращения авторского текста всегда отмечаются в настоящем издании отточиями и получают разъяснение в комментариях. Несколько раз вставал вопрос о целесообразности отдельных поправок к тексту А. И. Доватура. Однако, если не считать очевидных искажений его мысли, вкравшихся в публикуемые тексты по каким-либо внешним причинам, и мелких поправок в связи с современными издательскими требованиями, попытки вмешаться в его формулировки или способ выражения показали, что на этом пути мы больше теряем, чем приобретаем. Поэтому от вмешательства такого рода решено было отказаться вовсе. Комментарий опирается прежде всего на наследие А. И. Доватура, с тем чтобы представить как можно полнее именно это наследие.

В качестве «Введения» составители поместили главу об элегии, которая предназначалась автором для готовившегося кафедрой классической филологии ЛГУ учебника античной литературы. Естественно, что по стилю изложения этот раздел, где приводятся самые необходимые сведения об истоках элегии и главных представителях этого жанра, отличается от остального материала книги, имеющего аналитический по преимуществу характер. Представляется, однако, что эти с дидактической простотой написанные страницы хороши для первой ориентации в том историко-литературном контексте, к которому относится Феогнидов сборник. Кроме того, раздел интересен тем, что дает возможность представить одну из сторон

творческой манеры А. И. Доватура — требование ясности и простоты при изложении того, что необходимо усвоить приступающим к той или иной области занятий. Очерк социальной позиции Солона, содержащийся во «Введении», удачно, на наш взгляд, предваряет всесторонне критический анализ судьбы и взглядов Феогида.

В связи с только что изложенным стоит еще одно обстоятельство, на которое заранее указывают составители: хотя собственные имена и способ цитирования в основном унифицированы и приведены в соответствие с тем, что принято ныне, при публикации некоторых разделов (как названное только что «Введение» или помещенное в рамках комментария конкурсное сочинение А. И. Доватура, написанное в Саратове в начале 20-х годов) такая унификация, с одной стороны, нарушала бы внутренний строй изложения, а с другой — вступала бы в противоречие с правилами публикации архивных материалов. Единобразие должно служить внятности современных работ, а не изменению текстов, иллюстрирующих историю науки.

Подстрочные примечания принадлежат автору и обозначены арабскими цифрами. Буквенные ссылки в тексте отсылают к редакционным примечаниям в комментарии. Комментарию предпосланы общие сведения о составе соответствующей части архива А. И. Доватура в ЛОИИ и о тех работах, выдержки из которых представлены в комментарии. Применительно к работам, уже публиковавшимся, в комментарии можно найти ссылку на место первой публикации.

Элементом, выявляющим единство исследований А. И. Доватура о Феогида, должны служить и помещенные в конце тома указатели. В указателе толкуемых мест (*Index locorum*) даны номера стихов Феогидова сборника, так или иначе объясненных в книге; выделены те из них, которые трактуются особенно обстоятельно или своеобразно. Предметный указатель должен помочь читателям ориентироваться в разнообразном содержании книги. Индекс греческих слов (*Index Graecus*) будет удобен для эллинистов. Эти и другие указатели охватывают и те материалы, которые приводятся в рамках комментария.

Удобству читателей должен служить подстрочный перевод первой книги Феогидова сборника, выполненный А. К. Гавриловым (*Приложение I*). Заглядывая в это Приложение, читатель, не пользующийся греческим оригиналом, может получить известное о нем представление; при

этом иногда читателю станут ясны различные (как правило, давно уже бытующие в научной традиции) мнения о смысле тех или иных стихов Феогнидова сборника. Стоит особенно иметь в виду то обстоятельство, что еще более, чем текстология, источником трудностей при толковании стихов Феогнида является вопрос о границах отдельных стихотворений, почти на каждом шагу решаемый исследователями по-разному.

Работа над книгой велась коллективно. И. А. Шишова — ответственный редактор настоящего издания; композицией тома занимаясь А. К. Гаврилов, исходя из идей автора. Работу в Архиве ЛОИИ по выявлению неизданных материалов провела И. А. Левинская. Подготовку рукописных материалов к изданию осуществила И. А. Левинская с участием И. В. Куклиной. Комментарий подготовлен А. К. Гавриловым и И. А. Левинской. Существенную помощь при окончательном редактировании текста оказала А. А. Нейхардт.

Участники работы выражают признательность рецензентам — д. и. н. Э. Д. Фролову и к. и. н. Д. В. Панченко, высказавшим ряд ценных советов. С. Н. Муравьев любезно согласился выполнить перевод резюме на французский язык. Важным приложением к настоящему изданию редколлегия считает библиографию трудов А. И. Доватура (*Приложение II*), составленную А. Н. Васильевым. Думается, что именно в этой книге ее легче всего найдут те, кто интересуется творчеством ученого в целом. Библиография показывает, что было бы чрезвычайно желательно соединить в отдельном сборнике его работы, разбросанные по разным изданиям. Их совокупная публикация не меньше, чем опубликованные монографии А. И. Доватура, показала бы не только широту его интересов, но и единство метода.

Отдавая книгу на суд читателя, составители хотели бы надеяться, что издаваемые работы А. И. Доватура, посвященные анализу общественной позиции и социальных идеалов Феогнида Мегарского и других поэтов VI в. до н. э., чьи произведения вошли в Феогнидов сборник, будут способствовать пониманию значительных явлений в истории литературной и общественной жизни Древней Греции.

ВВЕДЕНИЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ ЭЛЕГИЯ И ФЕОГНИДОВ СБОРНИК^а

Имеются свидетельства о том, что элегия первоначально представляла собой плач по умершим, заплачку (тренос — *θρήνος*). Об этом сообщают нам поздние источники, основывающиеся на ученых изысканиях филологов александрийской школы. Исходя из первоначального назначения элегии, античные ученые пытались установить этимологию самого слова «элегия» (*ἐλεγος*, *ἐλεγείον* *ἔπος* или *μέτρον*, *ἐλεγεία* *scil. ψδῆ*). Одни связывали это слово с греческим выражением *εὖ λέγειν* — «хорошо говорить (о ком-нибудь)», так как умершего полагалось восхвалять; другие выводили название элегии из припева, будто бы повторявшегося в заплачках, — *ἔ λέγε ἔ*, т. е. буквально: «э, говори, э». Такие этимологические домыслы не могут претендовать на научность.⁶ Более надежные результаты дает сопоставление греческих слов, обозначающих элегию, со словами малоазийских языков, служащими для обозначения тростника или флейты. Последняя была тем музыкальным инструментом, под аккомпанемент которого исполнялись заплачки, а потом и элегии. Родиной элегии была Иония, испытавшая на себе культурное влияние Востока, в частности в области музыки.

Элегия исторического времени (VII—V вв. до н. э.) представлена в нескольких разновидностях, тесно связанных с разными сторонами жизни граждан греческих полисов. Имеются элегии нравоучительные, политические, военные, застольные, любовные, надгробные (эпитафии). Все эти виды элегий нелегко вывести из более раннего вида элегии-заплачки. Следует отметить попытки приписать решающую роль в возникновении известных нам разновидностей элегии застольным песням, носившим в Афинах название «сколии» (*τὰ σκόλια*). Был обычай поминать на

пирах прославившихся людей недавнего и более отдаленного прошлого. Примерами афинских сколиев, содержащих восхваление прославленных сограждан, являются двустушие в честь тираноубийц Гармония и Аристогитона, а также приводимые Аристотелем («Афинская Полития» 20, 5) застольные песни в память граждан, боровшихся против тирании. Предполагается, что такие поминания в форме элегий (включавшие в себя, кроме восхваления, и другие элементы) были зародышем пышно расцветших видов элегии, выросших из первоначально недифференцированной застольной песни.

Общими чертами элегий исторического времени являются:

1. Стихотворный размер — элегический дистих, состоящий из дактилического гексаметра и дактилического пентаметра.

$$\begin{array}{ccccccc} - & \overline{UU} & | & - & \overline{UU} & | & - & \overline{UU} & | & - & \overline{UU} & | & - & UU & | & - & \smile \\ - & \overline{UU} & | & - & \overline{UU} & | & - & || & - & UU & | & - & UU & | & - & \smile \end{array}$$

В гексаметре и в первой половине пентаметра возможна замена дактилической стопы стопой спондеической.

2. Ионийский диалект. Возникнув в Ионии, элегическая поэзия сохранила свой исконный диалект у поэтов материковой Греции, даже не принадлежавших к ионийскому племени. Впрочем, вполне естественно, что у отдельных поэтов сказывается некоторое влияние их родного диалекта (дорийского у Тиртея, аттического у Солона).

Остается неясным вопрос о характере исполнения элегий в VI—V вв. — продолжали ли их петь, или пение было уже заменено декламацией.

Каллин

Сведения о Каллине мы черпаем из позднейших авторов. Страбон (XIV, 40, 647) и Климент Александрийский (Stromat. I, 144) сообщают, что он был старшим современником Архилоха. Такое заключение выводилось из того, что Каллин говорит о Магнезии (на Меандре) как о цветущем городе, а Архилох знает о ее разорении киммерийцами. Об этом нашествии, которое произошло при лидийском царе Ардисе, начавшем царствовать в середине

VII в. до н. э. (см.: Геродот 1, 15), упоминает Каллин как о современном ему событии. Отсюда вытекает, что Каллин родился в первой половине VII в. до н. э., а расцвет его творчества падает на середину века. Следует, впрочем, отметить, что лежащие в основе этого вывода соображения подвергаются сомнениям. Нашествие киммерийцев едва ли было одноактным событием, так что нельзя с уверенностью отождествлять войну с этим народом, которая имеется в виду у Каллина, с той, о которой упоминает Геродот. С другой стороны, не исключена возможность того, что Каллин после упоминания о расцвете Магнезии в прошлом изображал ее бедственное состояние в настоящем.

Каллин, уроженец Эфеса в Малой Азии, является для нас одним из древнейших (если не самым древним) элегиком, некоторое количество стихов которого дошло до нас (немного больше 20 стихов) в виде цитат у Страбона и Стобея.

Среди фрагментов Каллина имеются и столь незначительные, что по ним нет возможности восстановить содержание целого стихотворения. Таковы обращение к Зевсу с мольбой пожалеть смиреннейцев и напоминанием об их жертвоприношениях, упоминания о нашествии киммерийцев, о фракийском племени треров.

Более ясное представление о творчестве Каллина дает небольшая, с лакуной после первого четверостишия, отрывок из элегии военного содержания. Поэт обращается к молодежи с призывом воспрянуть духом и подумать о том, что война охватила всю землю. После лакуны ход мысли таков: долг каждого, даже умирающего, — метнуть копье. Почетно сражаться с врагом за родную землю, детей, супругу. Смерть придет тогда, когда ее напрудут Мойры. Обязанность всякого, когда начнутся военные действия, идти вперед с обнаженным мечом, прикрывая щитом отважное сердце. Смерти же не избегнет даже тот, чей род восходит к бессмертным богам. Того, кто избежал шума битвы, смерть настигает дома. Стихотворение заканчивается строками, восхваляющими доблестного мужа: весь народ оплакивает его смерть, а при жизни смотрит на него как на полубога. Композиция этого стихотворения — с возвращением к одним и тем же мыслям — является типичной для архаической элегии и архаических стихотворений вообще.

Тиртей

Фигура поэта Тиртея стала уже в древности достоянием легенды. Существовало предание (засвидетельствованное для нас Платоном — Законы I, 629A; Ликургом — Речь против Леократа 106—107 — и более поздними авторами, с особой подробностью Павсанием — Описание Эллады IV, 15, 599), согласно которому, лакедемоняне, терпя неудачи во время второй Мессенской войны, обратились к дельфийскому оракулу и получили прорицание, по которому следовало призвать советчика из Афин. В ответ на просьбу спартанцев афиняне в насмешку послали им хромого школьного учителя Тиртея. К удивлению афинян, этот человек своими элегиями поднял дух лакедемонских бойцов и тем самым стал виновником их победы над противниками. Историческая критика нового времени отвергает этот рассказ как тенденциозную выдумку афинян, направленную на осмеяние спартанцев и спартанского поэта.

С гораздо большим основанием можно говорить о спартанском происхождении Тиртея. Сам он причисляет себя к спартамцам: «Покинув буруеваемый ветрами Эрнней, мы прибыли на обширный остров Пелопса» (№ 2—3 ab Diehl, ст. 3—4). Спартанского царя Феопомпа поэт называет «нашим царем, благодаря которому мы взяли Мессению» (№ 4). Страбон (VIII, 4, 10, 362), опираясь, вероятно, на спартанскую традицию, называет Тиртея спартанцем.

Вполне надежно определяется время жизни Тиртея. На основании собственных показаний поэта его следует отнести к VII в. до н. э., во второй половине которого происходила вторая Мессенская война (начало ее — около 640 г. до н. э.). Поэт называл себя в одном из утраченных произведений участником этой войны, может быть, даже в качестве полководца (см.: Страбон, указанное место). Данные Евсевия и Свида (Суды) согласуются с такой хронологией.

Известные нам бесспорные стихотворения Тиртея относятся к жанру элегий. Можно оставить в стороне большой, но плохо сохранившийся и лишь в незначительной степени поддающийся восстановлению фрагмент, найденный на папирусе (№ 1 Diehl). Поэтическое наследие Тиртея сохранилось главным образом в виде более или менее длинных выдержек у поздних авторов (оратор Ликург, Дион Хрисостом, Плутарх, Павсаний, Стобей).

В элегии, которую впоследствии называли «Благозаконом» (Εὐνομία, см.: Страбон, указанное место — № 2, За Diehl), от которой сохранилось несколько отрывков (в общей сложности предположительно 20 стихов), излагались основы спартанского государственного строя. Самый город Спарту даровал спартамцам Зевс. Роль царей, геронтов и рядовых граждан установил Аполлон в вещании, исходившем от дельфийского оракула.

Некоторые отрывки стихотворений Тиртея говорят нам о борьбе спартамцев с мессениями. В одном фрагменте речь идет о покорении Мессении дедами при царе Феопомпе после девятнадцати лет войны; на двадцатый год противники бежали, покинув великие Ифомские горы (№ 4). В другом фрагменте поэт рисует бедственное положение покоренных, вынужденных отдавать своим господам половину того, что приносит земля (№ 5); контекст Павсания позволяет с уверенностью сказать, что имеются в виду мессениане и их положение ко времени второй мессенской войны.

Ряд элегических отрывков Тиртея обращен к воинам с целью поднять их дух и показать преимущества храбрости перед робостью (№ 6, 7, 8, 9). Прекрасно умереть, сражаясь за отечество среди передовых бойцов. Покинувший отечество и родные поля впадает в нищету и скитается с родителями, малыми детьми и женой. Его самого и его род ждет бесславие. Следовательно, нужно биться за родную землю и детей, не щадя своей жизни (№ 6). Молодым подобает стойко сражаться, не думая о позорном бегстве; нельзя покидать в бою старых воинов. С позиций своеобразной эстетики смерти поэт противопоставляет привлекательный вид павшего в бою молодого человека безобразному зрелищу старца, испускающему дух во прахе. В конце — опять призыв стоять, твердо упершись ногами в землю и закусив губу (№ 7). Этот последний наказ повторяется в середине большого отрывка (в 38 стихов), в котором кроме уже встречавшихся у Тиртея мотивов находим упоминание о постыдном виде бежавшего с поля битвы воина, пораженного в спину вражеским копьем, и прямые наставления храброму воину относительно вооружения и поведения в бою (№ 8). Еще больший отрывок (44 стиха) отражает взгляды граждан воинственного государства на доблесть. Ни физическая сила, ни быстрота ног, ни красивая внешность, ни богатство, ни царственность, ни красноречие не могут сравниться с военной доб-

лестью. Стойкий воин умеет ободрить других, находящихся рядом с ним в бою, и обратить в бегство фаланги противников. Погибнув в битве, он своей смертью прославит свой город, народ и отца. Граждане всех возрастов оплачут его, а его могила, дети, внуки и потомки, равно как и память о нем, навеки будут овеяны славой. Храбреца же, оставшегося в живых, ожидают со всех сторон уважение и внешние знаки почтения (№ 9).

Кроме элегий древние приписывали Тиртею маршевые песни — эмбатерии (ἐμβατήρια). От них сохранилось несколько стихов в анапестическом ритме. Свои эмбатерии поэт, не связанный традицией, обязывавшей его в элегиях употреблять ионийский диалект, сочинял на родном дорийском диалекте.

Мимнерм

Мимнерм (имевший прозвище Лигиастид — от слова λῆγος — «звонко»), гражданин города Колофона (в Ионии), жил во второй половине VII в. до н. э. Он был флейтистом. Скучными сведениями о нем мы обязаны поздним авторам — Страбону (XIV, 28, 643), Плутарху (De musica 8), Афиней (XI, 470 A), Свиде, s. v. Он пережил утрату родным городом самостоятельности и подчинение лидийским царем. Фрагменты элегий Мимнерма сохранены для нас Страбоном, Плутархом, Стобеем и др. Одна из книг его элегий была посвящена флейтистке Нанно. Среди произведений поэта была элегия с описанием битвы между гражданами Смирны и войском лидийского царя Гига. Мимнерм является основателем повествовательного вида элегии, за что его высоко ценили поэты эллинистической эпохи.

Ряд фрагментов элегий Мимнерма носит на себе печать скорби по прошедшей юности. Жизнь без любви кажется ему невыносимой. Он предпочитает смерть старости, которая приносит только заботы, лишает человека способности наслаждаться лучами солнца и делает его безобразным, ненавистным юношам и женщинам (№ 1). Люди подобны недолговечным листьям, рожденным весной; их подстерегают старость и смерть. Вместе с юностью уходит все хорошее; тогда лучше умереть, чем продолжать жить, так как это продолжение сулит одни только несчастья — одни страдают от бедности, другие — от отсутствия детей, третьи — от болезни (№ 2). На разные лады поэт повто-

яет свою излюбленную мысль о горестях, ожидающих человека в старости (№ 3, 4, 5).

В одном из фрагментов Мимнерм выражает желание «без болезней и тяжелых забот» в шестидесятилетнем возрасте встретить смерть (№ 6). На это двустиишие Мимнерма Солон, его современник, ответил стихотворением (по крайней мере из четырех стихов), где предлагал колофонскому поэту («Лигнастиду») изменить число «шестьдесят» на «восемьдесят».⁶

Некоторые фрагменты посвящены мифологическим сюжетам (бог Гелиос — № 10; Ясон и его поход в Колхиду — № 11). Один из фрагментов принадлежал поэме, в которой воспевались основание и ранняя история Колофона (№ 12).

Из поэмы «Смирнеида» до нас дошло три фрагмента. (№ 12А, 13, 14). Самый большой из них (11 стихов) содержит восхваление грека, храбро сопротивлявшегося лидянам (№ 13).

Фокилид

Фокилид, уроженец Милета, жил в VII—VI вв. до н. э. Скудные хронологические сведения о нем мы черпаем из Свида. В его стихотворениях находим одну довольно твердую хронологическую опору: упоминание о «безумствующей» Ниневии (№ 4), разгром которой лидянами и вавилонянами произошел в 612 г. до н. э., что дает нам *terminus ante*. Другую опору, хотя и менее твердую, дает тот факт, что поэт Семонид Аморгский, живший, по всей вероятности, в конце VII—VI в., в своем ямбическом стихотворении о женщинах подхватывает и развивает тему одного из стихотворений Фокилида.

Большая часть поэтического наследия Фокилида состоит из двустииший в размере элегического дистиха или чистого гексаметра. В размере гексаметра написаны также отдельные стихи, представляющие собой изолированные сентенции, и самое длинное из стихотворений Фокилида — о женщинах.

Фокилид по преимуществу — гномический поэт (γνώμη по-гречески — «афоризм», «сентенция»). Его двустиишия, часто начинающиеся формулой καὶ τότε Φωκυλίδεω («вот еще фокилидово слово»), содержат в себе какую-нибудь истину нравственного характера, нередко — с сильным политическим оттенком. Фокилид — не поклонник аристократии. Какое преимущество в благородном проис-

хождении, спрашивает он, если при этом нет прелести ни в речах, ни в совете (№ 3). Поэт рекомендует согражданам, если они хотят быть богатыми, заботиться о своих полях, которые, согласно поговорке, являются рогом Амалтеи, т. е. рогом изобилия (№ 7). Совет этот тем более примечателен, что он дается в эпоху торгового расцвета Милета. Социальные симпатии поэта явно на стороне тех, кто не строил своего благополучия на торговых операциях, а старался держаться за землю. По-видимому, имеются в виду граждане среднего достатка, не принадлежавшие ни к верхам, ни к низам населения Милета. Более ясно говорит об этой ориентации Фокилида другой его стих: в нем поэт выражает желание принадлежать к «среднему» слою населения, обладающему многими преимуществами (№ 12). Незначительный город на скале, но с хорошими порядками лучше безумствующей Ниневии (№ 4).

Некоторые стихи Фокилида обращены к области частной жизни и частных отношений между гражданами. Поэт советует заботиться о товарищах (№ 5), избегать займа у дурных людей (№ 6), обдумывать дела ночью (№ 8), сначала добиваться средств к жизни, а потом уже думать о добродетели (№ 9).

В упомянутом выше стихотворении о женщинах (№ 2) все женщины разделены на четыре категории («племена»). Одни происходят от собаки, другие от пчелы, третьи от свиньи, четвертые от кобылицы. Происходящая от кобылицы легка на подъем, быстра, подвижна, обладает красивой наружностью. Происходящая от свиньи не может быть названа ни плохой, ни хорошей. Происходящая от собаки свирепа и дика. Только происходящая от пчелы — хорошая домохозяйка и умеет работать; своему товарищу Фокилид советует желать брака с такой женщиной.

Солон

Одним из наиболее ярких представителей политической лирики был афинянин Солон (ок. 640—559 гг. до н. э.). Политический деятель, законодатель, реформатор, полководец, поэт, путешественник и негодичант, он в своем поэтическом творчестве отобразил в том или ином виде разные стороны своей деятельности. Благодаря этому его стихотворения помимо историко-литературного интереса представляли уже в древности и представляют для нас

большую ценность как первоклассный исторический источник по афинской истории конца VII—первой половины VI в. до н. э.

Нашим главным источником для биографии Солона является помимо его стихотворений также его жизнеописание, принадлежащее Плутарху, жившему в I—II вв. н. э., т. е. автору, отделенному от эпохи Солона промежуток времени более чем в 600 лет. Плутарх опирался преимущественно на Гермиппа, автора не дошедшей до нас серии биографий, носившей название Βίοι τῶν ἐν παιδείᾳ διαλαμπάντων («Жизнеописания людей, прославившихся в области образованности»), жившего в III в. до н. э. Гермипп, по-видимому, собрал все имевшиеся в его время сведения об афинском поэте-законодателе. В смысле надежности эти сведения были неоднородны: если некоторые из них могли опираться на стихотворения Солона, на документальные данные или на достоверную традицию, то другие были обязаны своим возникновением догадкам и даже вымыслам современников Солона или живших позже людей, в том числе и писателей.

Другая биография Солона, принадлежащая Диогену Лаэртию, или Лаэртскому (II—III вв. н. э.), оставившему нам «Жизнеописания философов» (Βίοι φιλοσόφων), отличается поверхностным характером; в ней представляют интерес лишь цитаты из стихотворений Солона. Лишена всякого исторического значения приведенная в этой биографии (безусловно подложная) переписка Солона с современниками. Не задаются целью дать полное жизнеописание Солона Геродот и Аристотель. У первого находим отрывочные сведения о Солоне. Наряду с этим, однако, Геродот дает развернутую новеллу о беседе афинского мудреца (Солон в греческой традиции был причислен к «семи мудрецам») с лидийским царем Крезом (I, 29—33). Особенности имеют для современного исследователя посвященные Солону главы (5—12) «Афинской Политии» Аристотеля. Освещение целей, средств и результатов реформ Солона, его отношение к политическим противникам и их отношение к нему, обильные цитаты из его стихотворений вполне оправдывают тот интерес, какой проявляет наука нашего времени к показаниям Аристотеля.²

Византийский лексикограф Свида (иначе — составитель Суды, заимствовавший в X в. свои сведения в значительной степени из словаря Гесихия — VI в. н. э.)³ и схолиаст к «Государству» Платона (X, 599E) дают каж-

дый в сжатой форме канву для жизнеописания Солона, смешивая вполне надежные данные с сомнительными домыслами.

Солон, сын Эксекестида, для нас — первый по времени представитель аттической литературы, родился в одной из аристократических афинских семей, возводившей себя к древнему царскому роду. Отец не оставил ему большого наследства в виде земельной собственности, так что поэту пришлось для увеличения своего состояния заняться торговыми делами, соединенными с необходимостью дальних поездок. Мы знаем, что в разные периоды своей жизни Солон посетил западные берега Малой Азии, Лидию, Кипр, Египет.

Рубеж VII—VI вв. до н. э. был временем острой социальной борьбы в Афинском государстве. Вся власть находилась в руках аристократической верхушки, державшей в своих руках большую часть аттической земли. Помимо наследственных участков во владении правившего социального слоя оказывались земли бедняков, занимавших у богачей деньги на кабальных условиях, в результате чего первые как неоплатные должники теряли свою землю и сами попадали в рабство. Бедственное положение народной массы создавало крайне напряженную обстановку в государстве. Солон занял вполне определенную позицию, выступая против произвола господствующих и закабаления народа. Одержав решительную победу в войне с Мегарами за остров Саламин, соседнее с Афинами государство, Солон был избран «примирителем» и архонтом на 594/3 г. до н. э. и получил неограниченные полномочия по реорганизации государства. Реформаторская деятельность поэта-законодателя имела огромное значение в истории Афин. Отмена долгов и освобождение закабаленных за долги, выкуп большого количества афинских граждан, проданных за долги на чужбину, запрещение на все времена брать денежные ссуды под залог собственной свободы — вся совокупность этих мер получила название *σεισάχθεια* «сейсахтейя» или «сисахфия», т. е. «сбрасывание бремени». Так была предотвращена угрожавшая аттическому крестьянству опасность превращения в рабов.

Социальное господство старой землевладельческой знати было ослаблено введением нового деления на «классы» по имущественному цензу. С именем Солона связываются и введение новой конституции, и учреждение народного суда.

Имеющиеся у нас данные позволяют утверждать, что Солон пережил установление в Афинах тирании Писистрата, против которой он безуспешно боролся, и умер в 560 или следующем году.

Не сохранилось никакой рукописи стихотворений Солона. Последние известны нам лишь по цитатам (иногда представляющим собой довольно длинные извлечения) у более поздних авторов — Демосфена, Аристотеля, Плутарха, Афиней, Диогена Лаэртия, Стобея и др.

Стихотворное наследие Солона — в той мере, в какой оно нам известно, — составляют 27 стихотворений (в подавляющем большинстве случаев это фрагменты), которые не вызывают сомнений в смысле подлинности; в общей сложности известно менее 300 стихов Солона. Излюбленная им форма — элегический дистих (№ 1—22). Гораздо меньшее место у него занимает ямбический триметр (№ 24—27), еще меньше — трохейческий тетраметр (№ 23).

Стихотворения Солона, притом написанные во всех трех размерах, посвящены политическим темам (№ 2, 3, 4, 5, 8, 10, 23, 25 и др.); другие, притом только написанные элегическим дистихом, касаются вопросов житейской философии (№ 13, 14, 15, 18, 19, 22 и др.). Прочие темы в меньшей степени нашли отражение в творчестве Солона.

Политические воззрения Солона отличаются большой ясностью, убеждения его тверды и постоянны. Он решительно восстает против угрожающего народным массам порабощения за долги. Отменой долгового рабства и исправлением причиненных им бедствий Солон больше всего гордится. Однако самую основу социального неравенства внутри свободного гражданства, деление граждан на «благородных» и «неблагородных» с соответствующим имущественным неравенством реформатор сохранил в неприкосновенности. Среди его обещаний мы не видим ничего, что вело бы к уничтожению этой грани между двумя социальными слоями. Он не внял пожеланиям тех, кто стремился к переделу земли в интересах малоимущих.

Политические стихотворения Солона, чаще других цитируемые античными авторами и представляющие особенный интерес для современного исследователя, легко распределяются по двум периодам — до реформаторской деятельности Солона и после нее.

От элегии о Саламине, состоявшей из ста стихов, сохранилось всего четыре двустишия, не образующие сплош-

ного текста. Согласно преданию, остров Саламин, расположенный у берегов Аттики, был в течение долгого времени предметом раздора между Афинами и Мегарами. Под влиянием неудач афиняне запретили под страхом смертной казни поднимать вопрос о возобновлении борьбы за утраченный Саламин. Солон, разделявший настроения молодежи, жаждавшей войны, все же не решился на открытое выступление в пользу возобновления военных действий. Он прибегнул к хитрости. Распустив слух о том, что он впал в безумие, Солон сочинил стихи, в которых содержался призыв к гражданам начать поход на «желанный Саламин» (№ 2). Стихи были им прочтены при большом стечении народа и возымели желаемый результат. Афиняне двинулись на Саламин, выбрав своим предводителем Солона. Война закончилась присоединением острова к Афинскому государству.

Во время обострения социальной борьбы среди афинского гражданства, вызванной крайне тяжелым положением аттического крестьянства, Солон занял позицию, враждебную господствовавшей олигархии. В своих стихах он говорит от имени угнетенной массы и громит надменность и сребролюбие верхов. Социальный протест перерастает у него в угрозу, что имеющееся положение изменится не к добру для олигархов (№ 4).

Большая, довольно хорошо (хотя и с некоторыми лакунами) сохранившаяся элегия, иногда называемая «Благозаконие» (древние ей такого названия не дают), проникнута патристическим пафосом и рисует печальное состояние государства. Полис не погибнет по воле богов, так как богиня Паллада Афина простерла над ним свои руки. В несчастиях государства виновны сами граждане, руководствующиеся в своем поведении денежными интересами. Вожди народа несправедливы, надменны и наживаются на неправедных делах, не щадя ни храмовой, ни народной собственности. Они не боятся установлений Справедливости (Дики), которая, однако, молча наблюдает за всем, с тем чтобы впоследствии покарать виновных. Полису, в котором происходят междоусобия, грозит порабощение. Наряду с бедами, удручающими народ в целом, имеются и несчастья, касающиеся только бедняков. Многие из них (надо подразумевать: попав в кабальное рабство), проданные, вывозятся в оковах на чужбину. Всему виною Беззаконие (Δυσνομία). Избавления нужно ждать от Благозакония (Εὐνομία), которое во всем наводит

порядок, сковывает несправедливых, обуздывает алчность, сдерживает наглость, выпрямляет кривой суд, прекращает раздор и приносит людям все здоровое и разумное (№ 3).

Как говорит античное предание, Солон взял со своих сограждан клятву соблюдать его законы в течение десяти лет и отправился в путешествие. Однако его реформы не удовлетворили ни господствовавших дотоле олигархов, ни бедные слои аттического крестьянства. Первые были недовольны аннулированием долговых обязательств и отменой долгового рабства; вторые были обмануты в своих чаяниях передела земли.

По возвращении ему пришлось оправдываться перед гражданами в своих действиях той поры, когда он стоял во главе государства. В большом стихотворении, написанном ямбическим размером, поэт-реформатор задает вопрос, осталась ли невыполненной хотя бы одна из целей, ради которых он «соединил» (сплотил) народ. Сама Земля, величайшее из олимпийских божеств, может на суде времени свидетельствовать в его пользу. Он снял с нее закладные столбы, в изобилии на ней водруженные; прежде она была в порабощении, теперь она свободна. Он возвратил домой проданных в рабство, освободил влачивших рабскую жизнь на родине. Свои обещания он, таким образом, выполнил, «соединив вместе принуждение и справедливость». Он установил законы, одинаковые для людей знатного и незнатного происхождения. Другой на его месте, руководясь эгоистическими побуждениями, «не удержал бы народа». Если бы он пожелал удовлетворить все желания какой-либо одной из двух боровшихся сторон, то город лишился бы многих мужей. Себя Солон сравнивает с волком, окруженным псами и защищающимся от них (№ 24).

На близкую тему Солон написал элегическим дистихом еще одно стихотворение, к которому в последнее время относят четыре отрывка, в старых изданиях не объединявшихся вместе. Мысль, проводимая Солоном, сводится к тому, что он в своих реформах держался середины; народ получил все ему подобающее, а могущественные и богатые люди ограждены от всего недостойного. Мощным щитом реформатор прикрывал обе стороны, не позволяя ни одной из них одержать несправедливую победу. Слова «в великих делах трудно угодить всем», скорее всего, были заключительными в этой элегии (№ 5).

Особую группу среди политических стихотворений Солона образуют те, в которых нашли отражение взгляды поэта на тираническую власть. Самое раннее из них написано, как можно думать, задолго до установления в Афинах тирании Писпстрата. Оно написано трохейским тетраметром. В настоящее время мы имеем три отрывка этого стихотворения. Оно направлено против тех, кто ставит в вину поэту неумение воспользоваться благоприятными обстоятельствами для захвата тиранической власти: Солона сравнивали с рыбаком, который зазевался и не вытащил сетей с богатым уловом. Тираническая власть над Афинами кажется тому, чьи речи передаются в первом отрывке, столь привлекательной, что, по его заявлению, он согласился бы за один день самовластья дать содрать с себя кожу и позволить истребить свой род. В ответ на такие речи Солон заявляет: он не испытывает никакого стыда от того, что пощадил родную землю, не прибегнул к тирании и насилию, не запятнал и не посрамил своей славы; в этом отношении он превзойдет всех людей. Своих хулителей он обвиняет в стремлении захватить путем грабежа большие богатства. Они возлагали свои надежды на Солона, думая, что за его мягкими словами кроются жесткие замыслы. Теперь они без всякого основания косо смотрят на него. Сам поэт не чувствует за собой никакой вины: ведь то, что он обещал, он выполнил. Ему претит как тираническое насилие, так и передел земли, при котором знатные и незнатные получили бы равные наделы (№ 23). Эти последние слова открывают нам идеологическую позицию тех, кого имел в виду в своем стихотворении Солон. Критика его действий исходила из радикальных демократических кругов, жаждавших перераспределения земельной собственности.

О той же своей заслуге перед государством говорит Солон в одном ямбическом стихотворении, от которого до нас дошло два отрывка. В первом из них — знакомая нам тема: Солон дал народу то, что тому «и во сне не виделось»; те же, кто занимал более высокое положение и имел больше силы, должны были бы похвалить реформатора и сделать его своим другом. Во втором отрывке поэт в более прикровенных выражениях ставит себе в заслугу свой бескорыстный образ действий, противопоставляя себя человеку, который на его месте «не сдержал бы народа и не остановился бы до тех пор, пока не снял бы сливок с взбитого молока» (по-видимому, намек на тиранию — № 25).

Солон дожил до установления в Афинах тирании. Один фрагмент, состоящий из трех элегических дистихов, представляет собой предостережение согражданам против надвигающейся опасности. Водворение тирании сравнивается с грозой: от тучи идет снег и град, от молнии — гром, от могущественных людей гибнет государство. Народ по неведению становится рабом единого властителя. Того, кто чрезмерно возвысился, нелегко затем сдержать; обо всем следует подумать заранее (№ 10).

Одно из элегических стихотворений несет на себе явную печать позднего происхождения: афиняне уже попали под власть тирана. Солон объясняет согражданам причину постигшего их бедствия. Это — их собственная порочность, боги здесь ни при чем. Сами афиняне способствовали возвышению тех, кто их поработил; они смотрят на речи вкрадчивого мужа, а не на его действия (№ 8). Читая эти стихи, мы вспоминаем рассказ греческих историков (Геродот I, 59; Аристотель, Афинская Полития 14, 1) о хитрости, примененной Писистратом для захвата власти.

Из стихотворений Солона, не относящихся к области собственно политической поэзии, наиболее крупными являются четыре.

Сюда относится самое большое (76 стихов) из сохранившихся стихотворений Солона — так называемый гимн Музам (№ 1). Поэт обращается к Музам, дочерям Зевса и Мнемозины, с мольбой дать ему счастье от бессмертных богов и добрую славу у всех людей. Он хочет быть сладостным для друзей и горьким для врагов, одним внушать уважение, другим — страх. Он жаждет денег, но наживаться несправедливым путем не хочет, так как за этим обязательно последует возмездие. Тема эта развернута в дальнейших стихах: богатство, даруемое богами, прочно, а нажитое нечестно и несправедливо идет за человеком неохотно; вскоре примешивается беда. Поэт уподобляет эту последнюю огню, который вначале слаб, а затем разрастается. Так проявляется гнев Зевса, похожий на порыв весеннего ветра. От Зевса никто не укроется: один поплатится за нехорошие поступки сразу, другой позднее; бывает, что самого виновного возмездие минует, а за его дела расплачиваются дети или потомки. Затем поэт довольно резко переходит к другой теме, связанной, впрочем, с предыдущей. Люди, не потерпевшие еще никакого несчастья, тешатся пустыми надеждами. Страдающий от тяж-

кого недуга надеется на выздоровление; бедняку кажется, что он приобретет большие деньги. Солон показывает представителей разных профессий, которым приходится обманываться в своих чаяниях, — мореход (=торговец, ведущий заморскую торговлю), земледелец (=наемник, батрак), ремесленник, поэт, прорицатель, врач. Мойра приносит смертным дурное и хорошее, «дары бессмертных богов неотвратимы». В заключение повторяются мысли о неожиданных поворотах в человеческих делах, о ненасытности людей и о проистекающей отсюда беде, которую Зевс посылает то одному, то другому (№ 1).

Солон считает одинаково богатыми тех, у кого много серебра, золота, земли, коней, мулов, и тех, кто только сыт, одет, обут. Лишнее имущество человек не унесет с собой в Аид; откупиться от смерти, тяжелых болезней и наступающей старости никому не дано (№ 14).

В одном стихотворении дается обзор человеческой жизни по семилетиям. Пределом человеческой жизни Солон считает здесь семьдесят лет (№ 19). Свое мнение он меняет в упомянутом выше элегическом обращении к Мимнерму. В ответ на пожелание колофонского поэта окончить жизнь в шестьдесят лет, Солон, который, надо думать, перешел этот возраст и приближался к семидесяти годам или даже достиг этих лет, предлагает переменить «шестьдесят» на «восемьдесят». К этому же стихотворению относится и двустишие, в котором высказывается пожелание, чтобы смерть не осталась неоплаканной друзьями, и стих «я старею, все время многому учась» (№ 22).

Насколько мы можем судить по сохранившимся отрывкам произведений Солона, его стихотворения на политические темы отличались сравнительной стройностью композиции: поставленная тема развивалась в них с достаточной последовательностью, и лишь изредка в них встречались повторения и возвращения назад. Такое построение было характерно, однако, главным образом для политических произведений, в которых поэт давал картину бед Аттики до его реформ или доказывал благотворность этих реформ. Большое стихотворение, посвященное вопросам общего мировоззрения поэта (№ 1), построено по иному принципу. Здесь нет единой логической линии, четкого деления стихотворения на части, из которых каждая излагала бы и обосновывала какую-нибудь одну мысль. В стихотворении развиваются четыре мысли: 1) желание иметь материальные блага; 2) проч-

ность и безопасность только тех благ, которые приобретены праведным путем; 3) склонность человека к наглости, самомнению — наряду с непредусмотрительностью; 4) кара, грозящая человеку. Эти четыре мысли, осложняясь добавочными соображениями, переплетаются между собой на протяжении всего стихотворения, вступая в разнообразные сочетания.

Со стороны стиля стихотворения Солон характеризуется легкостью, гибкостью фраз — то сжатых, афористичных, то разветвленных, но всегда хорошо приспособленных для выражения мыслей и чувств. Словарь в основном аттический, но с заметной примесью гомеровских слов и выражений.

Произведения Солон довольно богаты образами. Сила всенародного бедствия такова, что его не могут удержать наружные двери домов — оно перескакивает через высокую ограду и настигает человека в самом укромном углу его спальни (№ 3, 26—29). О своем старании не дать во время гражданских распри ни одной из двух борющихся сторон перевеса над другой поэт говорит, что он оградил тех и других крепким щитом (№ 3, 5). О хитрых повадках граждан в их частных делах Солон (впрочем, возможно, употребляя ходячее выражение) сказал: «каждый из вас ходит по следам лисицы» (№ 5, 8)^ж . . .

Возмездие (ἄτη) за несправедливо нажитое богатство сравнивается с искрой, от которой возникает большой пожар (№ 1, 13—15). . . Уподобляет он себя и пограничному столбу на меже (№ 25, 7—8), очевидно, думая о своей роли примирителя-посредника.

В некоторых случаях сравнения берутся из области явлений природы. Неизбежность появления тиранической власти там, где имеются люди, пользующиеся непомерным влиянием, сравнивается, мы помним, с выпадением обильного снега и града из тучи и с рождением грома от сверкающей молнии (№ 10, 1—2). Скорее всего, двустипшие с картиной моря, волнуемого ветрами, и моря, совершенно спокойного в безветрие (№ 11), служило — в качестве сравнения — переходом или введением к каким-то высказываниям политического характера. . .

В лирике Солон находят яркое отражение воззрения определенных консервативных кругов афинского гражданства, заинтересованных в сохранении основ социального строя рабовладельческого общества; Солон и его единомышленники относились одинаково враждебно и к ра-

дикально настроенным, требовавшим передела земли согражданам, и к тем, кто желал сохранения старых порядков, грозивших полным закабалением широких слоев аттического крестьянства. Общее мировоззрение Солона характеризуется традиционной верой в божественное управление миром, обеспечивающее торжество справедливости и кару за отклонение от нее.³

Феогнид

Сведения о месте рождения Феогнида противоречивы.⁴

Он был гражданином города Мегар. Название «Мегары» носило несколько населенных греками городов. Самыми знаменитыми из этих городов были Мегары на Истме («Мегары Нисейские») и Мегары в Сицилии («Мегары Гиблейские»). Один из античных и византийских (но основанных на античных свидетельствах) источников относят Феогнида к Мегарам на Истме (Дидим, грамматик I в. н. э., — см. схолии к «Законам» Платона I, 630 А; Стефан Византийский под словом *Μέγαρα*). Другие считают его уроженцем Мегар сицилийских (Платон, Законы I, 630 А; Свида под словом *Θέογνις*).

На основании произведений самого Феогнида его никак нельзя считать сицилийцем, так как в одном из своих стихотворений он упоминает о том, что побывал когда-то и в сицилийской земле, и в богатой виноградными лозами равнине Эвбеи, и в блистательном спартанском граде на берегу заросшего тростником Эвроты, но ничто не было для него милее отчизны (ст. 783—785). Отсюда следует, что Сицилия, подобно Эвбее и Спарте, не была местом рождения поэта. Прямо в пользу истмийских Мегар говорит другое стихотворение Феогнида, в котором он обращается к владыке — Фебу, укрепившему башнями акрополь в знак своей милости к сыну Пелопса Алкатою (ст. 773—774); последний, согласно мифологическим представлениям, был основателем Мегар на Истме. В одном из стихотворений Феогнида говорится о храме Артемиды, который был основан Агамемноном перед походом на Трою (ст. 11—14); это мог быть только храм Артемиды в истмийских Мегарах (см.: Павсаний, Описание Эллады I, 43, 1).

Относительно времени жизни Феогнида наши источники дают не совсем ясные сведения: следуя одним, Феогнид пользовался известностью во время 57-й или 58-й олим-

пиады (Евсевий Кесарийский, *Chronica*; *Chronicon Paschale*); следуя другим, поэт жил (или родился) в 59-ю олимпиаду (Свида под словом *Θεογνίς* и под словом *Φωκυλίδης*). Эти недалекие одна от другой даты падают на середину VI в. до н. э. (552—548; 548—544; 544—540). По всей вероятности, ученые эллинистической поры, задававшиеся вопросом о времени жизни Феогнида, искали точку опоры для своих заключений в его же поэтическом наследии. Феогнид обнаруживает большое беспокойство за судьбы своего родного полиса в связи с военными действиями «мидян» (= персов); он молит Феба отвратить от этого полиса войска мидян и «охранить этот наш город» (ст. 775—782). В другом стихотворении — радостное настроение по поводу миновавшей опасности войны с мидянами и возможности предаться праздничному времяпрепровождению (757—766). Имеется несколько объяснений страха, охватившего Мегары перед ожидавшимся нашествием персов. Граждане греческих полисов могли быть напуганы покорением Ионии персами (поход Гарпага), или подавлением ионийского восстания, или походами персов на Балканский полуостров. В первом случае стихотворения Феогнида следовало бы отнести к 540 и ближайшим годам, во втором — к 494 г.; далее — соответственно к 492 (первый поход Мардония), к 490 (поход Датиса и Артаферна, битва при Марафоне), к 480—479 гг. (поход Ксеркса, битвы при Саламине и при Платеях).

По-видимому, в древности видели в упомянутых стихотворениях Феогнида отголоски настроений времен похода Гарпага против ионийских греков, что и подало повод к соответствующей датировке — Феогнид был достаточно известным поэтом к 540 г. до н. э.

В настоящее время часть ученых принимает такую датировку. Другие не видят достаточных оснований для беспокойства балканских греков за свою безопасность ранее 492, 490 и даже 480—479 гг. до н. э. Соответственно и передвигаются предположительные рамки жизни Феогнида. Если же вместе с В. Али (*Ally W. Theognis // RE. Bd 5. 2. R. 1934. Sp. 1973*) глагол *γέγονε* у Свида понимать как «родился» (а не как «жил»), то на середину VI в. будет падать год рождения поэта, что заставляет отказаться от приурочения его стихотворений к середине VI в.

От Феогнида сохранилось две книги: в первой 1230 стихов, во второй 159 (всего 1389 стихов). Все рукописи Феогнида, за исключением одной, содержат только первую

книгу; вторую книгу (вместе с первой) дает только одна рукопись, названная когда-то *codex Mutinensis* (моденский кодекс), а точнее — *codex Veronensis* (веронский) X в., хранящийся в настоящее время в Парижской Национальной библиотеке (*Supplementum Graecum* 388). Возник вопрос о возможности приписывать Феогниду эту вторую книгу. Против подлинности выдвигается ряд доводов: стихи в этой книге не имеют характера сентенций, со стороны языка они отличаются некоторыми особенностями (например, аттические формы встречаются в них чаще, чем в первой книге). В противовес этому обращают внимание на следующее: далеко не все стихотворения также и первой книги представляют собой сентенции; большее влияние аттического диалекта на язык второй книги можно объяснить разной судьбой обеих книг; скорее всего, в течение долгого времени книги были в раздельном обращении (недаром только одна рукопись содержит их обе вместе).

Относительно характера и назначения сборника стихотворений, составляющих первую книгу Феогнида (этот сборник был известен в Афинах уже в IV в. до н. э., во времена Платона), существует несколько теорий.

1. Сборник составлен по принципу ударных слов: стихотворения подбираются и группируются на основании имеющих в них — повторяющихся или сходных — слов и мыслей. Частично эта теория соответствует действительному положению дел.

2. Сборник является антологией из утраченного собрания элегий Феогнида; при этом составитель сборника добавил немало постороннего материала из стихотворений, не принадлежащих Феогниду. В качестве главного аргумента в пользу этой теории фигурирует ссылка на фрагментарное состояние элегий. Помимо недоказуемости тезиса о существовании «полного» сборника стихотворений Феогнида эта теория грешит в том отношении, что слишком категорически утверждает фрагментарность стихотворений первой книги Феогнида.

3. Перед нами школьная хрестоматия, в которую наряду с подлинными произведениями мегарского поэта включены и посторонние стихотворения. Между тем наличие в сборнике любовных и застольных стихотворений не позволяет рассматривать его как книгу, предназначенную для школы.

4. Книга является сборником застольных песен, которые исполняли на пирушках. Действительно, многие стихотворения сборника подходят под определение застольных песен. Сам поэт говорит о том, что его стихи будут петься на пирушках (ст. 237—250). Тем не менее сборник в целом не может считаться собранием застольных песен, так как содержит немало стихотворений, не подходящих для исполнения на пирушках.

5. Сборник не отличается строгим единством социальных и политических воззрений, в нем нет стройного плана, имеется много дублетов в смысле повторения одних и тех же стихотворений и одних и тех же мыслей. В нем есть стихи, принадлежащие разным поэтам — Каллину, Солону, Мимнерму, Фокилиду и др. На этом основании возникла теория, что сборник представляет собой выборку из разных элегических поэтов. Сборник мог быть составлен в конце V в. Его пестрый состав обеспечивал, в частности, возможность найти в нем и материал для застольных песен. Книга была приписана Феогниду на том основании, что только его имя упомянуто в сборнике и что часть стихотворений была действительно взята из его произведений. В основе этой теории лежит преувеличенное представление об отсутствии идеологического единства в сборнике и о невозможности примирения встречающихся в нем противоречий.

6. Существует и мнение, согласно которому весь сборник должен быть признан принадлежащим одному поэту — Феогниду. Сторонники этого мнения отрицают наличие каких-либо серьезных противоречий в сборнике (и лишь изредка допускают подложность некоторых отдельных стихотворений). Встречающиеся в сборнике стихотворения других поэтов они считают сознательными заимствованиями Феогнида, сделанными отчасти с целью дать вариации на темы других поэтов путем легкого изменения стиха, причем в некоторых случаях эта цель уже осуществлена, а в других (там, где перед нами буквальное повторение чужих стихов) переработка предполагалась в будущем. Сборник в целом понимается как нечто вроде записной книжки Феогнида, в которой наряду с окончательно отделанными стихотворениями оказываются пробы в виде сырого материала стихов, перепевов своих собственных и чужих мотивов и даже просто выписки из чужих произведений.

Как бы то ни было, трудно не видеть, что стихотворения сборника, дошедшего до нас под именем Феогнида,

в значительной степени носят на себе отпечаток единства социальных, политических и этических воззрений. Поэт жил в эпоху обострения социальной борьбы в греческих полисах, и в частности в его родном полисе — Мегарах. На одной стороне была старая родовая аристократия, все более и более терявшая свои социальные и политические позиции, на другой — все прочие слои гражданства. По-видимому, внутри этой второй группы еще не очень сильно и не всегда сказывается антагонизм, проистекавший из имущественного неравенства. Общий фронт против аристократии объединял разные слои свободного населения. Во всяком случае в глазах аристократа, для которого «добрыми, достойными» (ἀγαθοί), «благородными, честными» (ἐσθλοί) были только представители знати, все прочие граждане сливались в единую массу «подлых, дурных» (κακοί), «трусливых, жалких» (δειλοί).

Феогнид выступает ярким и откровенным идеологом аристократических кругов греческого полиса. «Добрые» являются для него носителями всех тех достоинств, которые суммируются в понятии «доблести» (ἀρετή). Вся совокупность правил аристократической этики передается из поколения в поколение. Поэт в своих наставлениях, обращенных к молодому другу — Кирну (он же Полипайд), хочет преподать ему все то, что сам в дни своей юности усвоил от «добрых» старшего поколения. Современность не удовлетворяет поэта. Главная причина этого — утрата знатными своего господствующего положения. Нам плохо известна история Мегар, нет возможности дать более или менее точную картину их внутреннего состояния во времена Феогнида.* Ясно, однако, что противостоявшие аристократии слои гражданского населения или часть их все более и более закрепляли за собой власть в государстве. Временами возникала опасность тирании, т. е. захвата власти самовольным диктатором (тираном), который, становясь во главе народной массы, объявлял себя ее вождем в борьбе против знати. Кроме того, развитие торговли и ремесла имело своим последствием выделение из общей массы народа определенной, вероятно довольно многочисленной, группы богатей, с которыми не гнушались вступать в родство бедневшие представители знати.

Все эти явления в социальной жизни полиса вызывали резкий протест со стороны поэта, который из-за своей непримиримой позиции лишился имущества (земли) и

даже был вынужден удалиться в изгнание. Он побывал, по его собственным словам (ст. 783 сл.), в Сицилии, на Эвбее, в Спарте и везде встретил радушный прием — надо думать, в аристократических кругах. Об этих своих странствиях он говорит в прошедшем времени, а это дает нам право думать, что он возвратился на родину, милее которой ничего не нашел. Хорошо засвидетельствовано другими стихами поэта пребывание его на чужбине в качестве изгнанника с очень ограниченными материальными средствами (ст. 511—522) и участие в войне на Эвбее, где ему пришлось сражаться не за свою отчизну (ст. 887—890).

Основной тон произведений Феогнида — пессимистический. Социальные и политические идеалы поэта терпят крушение: он видит не только торжество своих социальных антагонистов, но и измену традиционным воззрениям со стороны тех, кого он считал своими единомышленниками. Аристократы охотно заключают браки с представителями незнатных, но богатых семей (ст. 183—196); знатный юноша поддается тому, что поэт называет «злом», т. е. веяниям, разрушающим старое мировоззрение и старый уклад жизни. Знаменательны стихи, в которых Феогнид подводит безрадостные итоги своей жизни, иначе говоря, своим попыткам воздействовать на современное ему общество. «Подобно льву, понадеявшись на свои силы, ногам охватив молодого оленя, я не выпил его крови; взойдя на высокие стены, не разрушил города; впрягши коней, не взошел на колесницу; сделав, не сделал и закончив, не закончил; свершив, не свершил и достигнув — не достигнул» (949—954).

Произведения Феогнида в том виде, в каком они до нас дошли, представляют собой очень пестрое по своему содержанию собрание, не лишенное противоречий.

Стихотворения сборника относятся к различным жанрам. Можно выделить обращения к богам, наставления в собственном смысле и примыкающие к ним размышления над жизнью, предостережения политического характера, картинки быта, любовные, застольные стихотворения, жалобы поэта.

Первая книга открывается молитвами Аполлону, Артемиде, Музам и Харитам. У Аполлона поэт просит даровать ему благо и вспоминает миф о рождении бога на острове Делосе. От Артемиды он ждет избавления от бед. Музам и Харитам он напоминает о стихе, пропетом ими на

свадьбе Кадма (ст. 17): «Что прекрасно, то мило; не прекрасное не мило».

Вслед за этими стихотворениями в сборнике идет произведение, которое обычно называют «печать» (σφραγίς — ст. 19—26). Поэт, обращаясь к Кирну, говорит о том, что на его стихотворениях должна лежать печать, охраняющая их от хищения (плагиата) и подделки. Композиция стихотворения такова, что читателю нашего времени не удастся с уверенностью уяснить себе, в чем состоит эта печать. Отсутствие ясности породило возможность трех разных толкований слов поэта о «печати». Одни видят «печать» в имени Кирна, названного в начале стихотворения; другие — в имени самого поэта, также названного в стихотворении: «это стихи Феогида мегарца, он знаменит среди всех людей» (ст. 22—23); третьи — в высокой ценности мнений и поучений поэта, о чем также говорится в стихотворении: «и никто не изменит на худшее, когда имеется честное» (ст. 21). Стихотворение заканчивается жалобой на сограждан: поэт не может угодить всем, в чем, впрочем, нет ничего удивительного, так как даже Зевс, посылая дождь или прекращая его, не в состоянии удовлетворить всех.

Больше всего места занимают у Феогида наставления и примыкающие к ним размышления. Различие между ними — в форме: свои взгляды поэт выражает то в форме прямого совета, рекомендации, то в форме наблюдения, афоризма, гномы.

Как уже сказано выше, все мировоззрение поэта проникнуто традиционной для его социального слоя аристократической моралью. Кто считался «добрым» и «честным», «дурным» и «подлым» в прежние времена, мы уже говорили. Однако поэт живет в эпоху, когда «подлые» (в действительности — какие-то слои их) уже играют большую роль в жизни государства, вытесняя с командных позиций обедневшую знать. Феогид скорбит по этому поводу, оплакивает гибель старых порядков в городе, опасается появления тирана (тиран в то время — предводитель демоса в его борьбе с социальными антагонистами). Яснее всего взгляды поэта и его положение в государстве можно показать путем изложения содержания некоторых его стихотворений.

Своему молодому другу Феогид преподает между прочим такие правила: следует быть разумным и не извлекать почестей и выгод из позорных и несправедливых дел;

с «дурными» не следует общаться, но всегда нужно держаться «добрых». С этими последними Кирну рекомендуется пить, есть, проводить время и им угождать. От «честных» можно научиться «честному», общение с «дурными» приводит только к потере разума. В конце стихотворения — вывод: «узнав это, общайся с добрыми, и когда-нибудь ты скажешь, что я даю хорошие советы друзьям» (ст. 27—33).

Город (ἡ πόλις) вынашивает младенца, и есть основания опасаться, что народится тиран, который «выпрямит» дерзость граждан. Граждане пока еще благоразумны, но их вожди обнаруживают склонность к порочности. Никогда еще «добрые» не погубили ни одного города; наоборот, «дурные», проникшись дерзостью, портят народ, отдают суд в руки несправедливых ради собственной корысти и могущества. Недолго такой город остается спокойным, когда в нем у «дурных» обнаруживается корысть, влекущая за собой народные бедствия; отсюда — раздоры, убийства граждан, «монарх» (=тиран). Поэт заканчивает стихотворение пожеланием, чтобы «этому городу» все это всегда оставалось бы неугодным (ст. 39—52).

К этому стихотворению непосредственно примыкает другое, явно написанное позднее, когда большая часть опасений поэта уже сбылась. Этот город — все еще город, но люди в нем другие. Те, кто раньше не знал ни судов, ни законов, но, подобно оленям, жил вне города, одеваясь в козьи шкуры, теперь оказываются «добрыми», а прежние, «честные», считаются подлыми. Поэт не может с этим примириться. Люди обманывают друг друга, издеваясь друг над другом, не имея представления ни о том, что дурно, ни о том, что хорошо. Полипаид (Кирн) не должен ни по какой причине вступать в дружбу ни с одним из этих горожан; на словах нужно выказывать дружеское расположение всем, но ни с кем не соединяться в каком-либо важном деле. Он поймет души жалких людей, на которых нельзя положиться, так как они возлюбили коварство, обманы и уловки, как это свойственно пропащим людям (ст. 53—68).

Непримиримость Феогнида, его большой темперамент сказывается в страстных, доходящих до кровожадности выпадов против его социальных антагонистов. Он молит Зевса дать ему отдохновение от бед и забот и позволить ему жестоко отомстить врагам, отнявшим его имущество: «да будет у меня возможность испить их черной крови»

(ст. 341—350). Среди наставлений поэта есть и совет баюкать врага, но только для того, чтобы при удобном случае, «когда он будет у тебя в руках», отомстить ему, отбросив всякие колебания (ст. 363—364). Бесконечной ненавистью дышат его стихи о демосе, который, по мнению Феогнида, следует попирать ногой, подвести под тяжелое ярмо, так как только таким путем его можно заставить полюбить своих господ (ст. 847—850).

Тема изгнания и бедности занимает немало места в творчестве Феогнида. Обращаясь к товарищу по изгнанию, некоему Клеаристу, который лишился всего и на чужбине посетил поэта, также ничего не имеющего, Феогнид выражает готовность угостить его в меру своих скромных возможностей. Если бы кто-нибудь спросил впоследствии Клеариста о житье-бытье Феогнида, он должен ответить, что сравнительно с хорошим житьем его житье — тяжелое, а сравнительно с тяжким — хорошее; он в состоянии не оставить без угощения одного человека, связанного с ним отцовскими узами гостеприимства, но большего количества людей принять не может (ст. 511—522). Другое стихотворение, также написанное в изгнании, отражает горестные чувства поэта, навеянные на него пронзительным голосом птицы, который возвещает людям начало сельских работ; цветущими полями Феогнида теперь владеют другие, и не его мулы тащат плуг (ст. 1197—1202).

Бедность, по Феогниду, — одно из величайших бедствий для человека. Чтобы избавиться от нее, поэт готов броситься в море или свергнуться с крутых скал; ведь человек, удрученный бедностью, не в состоянии ни сделать что-либо, ни сказать, и язык у него связан (ст. 175—178). Бедному человеку лучше умереть, нежели жить, страдая от тяжелой бедности (ст. 181—182). Поэт умоляет бедность, возлюбившую его против его желания, покинуть наконец его и переселиться в другой дом (ст. 351—354). К ней же обращен вопрос Феогнида, зачем она отягощает его плечи, обезображивая его тело и ум; против его воли бедность учит его многому позорному, хотя он сведущ в том, что честно и прекрасно (ст. 649—652).

Подобно Мимнерму Феогнид в стихах дает волю своему чувству сожаления об уходящей и упущенной молодости, противопоставляя ей старость и смерть. Наслаждаясь цветущим возрастом, поэт ищет забав; ведь после смерти он будет безгласным, как камень, лежать под землей, покинув свет солнца (ст. 567—570). Обращаясь к собствен-

ному духу, поэт просит его оставаться юным; скоро ведь будут жить другие люди, «а я после смерти превращусь в черную землю» (ст. 877—878). Всем людям дается общий совет: пока они обладают блистательным цветом юности и владеют рассудком, нужно хорошо пользоваться своим достоянием; ведь боги не дают людям возможности дважды быть юными и не избавляют их от смерти; над головой всех висит угроза губительной старости (ст. 1007—1012; см. также ст. 1017—1022). Неразумие людей обнаруживается в том, что они оплакивают умерших, а не гибнущий цвет юности (ст. 1069—1070).

Довольно заметное место занимает в поэзии Феогнида тема вина и пирушки. Вино, если его пить в большом количестве, — зло, если же пить умело — благо (ст. 509—510). Поэт настаивает на умеренном употреблении вина (ст. 837—840, 841—844) и показывает печальные результаты опьянения (ст. 497—498, 499—502, 503—508). В одном развернутом стихотворении Феогнид поучает друга Симонида (возможно, поэта Симонида Кеосского), как следует вести себя на пирушке. Хозяин не должен принуждать гостя ни оставаться за столом, ни удалиться, если тот того не хочет. Нельзя ни будить отягощенного вином и заснувшего, ни принуждать ко сну против воли. Ведь все, что делается по принуждению, неприятно. Желаящему пить следует подливать вино — ведь не каждую ночь есть возможность предаваться наслаждению. Сам поэт, выпив в меру вина, выражает готовность уйти домой и предаться сну, избавителю от бед. Он будет считать достаточной ту меру вина, при которой оно еще приятно человеку: он уже не трезв, но и не очень опьянен. Человек же, превысивший меру в питье, уже не владеет ни своим языком, ни своим рассудком. Его болтовня несуразна и постыдна с точки зрения трезвых людей; напившись, он не знает стыда и, прежде разумный, становится глупцом. Помня об этом, не следует слишком много пить. Опасаясь сильного опьянения, подобает пораньше уйти от стола. При этом для поэта-аристократа характерно замечание: «и пусть твой желудок не оказывает на тебя влияния, как на подлого поденщика», чем подчеркнуто различие между людьми того же, что поэт, круга и теми, кто к этому кругу не принадлежит и, следовательно, не понимает приличий. Можно, конечно, и продолжать оставаться за столом, но уже больше не пить. Своему другу Феогнид ставит на вид неумение вовремя остановиться. Непобедимым нужно

считать того, кто, много выпив, не говорит нелепостей. В конце стихотворения — изображение приятной пирушки, на которой сотрапезники, сидя за чашей, предаются хорошей беседе, отбросив взаимную вражду (ст. 467—498).

Ничего определенного нельзя сказать об элегии Феогнида о сиракузянах, спасшихся во время осады, так как она не сохранилась: упоминает об этой элегии Сvida.

Стиль сохранившихся элегий Феогнида характеризуется близостью к прозе. Поэтические украшения у него редки. Сравнения обычно кратки, лишь в редких случаях поэт дает в сравнениях более или менее развернутую картину. Вообще образность нехарактерна для творчества Феогнида. Нередко его образы так или иначе связаны с морем и мореплаванием.

Двустипшия и четверостишия поэта заключают в себе обычно ясно и точно сформулированную мысль, хотя тонкая отточенность словесного выражения встречается редко. В стихотворениях большего размера стиль несколько иной: здесь бывают детализированные изображения, описания, рассуждения, повторные возвращения к одной и той же мысли, кольцевая композиция.

Мягкий юмор чужд Феогниду. Изредка в стихах его улавливается иронический тон.

Гомеровские формулы встречаются у Феогнида реже, чем у других элегиков.

ГЛАВА I.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ ПОЭТА

Феогнид и *corpus Theognideum*^а

Противоречия и неясности в античных свидетельствах о Феогниде Мегарском и связанные с этим не меньшие противоречия в выводах ученых нового времени о месте рождения поэта, о времени и обстоятельствах его жизни обязывают всякого исследователя либо обосновать свою оригинальную точку зрения на эти вопросы, либо выдвинуть какие-нибудь новые весомые аргументы в пользу одной из существующих точек зрения, либо просто присоединиться к одному из существующих мнений.

Настоящая работа имеет дело с поэтом Феогнидом, гражданином Мегар Нисейских (а не Гиблейских),¹ ро-

¹ Основанное на свидетельстве Платона (*Leges* I, 630 A) мнение о том, что Феогнид был гражданином и уроженцем Мегар Гиблейских (а не Нисейских), обосновывает Ю. Белох и поддерживает Эрнст Мейер. См.: *Beloch Jul.* *Theognis Vaterstadt // Jahrbücher für classische Philologie (Fleckeisen)*. 1888. Bd 34. S. 729 ff.; id.: *Zur Geschichte der älteren griechischen Lyrik // RhM. N. F.* 1895. Bd 50. S. 250 ff.; id.: *Griechische Geschichte*. Strassburg, 1913. Bd I, 2. S. 365 ff.; *Meyer Ernst.* *Megara // RE.* Bd 15. Sp. 185. Большая часть исследователей считает Феогнида гражданином и уроженцем Мегар Нисейских. См., например: *Reitzenstein R.* *Epigramm und Skolion*. Giessen, 1893. S. 58 f., 84, 270 ff.; *Croiset A. et M.* *Histoire de la littérature grecque*. 1898². T II. P. 142; *Harrison E.* *Studies in Theognis together with a Text of the Poems*. Cambridge, 1902. P. 268 f.; *Hudson-Williams T.* *Theognis and his Poems // JHS.* 1903. XXIII. P. 2 f.; *Crusius O.* *Elegie // RE.* Bd 5. Sp. 2272; *Highbarger E. L.* *History and Civilization of ancient Megara*. Baltimore, 1927. P. 141 f.; *Schmid W., Stählin O.* *Geschichte der griechischen Literatur*. München, 1959. Bd I, 1. S. 380. Понимают свидетельство Платона в том смысле, что поэт, уроженец Мегар Нисейских, получил права гражданства в Мегарах Гиблейских, например: *Schömann G. F.* *Schediasma de Theognide*. Gryphiswaldiae, 1861. P. 14; *Aly W.* *Theognis 1 // RE.* 2. R. Bd 5. Sp. 1972 f. Была сделана неудачная, ни с чьей

дившимся (а не процветавшим)² в 59-ю олимпиаду 544—541 гг., современником персидского нашествия на Грецию (а не похода Гарпага на Ионию),³ с одним человеком (а не с двумя),⁴ занимавшимся размышлениями на социально-политические и тесно связанные с ними этические темы, пытавшимся играть активную политическую роль, испытавшим конфискацию имущества и изгнание, затем, по-видимому, вернувшись на родину и близко к концу жизни подведшим свои безрадостные итоги с констатированием полного краха своих чаяний.

Что касается сборника стихов, сохранившегося под именем Феогнида, то ничто не мешает считать подлинной не только первую, но и вторую книгу,⁵ несмотря на то что

стороны не встретившая поддержки попытка доказать, что Феогнид был уроженцем города Мегар в области этиков, первоначально относившейся к Фессалии, впоследствии — к Эпиру (об этом городе упоминает наряду с другими городами, носившими это название, Стефан Византийский, s. v.); см.: *Unger G. F. Die Heimat des Theognides // Philologus. 1886. Bd XLV. S. 18 ff.*

² См.: *Suid. s. v. Θεόγνις· γεγονός ἐν τῇ 59' Ὀλυμπιάδῃ*. Слово *γεγονός* предлагает принимать в смысле «родившийся» В. Али (*Aly W. Op. cit. Sp. 1973*). Другие вкладывают в это слово смысл «был», «процветал», «славился» (*Hiller E. Zu Theognis // Jahrbücher für classische Philologie. 1881. XXVII. S. 456; Carrière J. Théognis. Poèmes élégiaques. Paris, 1948. Introduction. P. 5*).

³ Современником Кира (похода Гарпага на Ионию) считают Феогнида некоторые исследователи, например: *Cauer F. Parteien und Politiker in Megara und Athen. Stuttgart, 1890. S. 31 f.*; *Hudson-Williams T. Op. cit. P. 6 f.*; *Highbarger E. Op. cit. P. 141*; *Klinger W. A quelle époque Théognis a-t-il vécu // Bul. Intern. Acad. Polonaise de Cracovie. Classe de philologie, histoire, philosophie. 1931. P. 109 suiv.* Другие считают поэта современником Ксеркса, например: *Reitzenstein R. Op. cit. S. 58f., 84, 273* (показаниям Свида и Евсевия он не придает никакого значения); *Croiset A. et M. Op. cit. P. 141*; *Harrison E. Op. cit. P. 281*; *Aly W. Op. cit. Sp. 1973*; *Schmid W., Stählin O. Op. cit. Bd I, 1. S. 381*; *Wilamowitz-Moellendorf U. von. Sappho und Semonides. Berlin, 1913. S. 173. Anm. 1.*

⁴ О двух мегарских поэтах, произведения которых будто бы соединены в сборнике, см.: *Jacoby F. Theognis // Sitzungsber. Preuss. Akad. d. Wiss. Philosoph.-hist. Kl. 1931. S. 90 ff.*; склоняется к этой мысли и В. Йегер (*Jaeger W. Paideia. Berlin, 1959. Bd I. S. 259*). Доказывает наличие в сборнике смысловых связей Ф. Дорнзайф: *Dornseiff Fr. Echtheitsfragen antik-griechischer Literatur. Berlin, 1939. S. 21 ff.*

⁵ О тесной связи между обеими книгами см.: *Frese H. Quae ratio intercedat inter librum Theognideorum et posteriorem: Diss. Kiliae, 1895. P. 1 sqq.*; *Croiset A. et M. Op. cit. II². P. 139 suiv.*; *Allen T. W. Theognis // Classical Review. 1905. Vol. 19. P. 393 f.*; *Aly W. Op. cit. Sp. 1972, 1979 f.*; *Dornseiff Fr. Op. cit. S. 22*. Впрочем, нет недостатка и в голосах, отрицающих близкую связь между

ее дает нам только одна рукопись. Некоторые особенности первой книги — наличие в ней противоречивых высказываний, дублетов, чужих стихотворений — внушили ряду исследователей мысль о невозможности приписать эту книгу в ее настоящем виде одному поэту. Однако противоречивые мысли встретятся, вероятно, у любого поэта. Английские филологи сделали любопытные наблюдения над стихами феогиновского сборника, заимствованными у других поэтов, и над дублетами самого Феогида.⁶ В сборнике нередки случаи легкого изменения в тексте чужих стихов, придающего этим стихам новый смысл, отличный от смысла оригинала; бывают такие случаи и в дублетах стихов самого Феогида. Отсюда заключение о сознательном изменении чужого достоинства, создании вариантов к чужим стихам. Поэтому и чужие стихи, дословно цитируемые в феогиновском сборнике, могут рассматриваться как материал для предполагавшихся вариантов

обеими книгами, например: *Couat A. Le second livre d'élégies attribuées à Théognis // Annales de la Faculté des Lettres de Bordeaux. 1883. T. 5. P. 257 suiv.; Hudson-Williams T. Op. cit. P. 72; Jaeger W. Op. cit. S. 253.*

⁶ См.: *Harrison E. Op. cit. P. 100 ff.; Highbarger E. Literary imitation in the Theognidea // AJPh. 1929. Vol. L. P. 341 ff.; id.: Repeated verses in classical poetry with particular reference to the Theognidea // Philological Quarterly. 1931. Vol. 10. P. 329 ff.; Allen T. W. Theognis // Proceedings of the British Academy. 1934. Vol. 20. P. 75 ff.; Young D. Borrowing and self-adaptations in Theognis // Miscellanea critica. I / Hrsg. von d. Mitgliedern d. Redaktion d. Bibliotheca Teubneriana — J. Irmischer, Br. Doer, U. Peters, R. Müller. Leipzig, 1964. P. 307 ff. О дублетах и заимствованиях см. также: *Kuellerberg R. De imitatione Theognidea : Diss. Argentorati, 1877. P. 49 sqq.; Schneidewin H. De syllogis Theognideis : Diss. Argentorati, 1878. P. 10 sqq.; Cauer F. Studien zu Theognis // Philologus. 1890. Bd 49. S. 662 ff.; 1891. Bd 50. S. 529 ff.; Lucas J. Studia Theognidea : Diss. Berolini, 1893. S. 23 ff.; Heinemann J. Theognidea // Hermes. 1899. Vol. 34. S. 590 ff.; Wilamowitz-Moellendorf U. von. Die Textgeschichte der griechischen Lyriker // Abhandl. d. Gesellschaft d. Wiss. zu Göttingen. Philosoph.-hist. Kl. N. F. 1900. Bd IV. № 3. S. 158; Hudson-Williams T. Op. cit. P. 12 ff.; Aly W. Op. cit. Sp. 1977 ff.; Kroll J. Theognis-Interpretationen // Philologus. 1936. Supplbd. XXI. H. 1. S. 283; Bowra C. M. Early greek elegists // Martin classical Lectures. Cambridge (Mass.), 1938. Vol. VII. P. 140 f.; Dornseiff Fr. Op. cit. S. 26 ff. П. Фридлендер (*Friedländer P. Γρηγορία // Hermes. 1913. Bd 48. S. 588 ff.*) считает, что ст. 153—154 представляют собой сознательное заимствование из Солона с переделкой; Х. Фриш (*Frisch H. Might and Right in Antiquity. København, 1949. Vol. 1. P. 255 ff.*) излагает следующий взгляд на состав феогиновского сборника: последний представляет собой соединение трех сборников песен; каждый из них составлен самим Феогидом, который сознательно помещал рядом со своими стихотворениями и чужие.**

поэта па ту же тему. По всем этим причинам трудно признать всю первую книгу чем-то пригодным для опубликования. Наряду с частями, имеющими вполне законченный вид, в ней есть немало сырого материала, не вяжущегося с представлением о сборнике, предназначенном для выхода в свет.⁷ Предположение о записной книжке поэта, в которую попадают кроме особо ценных им и получивших окончательную обработку произведений (необязательно новых) также разного рода заготовки, является остроумным выходом из положения.⁸ Никто не станет отрицать закономерности такой гипотезы, несмотря на вызываемые ею сомнения и трудноразрешимые вопросы. Главный из них — каким образом и почему такая записная книжка стала для нас, да уже и для греков IV в. до н. э.,⁹ основным источником для ознакомления с творчеством мегарского поэта, почему она вытеснила из обращения те свитки его произведений, о существовании которых дают право думать его собственные слова о том, что он знаменит среди всех людей, т. е. греков (ст. 23).

Эта гипотеза все же обладает одним неоспоримым достоинством: она объясняет нам, как мог возникнуть подобный сборник как единое целое, отнюдь не отражающий хронологическую последовательность создания стихотворений, но в то же время не представляющий собой хаотическое, везде лишенное связующих элементов собрание (вспомним частично оправдывающую себя, хотя и не объясняющую сборника в целом, гипотезу ударных слов).¹⁰

⁷ О существовавших до 1934 г. теориях по поводу состава сборника см.: *Aly W. Op. cit. Sp. 1974 ff.*

⁸ См.: *Young D. Op. cit.* Принятие этого вывода английского ученого не означает согласия с другими его положениями, высказанными им на с. 366—369, 372, 373, 375, 377, 378. К предположению этого автора присоединяются те ученые, которые не видят в сборнике признаков единства, единого плана, направляющей линии, например: *Van Groningen B. A. La composition littéraire archaïque grecque // Verhandelingen d. Nederlandse Akad. v. Wetenschappen, Afd. Letterkunde. N. R. 1958. D. LXV. N 2. P. 151 suiv.*

⁹ См.: *Wilamowitz-Moellendorff U. von. Textgeschichte. . . S. 58 f.* (книга представляет собой *ὑπομνήματα* какого-то афинянина); *Aly W. Op. cit. Sp. 1974, 1980 ff.; Jaeger W. Op. cit. S. 252.* О значительном отличии книги Феогнида, имевшейся в IV в. до н. э., от нашего феогнидовского сборника см.: *Schmid W., Stählin O. Op. cit. Bd I, 1. S. 376.*

¹⁰ Первым, кто обратил внимание на ударные, связывающие отдельные стихотворения, слова и выражения, был Велькер (*Welcker Fr. Th. Theognidis reliquiae. Francofurti ad Moenum, 1826. P. legomena. P. CV sqq.*), приписавший расположение стихов не са-

Кроме того, для нас важна возможность сохранения за поэтом права на авторство всего сборника. В дальнейшем мы будем исходить из мысли о едином авторе и составителе сборника в соответствии с мнением не только сторонников гипотезы «записной книжки», но и других ученых, придерживающихся унитарной точки зрения.¹¹ Всякое новое рассмотрение поэтического наследия Феогида, столь часто бывшего предметом изучения филологам и историками, может быть оправдано только в том случае, если автор новой работы сумеет посмотреть на феогидовский материал под новым углом или, по крайней мере, если ему удастся произвести некоторое смещение обычных точек зрения. На это второе, минимальное оправдание и претендует последующее рассмотрение.

Исследование стихов Феогида, предлагаемое в данной работе, подчинено двум принципам.

1. Поэтический текст (напомним об этой общепризнанной истине) не является документом в собственном смысле. Отражение современных автору событий и явлений общественной и частной жизни в поэзии всегда имеет сильную субъективную окраску. Поэт чаще всего дает нам не факт сам по себе, а свое отношение к факту, иногда в соединении со своеобразно освещенным фактом. Еще в большей степени, чем мемуарист, он подает события и явления исходя из своих собственных социальных, политических, вообще идеологических, а порой и глубоко личных позиций. Идя на поводу у поэта, мы нередко рискуем получить либо неправильную ориентировку, либо искаженное представление о масштабах событий и явлений. При примерном восстановлении общей социальной и политической ситуации времен Феогида следует не терять из виду тот резко субъективный колорит, какой получает в его стихах современная ему действительность.

2. Неизменность позиций поэта, полная глухота его к изменениям, происходившим на его глазах и до него,

мому поэту, а некоему «полузнайке» (*sciolus*). В дальнейшем теорию развил Ф. Ницше (*Nietzsche Fr. Zur Geschichte der Theognideischen Spruchsammlung // RhM. N. F. 1867. Bd 22. S. 161 f.*). Против теории Ницше высказывался ряд филологов, например: *Fritzsche Th. Das Stichwort als Ordnungsprinzip der theognideischen Fragmente // Philologus. 1870. Bd 29. S. 526 ff.*; *Hudson-Williams T. Op. cit. P. 12 ff.* См. также: *Müller Carolus. De scriptis Theognidis: Diss. Coroniae Germanorum, 1877. P. 11 sqq.*; *Couat A. Op. cit. P. 288 suiv.*; *Dornseiff Fr. Op. cit. S. 7 ff.*

¹¹ См.: *Dornseiff Fr. Op. cit. S. 24*; *Frisch H. Op. cit. P. 216 f.*

не должна считаться аксиомой. Поэт, отнюдь не бывший абстрактным мыслителем и создавший свою философию (если этот термин вообще применим к Феогниду) на основе переданной от предков морали с добавлением переработки впечатлений, непосредственно получаемых от жизни, не мог быть абсолютно нечувствительным к окружающей его действительности. Следы колебаний, неуверенности, смены настроений, даже если не коренных, то довольно существенных изменений взгляда на вещи не должны приводить нас в недоумение. Несовместимые один с другим взгляды не могли быть высказаны поэтом одновременно, но во временной последовательности — будь то в порядке неустойчивости настроения или вследствие более глубоких причин — такая несогласованность между его высказываниями не должна считаться исключенной. Следует а priori допустить возможность у Феогида колебаний, возражений самому себе, даже частичного отхода от некоторых взглядов, свидетельствующего об эволюции поэта.¹²

Воззрения Феогида характеризуются в первую очередь традиционализмом. Сам он заявляет о том, что передает Кирну те правила, какие были получены им самим в юности от «добрых» старшего поколения (27—28).

Стихотворение, в котором находятся эти слова, раскрывает нам сущность социальных воззрений поэта. Традиционные воззрения представляются ему вполне ясными, несомненными, не вызывающими сомнений. Хранителями их являются «добрые» — ἀγαθοί.⁶ У них следует учиться молодому человеку. Обучение происходит в процессе непрерывного общения: следует держаться «добрых», «честных» (ἐσθλοί), с ними пить, есть, проводить время, им угождать. Последнее выражено словами: καὶ ἀνδρε τοῖς ὄν μετ' αὐτῶν δύναις (34). Такая формулировка могла бы подать повод к недоразумению; Феогид будто бы советует угождать тем, в чьих руках в данный момент находится власть, причем ст. 34 будто бы вступает в конфликт со ст. 31—32 и 35—36. Между тем весь контекст восстает против такой интерпретации. Эти люди, имеющие μετ' αὐτῶν δύναις, тождественны с теми ἀγαθοί, о которых только что была речь в стихотворении.¹³ К толкованию слов Феогида

¹² Яркие страницы Феогиду как личности посвящены в кн.: *Cucuel Ch. Théognis de Mégare et ses élégies // Ann. de la Faculté des Lettres de Bordeaux. 1889. T. 11. P. 219 suiv.*

¹³ Якоби считает стих интерполированным (*Jacoby F. Op. cit. S. 130 f.*); Ф. Кауер (*Cauer F. Parteien. . . S. 34*) думает, что все

можно привлечь место из стихотворений Солона — οἱ δ' ἐῖ-
 χον δόναριν καὶ χρήσιν ἱσαν ἄγῃτοί (Solo, № 5, 3). У обоих
 поэтов имеются в виду люди высшего социального слоя;
 у обоих нельзя допустить возможность включения в число
 «имеющих могущество» тех, кого поэты именовали *κακοί*.
 Mutatis mutandis мы могли бы обозначить их как les grands
 seigneurs. Именно они, наследственные представители вер-
 хов населения, являлись теми ἄγαθοί, ἐσθλοί, которые были
 способны научить юношу не заниматься «безобразными и
 несправедливыми делами» и не приобретать таким путем
 почести, репутацию, доблести и богатство. Перед нами
 одно из тех стихотворений, где с полной определенностью
 доброе и дурное разграничивается по социальному при-
 знаку. «Добрые» — это великие мира, «дурные» — те,
 кто к ним не принадлежит.⁶

В разбираемом стихотворении есть еще одна сторона,
 открывающая известную перспективу в смысле понимания
 других стихотворений Феогнида. Поэт повторно предосте-
 регает знатного юношу против общения с *κακοί*; *κακοῖσι δὲ μὴ*
προσομίλει ἀνδράσιν (31—32); *ἦν δὲ κακοῖσι συμμίσσης* (35—36).
 Если так, то опасность близкого соприкосновения с не-
 приятной поэту общественной средой была для юного ари-
 стократа вполне реальной. Хотя в одном двустииши (233—
 234) звучит предостережение — не увлекаться ролью
 вождя народных масс, но в разбираемом стихотворении
 и в ряде других речь идет о *κακοί* совсем другого рода. Пить,
 есть, проводить время знатный юноша мог с теми из *κακοί*,
 чей образ жизни в большей или меньшей степени при-
 ближался к образу жизни знати. В эпоху безраздельного
 господства знати не было надобности заботиться об искус-
 ственной преграде между молодым поколением знати и
 людьми из социальных низов: такая преграда существо-
 вала сама по себе в силу социального неравенства и из-
 вестного уклада жизни тех и других. Иную социальную
 обстановку предполагает наше стихотворение. Часть *κακοί*,
 уже сравнивавшаяся в правах с ἄγαθοί, занимает в жизни
 положение, делающее привлекательным сближение с ними
 для молодых людей из старинной знати. Непримиримые
 представители старшего поколения аристократии боятся
 возможности такого сближения, грозящего молодым лю-

стихотворение написано до утраты знатью своего политического
 значения, т. е. в ту пору, когда между ἄγαθοί и οἱ δούλῳν ἔχοντες стоял
 знак равенства (в ином смысле, чем это предполагается в настоящей
 главе).

дям «потерей имеющегося у них ума» — ἀπολεῖς καὶ τὸν ἐνόντα νόον (36), т. е. отходом от традиционных идеалов. О той же вполне реальной опасности сближения или даже дружбы с «дурными» говорится и в ряде других мест (69—72, 101—104, 113—114, 1169—1170, 1377—1380). В представлении поэта (и его единомышленников) основными социальными слоями в Мегарах его времени являются знатные и незнатные. У них разный образ мыслей, разные идеалы. Они разобщены между собой; поэт дает альтернативу: общаться можно либо с одними, либо с другими.

В какой степени эта картина соответствовала реальному положению? Знатному юноше рекомендуется водить компанию только с «добрыми». За этим скрывается опасение, что его товарищи окажутся «дурными». Даже если допустить, что поэт только предостерегает: «не делай того, чего ты и до сих пор не делал», а не отговаривает «перестать делать то, что ты делаешь», то в таком случае придется признать, что в жизни расстояние между двумя социальными слоями не было столь большим, как того хотелось бы поэту.

Выводы, которые оказалось возможным сделать на основании анализа одного стихотворения, получают подкрепление со стороны других стихотворений и в свою очередь позволяют представить в истинном (с нашей точки зрения) свете некоторые высказывания поэта, звучащие при первом знакомстве как изложение прописных истин, годных для преподавания юношеству во все времена и при всех обстоятельствах.

Начнем с наставлений не общаться с «дурными», «подлыми». Существующие грани между «добрыми» и «дурными» — одна из основ социального мышления Феогнида. Этими двумя понятиями он оперировал всю жизнь. Мы не будем этому удивляться, если вспомним, что даже Солон, введший деление граждан на так называемые классы на основе имущественного ценза и тем самым отменивший старое деление на ἀγατοί и καχοί (=эпатриды и прочие граждане), даже после своих реформ пользуется старой социальной терминологией. Мы находим у него заявление, что он установил одинаковые законы и правый суд для καχοί и ἀγατοί (№ 24, 18—20) и что раздел земли с целью уравнять земельные владения тех и других не входил в его планы (№ 23, 20—21).

Одно из своих произведений, наиболее ярких по открытости высказываемых в нем взглядов, Феогнид начинает

так: «Мы ищем породистых баранов, ослов и коней; всякий хочет, чтобы они происходили от добрых (ἐξ ἀγαθῶν). Но честный (ἐσθλός) муж не колеблясь берет в жены дурную, дочь дурного (κακὴν κακοῦ), если тот дает ему много денег, и женщина не отказывается быть женой богатого дурного (κακοῦ) мужа и предпочитает состоятельного доброму» (183—188, ср. 1112). Поэт стоит на социологической точке зрения, признавая наследственную передачу высоких качеств у людей путем искусственного подбора, как это происходит у домашних животных. Слово ἀγαθός оказывается одинаково применимым к животным и к людям. Тождество знатного происхождения и обладания выдающимися свойствами не подлежит для поэта никакому сомнению. До какого-то времени — так, бесспорно, думает Феогнид — ничто не нарушало передачу благородных качеств из поколения в поколение. Иначе было бы непонятно существование двух категорий людей — добрых и дурных. Чистота рода поддерживалась до тех пор, пока не появился новый фактор, вызвавший нарушение установившейся традиции. Начались и вошли в быт браки между представителями двух слоев гражданства. Разрушительным фактором было богатство в руках κακοί. Феогнид продолжает: «Они ведь почитают деньги, и честный берет в жены дочь дурного, а дурной — дочь доброго; богатство перемешало род» (189—190). Происходит, таким образом, сближение людей родовитых с неродовитыми богачами, нарушается чистота рода. Поэтому Кирн не должен удивляться ухудшению породы граждан: ведь честное перемешивается с дурным (191—192).

Ухудшение породы обозначается словом μαυροῦσθαι. Этот глагол и родственные ему прилагательные (μαῦρος, ἀμαυρός с α euphonicism) и существительное ἀμαυρία означают потускнение, потемнение и т. п. По отношению к людям прилагательное означает «незаметный», «незначительный». Андромаха в одноименной трагедии Эврипида задает вопрос о себе: αὐτὴ τ' ἀμαυρὰ καὶ τῶρανος ἦν Φρυγῶν (204) — «а я сама была разве незаметной, а не властительницей фригийцев?». Гесиод в «Трудах и днях», предостерегая брата против ложной клятвы, пугает его тем, что такая клятва отразится на потомстве — оно будет ἀμαυροτέρη γενεή (284) — незначительным, ничтожным. У Эврипида дело идет о социальном ранге, у Гесиода — скорее об утрате каких-то ценных нравственных и физических качеств. Феогнид во всяком случае имеет в виду ухудше-

ние породы граждан, которое делает их неполноценными не в смысле утраты гражданских прав (они по-прежнему ἀστοί), а в смысле нравственного оскудения.

Следующие четыре стиха можно толковать и как продолжение предыдущего стихотворения, и как самостоятельное четверостишие. Здесь точнее определяется причина смешанных браков: «Гражданин, зная, что такая-то происходит от дурного отца, приводит ее к себе в дом, повинувшись деньгам, — он, обладающий доброй славой, ее, имеющую дурную славу (εὐδοξὸς κακῶδοξον), так как его к тому побуждает сильная нужда, приводящая в жалкое состояние ум мужа» (193—196). Следовательно, обедневшие и беднеющие аристократы не чуждаются брачных связей с разбогатевшими выходцами из народа. Вчитаемся в стихи Феогнида. Нежелательный, с точки зрения поэта, процесс сближения зашел далеко. Результаты смешанных браков уже дают себя знать: Кирн не должен удивляться тому, что он видит. Гибельное, по мысли поэта, смещение началось уже раньше и продолжается на глазах Феогнида и его современников.

Могли ли представители аристократических родов, нарушившие и нарушающие старую традицию при заключении браков, смотреть на социальную действительность своего времени так же, как смотрел непримиримый поэт? Самый их образ действий показывает, что старые нормы не были для них обязательными; вслед за действиями, шедшими вразрез со старой идеологией, должны были измениться и взгляды. Фактически во главу угла ставится сейчас не происхождение, а деньги, богатство. На протяжении четырнадцати стихов поэт семь раз упоминает о деньгах (χρήματα — 186, 189, 194), богатстве (πλοῦτος — 190, πλούσιος — 188, ἀφνειός — 188), нужде (ἀνάγκη — 198). Материальная обеспеченность оказывается тем критерием, которым руководствуются при заключении браков люди, являющиеся для Феогнида своими.

Отсюда следует, что в современных Феогниду Мегарах (будем говорить только о них) каждая из двух групп — как ἀγατοί, так и κακοί, во всяком случае к зрелым годам поэта (а скорее всего, до этого), раскололась, грубо говоря, надвое. С одной стороны, из общего числа κακοί выдвинулись богатые, πλούσιοι, тогда как остальная масса (при всей ее дифференцированности в смысле занятий и материального благосостояния) в общем оставалась на прежнем положении. Богатые сблизились с ἀγατοί посредством браков,

ж, надо думать, бытовое сближение оказало влияние и на их идеологию. Среди ἀγαθοί одни начали сливаться с богачами незнатного происхождения, другие (и среди них Феогнид) продолжали считать себя особым сословием, обладателями наследственных высоких качеств, пользуясь старой социальной терминологией, клеймя словом κακός всякого, кто не принадлежал к наследственной аристократии.

Вправе ли мы после этого говорить об ожесточенной борьбе между ἀγαθοί и κακοί вообще в Мегарах во времена Феогнида? Дают ли стихи поэта в полной мере адекватную социальной действительности картину мегарского общества?

В Аттике некогда существовало разделение на эвпатридов, геоморов и демиургов. В последний раз мы слышим о них в связи с попыткой Дамасия утвердиться во власти. Став архонтом на 582 г. до н. э., он сумел удержаться в этой должности в течение двух лет и двух месяцев. После его свержения афиняне избрали десять архонтов: пятерых из эвпатридов, троих из агройков (= геоморы), двоих из демиургов (Arist. Athen. Pol. 13, 2). В дальнейшем деление на три сословия лишилось официального значения. Между тем, когда в последний период существования афинской тирании, незадолго до 510 г.,¹⁴ Алкмеониды и представители других знатных родов потерпели неудачу в своих начинаниях против тиранов, о них пели в сколии как об эвпатридах, сынах добрых отцов (Arist. Athen. Pol. 19, 3). В конце VI столетия отмененная старая официальная терминология продолжала бытовать в определенных кругах. Это вполне естественное и легко объяснимое обстоятельство не дает нам никакого основания считать главным критерием социального деления афинских граждан еще в конце VI в. (и далее) происхождение от знатных и незнатных отцов.

Феогнид видит мегарское общество в своеобразном ракурсе. Он верит в реальность тех граней, которые в значительной степени утратили свое значение и во всяком случае переставали, если не перестали, быть главными. Он ратует за незыблемость перегородок, давно расшатанных, а на многих участках и опрокинутых.¹⁵

¹⁴ В 513/2 г., см.: Glotz G. Histoire grecque. Paris, 1925. T. I. P. 464.

¹⁵ Непонятным образом Ф. Раморино делал на основании стихов Феогнида вывод о кратковременном торжестве демократии

Многочисленны те стихи, где поэт говорит о прирожденных достоинствах «добрых» и о пороках «дурных». Суждения Феогнида категоричны, в них нет следов колебаний или сомнений (о некотором отходе от первоначальных мнений, наметившемся, вероятно, в конце жизни поэта, речь будет ниже). Свою уверенность он, несомненно, почерпнул из традиции, наследником которой он себя считает. В соответствии с традиционными воззрениями он рисует следующую социальную картину: на одной стороне ее только свет, на другой — только тень.

Резкое, ничем не прикрытое противопоставление нравственных качеств «добрых», «честных» и «дурных», «подлых» находим в ряде стихов Феогнида. Добрые не погубили ни одного государства, дурные же проявляют наглость, портят народ, отдают суд в руки несправедливых, руководствуясь корыстолюбием и честолюбием (43—46). Добрые способны чувствовать признательность; ждать от дурных благодарности — все равно что надеяться собрать жатву от семян, брошенных в море (105—112; ср. 853—854=1038a—1038b, 955—956). Дурному чуждо понимание справедливости, он не боится никакого возмездия; поступая дурно, он думает, что все делает прекрасно (279—282). Лучшее сокровище, какое Кирн оставит своим детям, — αἰδώς — уважение, сопутствующее добрым мужам (409—410).¹⁶ Нет людей, счастливых во всех отношениях, но честный, испытывая беды, сохраняет самообладание (τολμή) и не выставляет напоказ свое состояние, тогда как подлый не умеет скрывать свои чувства, ни благодеяния, ни бедствия (441—446=1162a—1162b; ср. 319—322, 393—398, 657—658, 1029—1036). Дурные злоречивы, они не желают молчать; добрые умеют во всем соблюдать меру (611—614). Добрых один порицает, другой хвалит, а о дурных и речи нет (797—798; ср. 793—796). Ум подлых становится еще более вздорным из-за их порочности; поступки добрых всегда лучше приводят к цели (1025—1026).¹⁷ Доброго мужа очень трудно ввести в заблуждение (1037—1038). У добрых честны и ответы, и дела; подлые же слова дурных разносит ветер (1167—1168). Таковы стихи

в *Merapax*, см.: *Ramorino F. Teognide di Megara // Rivista di filologia ed istruzione classica*. 1876. Vol. IV. P. 240 sg.

¹⁶ См.: *Van Groningen B. A. Théognis : Le premier livre édité avec un commentaire*. Amsterdam, 1966. P. 114, 162 (далее всюду: *Van Groningen*, с указанием страницы).

¹⁷ *Ibid.* P. 383.

Феогида, содержащие прямое или легко подразумеваемое противопоставление тех двух социальных слоев граждан, на которые, как он думает, распадается общество на его родине и, вероятно, в греческих полисах вообще.

Феогнид, однако, не мог не замечать роли богатства в общественной жизни. Мы видели, как больно он реагировал на браки обедневших аристократов с разбогатевшими людьми из социальных низов (у нас нет причин думать, что это были богачи только в первом поколении). Богатству он ставит в вину многое. «Тебя, — говорит Феогнид, обращаясь к богатству (богу Плутосу), — недаром люди больше всего почитают, ведь ты легко миришься с порочностью» (523—524; ср. 1116—1117). Иметь богатство подобает добрым, а переносить бедность подходит дурному мужу (525—526). В феогнидовском сборнике мы находим четверостишие Солона (№ 4, 9—12), которое, видимо, произвело большое впечатление на мегарского поэта: «многие дурные богаты, многие добрые бедны, но мы не обменяем доблесть на богатство, так как она всегда надежна, а богатством владеет то один, то другой из людей» (315—318). Деньги божество дает даже очень дурному мужу, а доблесть сопутствует немногим (149—150; ср. 865—866). В общей форме, безотносительно к самому себе, поэт говорит о тяжком бремени бедности для доброго мужа (173—174). Повторно к стихам Солона (№ 5, 9—10) прибегает Феогнид, чтобы сказать, что пресыщение порождает наглость, когда богатство попадает в руки дурного человека, у которого ум не в порядке (153—154). На этот раз Феогнид вносит в текст Солона свои поправки. Во-первых, частицу γάρ в первом стихе он заменяет частицей τοι и придает этим двустопию самостоятельность (у Солона оно служит пояснением к предыдущим стихам). Во-вторых, Солон говорит ὅταν πολὺς ὄλβος ἔπῃται ἀνθρώποις ὅσοις μὴ νόος ἄρτιος ᾖ; (Феогнид переделывает: ὅταν κακῷ ὄλβος ἔπῃται ἀνθρώπῳ καὶ ὅτῳ μὴ νόος ἄρτιος ᾖ с явным акцентом на слове κακῷ — именно «дурной» наделяется у него умом, который не в порядке.¹⁸ Большинство людей считает единственной доблестью быть богатым, а все остальное — разум, умение, красноречие, быстроту ног — бесполезным (699—718). Следует вырабатывать в себе доблесть, любить справедливость и не давать позорной корысти власт-

¹⁸ Ibid. P. 61.

воватъ падъ собой (465—466; ср. 145—148, 865—868, 1059—1062).

В ряде перечисленных стихотворений можно уловить скорбную ноту не только по поводу общего положения дел, но, по-видимому, имеющую отношение к судьбе самого поэта. Есть, однако, стихи на тему о богатстве и бедности, непосредственно касающиеся судьбы самого Феогнида. Он был состоятельным человеком и перестал им быть. Об этом с полной ясностью свидетельствуют три стихотворения. В одном — жалоба поэта на то, что его цветущими полями владеют другие, о чем он вспоминает, услышав пронзительный крик птицы, возвещающей начало вспашки (1197—1202). В другом — скорбь по поводу того, что не видно возмездия людям, которые насильно захватили его имущество и владеют им; поэт выражает желание напиться их черной крови (345—350). Большое стихотворение, к которому придется еще возвратиться, начинается словами: «Если бы я, Симонид, имел средства (χρήματα), как это было раньше, то я не испытывал бы огорчения, находясь среди добрых; теперь же все идет мимо меня, хотя я и разумен; из-за нужды я безгласен, все еще понимая больше, чем многие другие» (667—670; ср. 177—178, 419—420; сюда, вероятно, и 815—816). Эти последние стихи, подтверждающие факт потери поэтом-аристократом своего (по-видимому, наследственного) состояния, интересны еще в одном отношении. Обедневший знатный человек внешне не утрачивает своего социального ранга: он общается с добрыми (которым в конце стихотворения — 681—682 — противопоставляются дурные). Но реально его положение меняется: сейчас он, находясь в своей родной стихии, испытывает горечь унижения, так как его не слушают; он вынужден хранить молчание, хотя сознает за собой способность высказывать разумные мнения понимающего положение человека.

Выше мы констатировали на основании некоторых стихов Феогнида сближение части аристократии с людьми, выдвинувшимися благодаря богатству. Теперь мы получаем еще одну черточку для картины социальных отношений в довольно значительном, хотя и начавшем клониться к упадку греческом приморском торговом полисе. Внутри аристократического общества богатство создает заметное неравенство. Обедневшим представителям знати, не поправившим свои материальные обстоятельства мезальянсами, приходится быть безгласными при обсуждении об-

щественных вопросов или обмене мнениями по поводу таких вопросов в тех собраниях, куда не имели доступа дурные, т. е., конечно, не в присутственных местах, а, скорее, в кружках частного характера.

Вероятно, для таких собраний возникло стихотворение, интерпретацией которого мы решили заняться (847—850):

λὰξ ἐπίβα δῆμῳ κενεόφρονι τύπτε δὲ κέντρον
ὀξεὶ καὶ ζεύγλῃν δόλοφον ἀμφιτίθει
οὐ γὰρ ἔθ' εἰρήρεις δῆμον φιλοδέεστον ὧδε
ἀνθρώπων, ὅπως οὖς ἡέλιος καθορᾷ.

Эти стихи отражают крайнюю степень озлобления поэта-аристократа против его социального антипода — демоса. Феогнид советует наступить ногой на «пустомысленный» народ,¹⁹ бить его острым бодцом (κέντρον), накладывать на него тяжкое для шеи ярмо (ζεύγλῃν). Дальше — оправдание этого совета, обоснование его (γάρ): «Ведь ты уже больше (οὐκέτι) не найдешь столь (ὧδε) преданного господину народа среди людей, на которых взирает солнце». Такой или приблизительно такой перевод, подсказываемый самой естественной интерпретацией стихов, обычно и дается.²⁰ Слово φιλοδέεστος обычно передается как «друг рабства» (ami de la servitude — Croiset), «любящий быть поработленным» (qui aime être asservi — Carrière), «жаждущий хозяина» (desiderosi di un Padrone — Garzya), «любящий господина» (der den Herrn liebt — Fränkel). Может возникнуть недоумение по поводу такого обозначения народа: если народ любит своего господина (или свое рабское состояние), то непонятно, почему поэт рекомендует такое бесчеловечное обращение с народом, преданность которого вне сомнения.²¹ Не помогает разобраться в смысле четверостишия мнение, будто поэт хочет сказать: народ в такой степени отличается сервилизмом, что допускает

¹⁹ Толкование слова δῆμος в смысле πῶλις, т. е. совокупность всех граждан (а не только plebs), предложенное для стихов Феогнида (см. статью: Forti Messina A. Δῆμος in alcuni lirici // Αντίφωνον Н. Н. Pàoli. Genova, 1956. P. 237 sgg.) может подойти, хотя и с некоторыми оговорками, для ст. 45 и 105, но решительно не подходит для ст. 233, 845, 849, 947 (о последнем см.: Van Groningen. P. 360).

²⁰ Croiset A. et M. Op. cit. P. 151; Théognis (Carrière); Teognide (Garzya); Fränkel H. Dichtung und Philosophie des frühen Griechentums. München, 1962. S. 473.

²¹ Ван Гронинген (Van Groningen. P. 323) в своем комментарии исходит из молчаливой предпосылки, что народ уже любит своих господ.

самое дурное обращение с собой.²² Недоумение остается в силе.²³

В слове φιλοδέσποτος вообще и в частности у Феогида имеется признак соединения понятия любви с объектом, способным скорее внушить противоположное чувство. Если в Греции давали рабу имя Φιλοδέσποτος, то в этом следует, разумеется, видеть действие принципа поменомен, а не констатацию обычного или распространенного явления (ср. и ἀνδράποδον φιλοδέσποτον — Hdt. IV, 142; Diod. XVIII, 66). Тот же признак не очень подходящего для любви объекта находится в прилагательном φίλῆνιος (φίλεω+ἥνις), один раз встречающемся в греческой литературе и, по-видимому, образованном ad hoc. Эсхил в «Прометее» вкладывает в уста своему герою монолог, в котором тот перечисляет оказанные им человеческому роду благодеяния. Людей, прежде лишенных сознания и ведших жизнь, подобную жизни муравьев, он научил различать времена года путем наблюдения над светилами, дал им значение чисел, грамоту, память. Он впервые наложил

²² Buchholz E., Peppmüller B. Anthologie aus den Lyrikern der Griechen. Leipzig, 1911⁶. Bd I. S. 104.

²³ Здесь уместно отметить, что русские переводчики, скорее всего под влиянием этой кажущейся неувязки между первым и вторым двустушиями, не дают адекватного греческому подлиннику перевода второго двустушия. См. у А. Пиотровского (Феогид из Мегары: Элегии / Пер. и вступ. статья Адриана Пиотровского. Пг., 1922. С. 35):

«Нет под всевидящим солнцем, нет в мире широком народа,

Чтоб добровольно терпел крепкие узы господ».

Смысл подлинника в такой передаче сильно искажен. Феогид во все не говорит, что на свете нет народа, любящего власть господ; речь идет о другом — ты не найдешь народа, который бы так (ὥδε), как этот народ, любил бы господина, господ, их власть. У В. В. Вересаева (Эллинские поэты в переводах В. В. Вересаева. М., 1963. С. 315):

«Верно, народа с подобной любовью к тиранам ни разу

Не доводилось еще солнцу видать на земле».

Общий смысл двустушия искажен: у народа предполагается любовь к господину (тирану), чего нет в подлиннике; неуместно упоминание о тиране (кто и когда называл тирана δεσπότης?); наконец, непонятно, к кому обращается поэт, как известно, одинаково неприязненно относившийся и к тирании, и к демократии. У Вячеслава Иванова (Греческая литература в избранных переводах / Сост. В. О. Нилендер. М., 1939. С. 94):

«Подобострастнее слуг не найти, клянусь, ни в едином

Из городов и племен, Гелием зримых с небес».

Едва ли удачно сказано здесь о подобострастных слугах, а главное — остается неясным, является ли это «подобострастие» основанием для угнетения народа или следствием его.

ярмо на животных, чтобы тем самым облегчить людям их труд; он впряг в колесницы коней, изобрел корабль. В этом перечислении привлекают наше внимание слова, касающиеся приручения животных, и в частности коней. О животных сказано: *καὶ ζευξα πρῶτος ἐν ζυγοῖσι κνώδαλα|ζεύγλαισι δουλεύοντα* етс. (462) — «и я первый соединил под ярмом диких животных, рабски подчиняющихся хомутам». Эсхил дает понять, что дикие животные, ранее не знавшие ярма, были насильственно порабощены и стали служить человеку. Несомненно, этот момент принуждения присутствует и дальше, когда Прометей говорит о конях: *ὅφ' ἄρματ' ἤγαγον φίλῆνιους ἵππους* (465 сл.) — «я подвел под колесницы любящих вожжи коней». Кони впервые впряжены в колесницы, они стали любителями вожжей — *φίλῆνιοι*, после того как Прометей укротил их. Определение *φίλῆνιοι* явно характеризует коней с той же стороны, с какой прежде дикие животные (*κνώδαλα*) характеризовались чуть выше словами *ζεύγλαισι δουλεύοντα*. В первом случае звери рабски подчиняются хомуту, во втором — кони любят свои вожжи не по природе, а в результате насилия, примененного к ним Прометеем, передавшим затем господство над ними людям.

Итак, кони названы *φίλῆνιοι* потому, что они в своем порабощенном состоянии покорились вожжам, возлюбили вожжи. Вернемся с этим заключением к стихам Феогнида. Не может ли здесь прилагательное *φιλοδέσποτος* обозначать не исконное свойство мегарского народа, а состояние его после тех насильственных действий, какие, по мнению Феогнида, следует к нему применить? Иначе говоря: частица *γάρ*, возможно, обосновывает советы Феогнида не наличием благоприятствующих таким действиям обстоятельств (их именно нет), а результатом, который будет получен после реализации этих советов.

Такое толкование вполне согласуется с постановкой сказуемого в будущем времени — *εὐρήσεις*. В поисках другого примера подобного употребления частицы *γάρ* обратимся к Геродоту. В новелле о любви Ксеркса к Артаинте персидский царь предлагает своей возлюбленной потребовать от него то, чего она желает, — *ἐκέλευσε αὐτὴν αἰτῆσαι ὃ τι βούλεται οἱ γενέσθαι*; дальше — *πάντα γάρ τεύξεσθαι αἰτήσαν* (IX, 109), «ибо, потребовав, она получит все». Исполнение требования или желания, естественно, наступит после того, как будет выражено желание. Оно явится результатом, а отнюдь не причиной требования. Частица *γάρ* вводит обоснование, но в качестве этого по-

следнего выступает не нечто, уже имеющееся налицо, а какая-то перспектива, завершение, обещание.

Текст Геродота допускает, а вернее требует еще большего приближения к стихам Феогнида. Новелла в устной передаче любит прямую речь. В прямой речи Ксеркса к Артаинте должна была быть форма императива (как в первых двух стихах у Феогнида) — αἴτηρον ὅτι βούλει etc., а вместо инфинитива τεύεσθαι был бы indicativus futuri — τεύξει. Нельзя отрицать сходства между грамматической структурой предложения у мегарского поэта и у галикарнасского историка.

Было высказано некоторое недоумение по поводу наречия οὐκέτι (οὐ...ἔθ') у Феогнида.²⁴ Почему поэт не сказал просто οὐ? Предлагаемая интерпретация, думается, устраняет это недоразумение. Οὐκέτι при будущем времени, бесспорно, означает «уже не», «уже больше не», «впредь не». В «Одиссее» неузнанный Одиссей, убив самого видного из пирующих в его доме женихов — Антиноя, слышит угрозу: οὐκέτ' ἀέθλων ἄλλων ἀντιάζεις (XXII; 27 sq.) — «ты больше не будешь совершать другие подвиги». Смысл гомеровских слов ясен: впредь не будет того, что было сделано (или бывало). Аналогичным образом можно интерпретировать и слова Феогнида: до сих пор мегарский народ не терпел над собой господина (или господ), он был одним из самых вольнолюбивых народов; если же обращаться с ним так, как того хочется поэту-аристократу, на свете уже не окажется народа, который в такой степени (ῥῶδε) будет предан своим притеснителям. Ироническое звучание стихов обусловлено не употреблением слова φιλοδέσποτος (которое взято в своем обычном смысле), а злорадной насмешкой, пропитывающей все четверостишие.

В своем четверостишии Феогнид высказывает мысли, резко расходящиеся с мнением Солона (№ 5, 7—10), который говорит, что народ пойдет скорее за вождями в том случае, если его не будут ни слишком распускать, ни подвергать насилию. В стихотворениях Солона и Феогнида отражаются две точки зрения, по-видимому, боровшиеся между собой в социальных верхах афинского и мегарского общества. Солон, живший раньше Феогнида, мог столкнуться с мнением, близким к тому, какое впоследствии высказал мегарский поэт. Резкий, раздраженный тон Феогнида станет понятен, если представить себе, что совет

²⁴ Van Groningen. P. 323.

его обращен к тому общественному кругу, к которому он по своему рождению принадлежит, но из которого он фактически исключен ввиду обстоятельств своей жизни (бедность); поэт в состоянии озлобления выкрикивает свое *credo*, к которому не прислушиваются его бывшие товарищи, давно под влиянием требований реальной жизни порвавшие с привычными для Феогнида воззрениями.

Немало горестных мыслей высказал обедневший Феогнид по поводу положения бедняка. Очень часто мы можем соотнести эти мысли с его собственными обстоятельствами. Бедность удручает доброго в большей степени, чем седая старость и лихорадка (173—174). Бедность — величайшее зло, убегая от которого, нужно броситься в море или с высоких скал (175—176; ср. 179—180; 181—182). Конечно, от себя, а не от лица какого-то неизвестного человека поэт обращается к бедности, спрашивая ее, почему она остается при нем, а не уходит к другому (351—354). Печальна участь бедняка. Он не посещает городской площади и судов; везде он ущемлен, везде вызывает насмешки (267—270; ср. 385—392, 619—620=1114a—1114b, 621—622, 929—930). Бедность налегает на плечи поэта и учит его многому дурному, хотя он и знает то, что честно (649—652). Горькие упреки делаются Зевсу за то, что он позволяет человеку несправедливому и наглому пресыщаться богатством, бесчинствовать, а справедливому, не совершающему никаких беззаконий, жить под бременем тяжелой бедности (743—752). Плодом грустных размышлений, навеянных бедностью, является стихотворение на тему о том, что не следует ставить человеку в укор его бедность; ведь Зевс наклоняет весы то в одну, то в другую сторону — то быть богатым, то ничего не иметь (155—158; ср. 165—166, 557—560, 659—666, 1115—1116).

Власть богатства дает себя знать. Среди пожеланий поэта есть и пожелание услаждать свой дух молодостью и богатством (1121—1122). Если в одном двустии Феогнид мечтает о богатстве и спокойной жизни без забот, вдали от бед (1153—1154), а в другом заявляет о своем равнодушии к богатству и готовности жить на небольшие средства, лишь бы не испытывать никаких бедствий (1155—1156), то это противоречие легко объяснимо переменной настроением. Существенно то, что в обоих случаях мы слышим речь человека, не владеющего богатствами. Надо думать, поэт и его единомышленники, стоявшие на тех же крайне архаических консервативных позициях, находились

в положении безнадежной изоляции. К ним должен был относиться неприязненно и подлинный демос, который они презирали, и богачи, вышедшие из непривилегированной части населения, и сблизившиеся с последними и примирившиеся с веяниями времени аристократы.

Поэта раздражают богачи, которых в силу их богатства считают «добрыми», «честными» (1115—1116; ср. 1109—1110). Для него все *κακοί* сливаются в общую массу. Он возмущен тем, что жившие ранее вне города подобно оленям и покрывавшиеся козьими шкурами теперь считаются *ἀγαθοί* (53—57)²⁵ (вопрос об интерпункции в ст. 57 оставляем в стороне, так как основной смысл стиха при любой расстановке знаков препинания остается неизменным). Учитывая субъективность, характерную для высказываний поэта, мы, может быть, не слишком погрешим против истины, если пойдем «козьи шкуры» не в буквальном смысле: если аттический поселянин во второй половине VI в. (а возможно, и позднее, ср.: Aristoph. Lys. 1151—1156) носил катонаку (*κατωνάκη*) — одежду, подбитую овечьей шерстью, то почему бы мегарскому поселянину того же времени не носить аналогичную одежду, частью которой была козья шерсть? Те, кто возвысился благодаря богатству и в реальной жизни приобрел ранг «добрых», с соответствующим лоском бытовых условий, конечно, были далеки от козьих шкур и оленьего образа жизни, но для Феогнида и те и другие — одинаково *κακοί*. Получившее гражданские права сельское население²⁶ никто не причислял к *ἀγαθοί*, но богачи незнатного происхождения уже начали претендовать на такое наименование. Поэт, не желая видеть разницу между ними, сваливает их всех в одну кучу и соединяет нищенский быт одних с претензиями других на благородство.

На этом и предшествующем ему стихотворении нам следует остановить свое внимание. Что мешает нам увидеть в стихотворениях 39—52¹ и 53—68 отражение одной и той же ситуации? Заметим, прежде всего, что в обоих стихотворениях граждане названы *ἀστοί οἵδε* (41, 60); что в первом стихотворении граждане характеризуются как *σαύφρονες* (а не *ἀγαθοί, ἐσθλοί*; ср. ст. 682, где за *κακοί*

²⁵ Конечно, это слово употреблено поэтом в ироническом смысле; см.: Bowra C. M. Op. cit. P. 149.

²⁶ Предположение о получении сельским населением гражданских прав см.: Bowra C. M. Op. cit. P. 146; Cauer F. Parteien. . . S. 31 ff.

признается возможность быть *σοφοί*); что *λαοὶ ἄλλοι* во втором стихотворении (53) необязательно понимагь в смысле противопоставления тому, что было совсем недавно; что, наконец, слова *ἐτι* (*ēd'*) *σαφρονες* не свидетельствуют о большой уверенности поэта в прочности тех свойств граждан, которые он с похвалой отмечает.

Разберем первое стихотворение. Опасение, что политическая ситуация поведет к установлению власти тирана, который «выправит» — положит конец «нашему своеволию» (39—40). Причина — не в гражданах, которые пока еще сохраняют благоразумие, а в вождях, склоняющихся ко всяческой «порочности» (41—42). Добрые не погубили еще ни одного государства; государство гибнет, когда дурным угодно своевольничать — они портят народ, отдают правосудие в руки несправедливых ради собственной корысти и власти (43—46). Остановимся пока на этом. Являются ли, по мнению Феогида, вожди «добрыми» или «дурными»? Они, говорит он, склоняются к дурному, порочному. В чем это сказывается? Стихи, в которых дается картина гибели государства, формулируются как результат общих наблюдений. Однако связь мыслей заставляет видеть в них пояснение той *καχότης*, которая приписывается вождям.⁹ Это они, радея о своих выгодах и о сохранении за собой власти, «портят народ» и отдают суды в руки «несправедливых», которые — так следует понимать поэта — до тех пор судебной власти не имели. Запомним эти слова поэта: «не надейся, что это (такое) государство долго будет незыблемым»; хотя факт спокойного состояния в государстве признается, однако констатация эта сопровождается угрозой, что так будет недолго. Окончание предложения содержит повторение высказанной выше мысли — «когда дурным мужам становится милым это, а именно выгоды, приходящие с бедствием для народа» (49—50); завершается стихотворение предостережением — отсюда происходят раздоры, убийства среди единоплеменных, «монархи» (51—52) — и пожеланием, чтобы все это не стало угодным этому государству (52).

Перейдем ко второму стихотворению. Прежде всего поставим два вопроса: что нового в смысле реальной обстановки отражается во втором стихотворении, чего не было в первом? Какие из опасений, выраженных в первом стихотворении, стали реальностью во время создания второго? Поэт сокрушается о том, что произошло изменение в составе граждан: те, кто жили вне города, не знали ни

судов, ни законов и вели звериный образ жизни, стали «добрыми» (благородными) (53—57). В предыдущем стихотворении речь шла, как мы помним, о порче народа и передаче судов в руки «несправедливых». Здесь, во втором стихотворении, показано, в чем состояла порча народа и кто эти «несправедливые». Включение в число граждан и полноправного населения тех, кто раньше был бесправен, — это и есть порча народа. Люди, раньше не знавшие законов и судов, теперь их знают, т. е., очевидно, как-то причастны к ним, получили доступ к исполнению судебных обязанностей, — это и есть передача судов в руки «несправедливых».

Нельзя не видеть теснейшей связи между обоими стихотворениями, дополняющими одно другое. Разница в том, что в первом стихотворении поэт обвиняет вождей, приписывая им все беды, а во втором (при том же, в сущности, положении) он обращает свои взоры на граждан, в длительность благоразумия которых он и раньше не очень твердо верил. Наименование новых граждан «добрыми», а прежних, «честных», «подлыми» является, конечно, иронией: «теперь они, видите ли, благородные, а мы подлые» (57—58). Дальше — изображение неприглядного внутреннего состояния государства, в котором граждане обманывают друг друга, насмеваются друг над другом и т. д. (59—68). Последний стих — *οὐτως ὡς ἀνδρες μὴδέτι σφεδόμενοι* — является параллелью к заключительным стихам первого стихотворения. Однако вместо конкретной мрачной картины первого стихотворения (распри, убийства, тирании) мы видим здесь неопределенную безрадостную перспективу — их уже нельзя спасти.

Ответы на поставленные выше вопросы будут, с нашей точки зрения, такими: ничего нового в самой социально-политической обстановке второе стихотворение по сравнению с первым не приносит (меняется только направление внимания поэта); угрозы, содержащиеся в первом стихотворении, так и остались угрозами и заменены во втором стихотворении расплывчатым пророчеством.

Феогнид принадлежал к тому меньшинству знати, которое, стоя в оппозиции к совершившимся переменам, продолжало если не борьбу, то агитацию против уже установившихся порядков и сложившихся и продолжавших складываться социальных отношений. При такой ситуации репрессии в виде изгнания и конфискации имущества, посещение разных стран, встречи с друзьями в изгнании,

участие в войнах вне родины не представляют собой чего-либо необычного. Прямолинейные поборники невозвратимой старины, находившиеся в непрерывном конфликте с окружением, должны были рано или поздно навлечь на себя кару в виде изгнания и лишения имущества. При этом, в сущности, можно с большим правом говорить об арьергардных (политических) боях закоренелых аристократов с уже ранее одержавшими победу демократами, чем о решительном сражении между демократами и аристократами.

Большое стихотворение, которым нам предстоит заняться (667—682), дает представление о тяжелом положении, в каком оказался, по-видимому, по возвращении из изгнания обедневший поэт. Обреченный на молчание в компании людей своего круга (о чем речь была у нас выше), он в ярких красках изображает состояние государства, которому грозит гибель. Начнем с адресатов стихотворения: «Пусть это будет у меня скрыто в форме загадки для добрых; мог бы понять и кто-нибудь дурной, если бы он оказался мудрым» — ταῦτά μοι ἑνὶ χυθῶ κεκρυμμένα τοῖς ἀγαθοῖσιν· ἢ τινὸς καὶ ὅς τις καὶ κακός, ἢν σοφός, ἦ (681—682). Стихотворение обращено в первую очередь к ἀγαθοί, которые когда-то выслушивали Феогнида, а теперь стали глухи к его речам. В представлении Феогнида эти люди, разгадав иносказание, могли бы оказать влияние на государственные дела в смысле изменения к лучшему. Призыв поэта (по существу это именно призыв, хотя и лишенный определенности) обращен к тем ἀγαθοί, которые не утратили политического веса. Рядом с ними названы κακοί, но с большим ограничением — те из них, кто наделен способностью понимания.²⁷ Ждет ли поэти от них каких-либо спасительных действий — не вполне ясно, скорее всего, ждет, иначе упоминание о них лишается всякого смысла. В таком случае этими κακοί, скорее всего, были лица того круга, который примыкал к ἀγαθοί в силу родственных и дружеских связей, ранее вызывавших негодование поэта.

Государство уподобляется кораблю, которому грозит гибель. «Мы носимся, спустив белые паруса, в темную ночь вдали от Мелийского моря.²⁷ Они (т. е. некие злонамеренные люди) не хотят вычерпывать воду, море перели-

²⁷ Мелийское море, нигде больше не упоминаемое, представляло собой, по-видимому, сравнительно спокойный участок Эгейского моря к югу и юго-западу от о. Пароса; дальше — воды опасного Критского моря; см.: Bowra C. M. Op. cit. P. 383 f.

вается через оба борта». Отдельные детали этого образа нет возможности отождествлять с отдельными сторонами государственного бытия. Гибнущий корабль — этот образ в целом символизирует гибнущее государство. Что именно означают паруса, вода, переливание через борта, уход вдаль от Мелийского моря — такие вопросы неуместны. «Трудно кому-нибудь спастись,²⁸ — продолжает поэт, — они же действуют; честного (ἐσθλόν) кормчего, который умело держал стражу, они отстранили». Здесь читатель (слушатель) настораживается: то, что происходит на корабле, явно намекает на события в государстве. Лишен власти кормчий — это было в прошлом — κυβερνήτην... ἐπαυσαν ἐσθλόν (675—676). Последнее слово часто применяется Феогнидом в качестве социального термина. Кормчий — это аристократия, отстраненная от власти.

В дальнейшем идут конкретные подробности, одинаково понятные и в плане иносказательном (государство), и в плане прямом (корабль). χρήματα δ' ἀρπάζουσι βίη — «они (т. е. те же люди, которые имеются в виду и выше) грабят, применяя насилие». То, что они грабят, названо χρήματα. Применительно к кораблю можно думать и о деньгах, и о вещах,²⁹ т. е. о грузе. Одно место из Демосфена с несомненностью доказывает нам, что груз на корабле назывался χρήματα. В речи «Против возражений Лакрита»³⁰ оратор опровергает ссылки своего противника на кораблекрушение на пути из Пантикапея в Феодосию и на гибель имевшихся на корабле товаров χρήματα — засоленной рыбы, косского вина и др. — τήριχος τε καὶ οἶνον Κῶνον καὶ ἄλλ' ἅττα (XXXV, 31). В проксенических декретах освобождение от пошлины на товары именуется ἀτέλεια πάντων χρημάτων (IOSPE, II, № 1, 4—5=CIRB, № 1, 4—5; IOSPE, I², № 20, 7—8; № 21, 7—9; № 23, 1—3; Надписи Ольвии, № 5, 9—10; № 6, 8—9; № 7, 7—8 и др.). В плане государственном поэт намекает на конфискации, от которых пострадал он сам и о которых он говорит в другом месте (345—347).

Благораспорядок исчез — κόσμος δ' ἀπόλωλεν на корабле и в государстве — хочет сказать поэт. Следующий стих — δασμὸς δ' οὐκέτ' ἴσος γίνεται ἐς τὸ μέσον (678) — не получил

²⁸ Ср. ст. 68.

²⁹ См.: Van Groningen. P. 266.

³⁰ Соображения против авторства Демосфена см.: Blass Fr. Die attische Beredsamkeit. Leipzig, 1893². Bd I. S. 565 f.

единого общепризнанного толкования. Некоторые³¹ понимают здесь слово *δασμός* в смысле «распределение», «раздача». Такой смысл имеет это слово у Гомера: Ахилл недоволен тем, что Агамемнону идет огромная часть добычи при дележе — *ἦν ποτὲ δασμός ἱκῆται* (II. I, 166; cf. Нумп. *Hom. ad Cer.* 86; Hesiod. *Theog.* 425). У Феогнида в таком случае имелось бы в виду распределение, прекращение равного распределения пресной воды и других припасов во время плавания.

Политический смысл тех же слов, согласно этому толкованию, заключался бы в том, что нет больше равного, т. е. справедливого, подобающего распределения прав, преимуществ, собственности. Натянутость последнего толкования очевидна; ведь *ἴσος* все-таки значит «равный», этим словом обозначали демократы тот «равный» надел, который причитался бы каждому в результате *γῆς ἀνάδασμός* (вспомним *ἰσομοίρια* в стихах Солона, отвергающего равные земельные наделы — № 23, 21). Если слово *δασμός* в смысле «распределение», «раздача» еще как-то подходит для корабля, то в государственной жизни ему не так легко найти применение. Надо ли нам думать о каком-нибудь распределении какой-то добычи драгоценных металлов между гражданами, предложенном в Афинах при архонте Никодеме (484/3 г. до н. э.), а может быть, издавна существовавшем (см.: *Hdt.* VII, 144;³² *Arist. Athen. Pol.* 22, 7;³³ *Plut. Them.* 4: *ἕδος ἔχόντων Ἀθηναίων διανεμασθαι*)? Для такого предположения нет никаких оснований: Мегары не имели рудников.³⁴ Разного рода подати, взносы в государственную казну обычно назывались *τέλος*, *φόρος*, но в самом общем смысле употреблялось и слово *δασμός*, которое обозначало дань и вообще всякий взнос кого-либо в пользу другого.³⁵ Если мы допустим у Феогнида такое значение этого слова, то оно едва ли окажется совместимым со словом *ἴσος* в смысле «равный для всех». К этому прилагательному применимы будут два значения: либо *ἴσος τῷ πρὸς τέρφ*, т. е. равный прежнему, ср.: *στράτον ἴσον*

³¹ См.: *Buchholz E. Anthologie aus den Lyrikern der Griechen.* Leipzig, 1900⁵. Bd I. S. 97; *Van Groningen.* P. 266.

³² См.: *Stein H. Ad loc.*

³³ См.: *Aristotle's Constitution of Athens.* / Ed. S. E. Sandys. Cambridge, [1893].

³⁴ *Meyer Ernst.* Op. cit. Sp. 172. Mineralschätze waren nicht vorhanden: *Isocr.* VIII, 117: *Μεγαρεῖς . . . γῆν μὲν οὐκ ἔχοντες οὐδὲ λιμένας οὐδ' ἀργυρεῖα, πέτρας δὲ γεωργεῖντες.*

³⁵ См.: *Passow.* S. v. *δασμός*.

καὶ παραπλήσιον τῷ προτέρῳ (Thuc. VII, 42,2), либо «установленный», «обычный», ср. схолии к тексту Фукидида — τῆς ἰσῆς φρουρᾶς καταθεούσης τε τὴν χώραν (Thuc. VII, 27,4). Объяснение схолиаста: ἰσος обозначает здесь τεταγμένος.³⁶ В свете этого объяснения место Фукидида должно переводиться так: «вследствие того, что установленный гарнизон совершал набеги на страну» (имеется в виду спартанский гарнизон в Декелее, опустошавший Атику).

Есть, следовательно, возможность понимать ἰσος у Феогида как установленную, обычную подать (от какого бы то ни было уточнения приходится воздержаться). В таком случае реальный смысл слов ἐς τὸ μέσον сводился бы к тому, что взносы не поступают в общественную казну. Таким образом, у греческого читателя (слушателя) стихов Феогида могли возникать более или менее определенные ассоциации в обоих планах (корабль и государство).

Не сразу поддаются вполне приемлемому истолкованию слова φορτηγοὶ δ' ἄρχουσι. Не подлежит сомнению, что в сознании поэта власть φορτηγοί является следствием устранения прежнего кормчего. Но кто эти φορτηγοί? В историческое время значение этого слова подверглось дифференциации. Оно обозначало и тех, кто непосредственно носил на себе тяжести, грузы, т. е. грузчиков, носильщиков, и тех, кто возил свои товары на продажу, т. е. владельцев грузов, торговцев. Едва ли прав комментатор,³⁷ желающий видеть в φορτηγοί Феогида мелких торговцев, которые собственноручно погружают свой товар на корабль. Ведь трудно представить себе, чтобы такой торговец предпринимал опасные морские путешествия, рискуя жизнью ради небольшого барыша. Отпадает — в плане корабля — и мысль о грузчиках. Последние, надо думать, не перевозились на кораблях вместе с товаром, а жили и работали в портовых городах. Известно, что в римское время в портах существовали особые коллегии грузчиков, занимавшиеся погрузкой и разгрузкой;³⁸ φορτηγοί, скорее всего, — владельцы грузов, торговцы, те, кто

³⁶ Переводы этого слова у Фукидида: «соответствующий гарнизон» (Жебелев); la garnison ordinaire (Bétant); die ständige Besatzung (Braun); adequate (LSJ).

³⁷ Van Groningen. P. 266 suiv.

³⁸ Автор выражает признательность М. Е. Сергеевко, от которой он узнал о существовании таких коллегий. См.: *Waltzing J. P. Étude historique sur les corporations professionnelles chez les Romains*. Louvain, 1900. T. IV. P. 41. N 129 (saccarii-baiuli известны в Риме и в Остии).

в скором времени будет называться *ἐμπόροι*, получать в проксенических декретах право беспопытного сбыта своих товаров и беспрепятственного въезда в чужие гавани и выезда из них в мирное и военное время. Их имел в виду создатель Одиссея, когда вкладывал в уста феакийца Эвриала речь, обращенную к Одиссею, которого тот не считает способным принять участие в состязании: «(я уподоблю тебя не мужу, способному к состязаниям), а такому, который, часто плывя вместе с уставленным многими скамьями (для гребцов) кораблем как начальник мореплавателей, занимающихся (торговыми) делами, путешествует, заботясь о грузе, и высматривает товары и быстро получаемую выгоду» (*Odyss.* VIII, 160—165).

В аристократическом феакском обществе взгляд на бороздящих море торговцев, думающих только о барышах, ничем не отличается от взглядов Феогида. Разница лишь в том, что для Эвриала и его окружения объект их презрения не представлял никакой опасности, а для Феогида это был торжествующий противник. Феогид мог умышленно употребить слово *φορτηγοί*, в котором смешивались вместе грузовладельцы и грузчики. Одни владели товарами, другие занимались погрузкой, но поэт со своих ультраконсервативных позиций не желает проводить между ними различия.³⁹ Фактически в государстве на переднем плане были богачи, перед которыми склонилась аристократия, часто искавшая сближения и сблизившаяся с ними.

Почти в конце своей мнимой загадки поэт, в сущности, дает ее полную разгадку: *κακοὶ δ' ἀγαθῶν καὶ ὑπερθεύ* (679) — «дурные превыше добрых». В этих словах — основная мысль стихотворения. Пусть после этого поэт возвращается к аллегории — к опасениям, как бы волна не поглотила корабль (680), загадка уже раскрыта, аллегория уже разрушена. В самом деле, кто такие в плане корабля *ἀγαθοί*, *κακοί*? Кормчий назван *ἐσθλός* (676) — словом, которое у Феогида является синонимом к *ἀγαθός* (см., например, 57, 71, 186, 189, 234, 441, 563, 570 и др.). Кормчий мог бы, следовательно, входить в число *ἀγαθῶν*, нахо-

³⁹ Так и Ф. Кауер (*Cauer F. Parteien. . . S. 27 f.*), с той лишь разницей, что он приписывает такой взгляд аристократам вообще, тогда как в стихотворениях Феогида с достаточной ясностью отразился далеко зашедший и приводящий поэта в отчаяние процесс смещения аристократии с разбогатевшей верхушкой неродовитых людей.

дившихся на корабле. Другими могли бы быть люди, принадлежавшие к командному составу, корабельное начальство. Последнее известно нам хотя бы по Псевдоксенофоновой «Афинской Политии». Говоря о тех, кто ἐλαύνουσι τὰς ναῦς (I, 2), автор трактата наряду с кормчими — κυβερνήται — называет χελευσταί — начальников гребцов, πεντηκόνταρχοι — начальников над 50 гребцами, πρῶται — помощников кормчего (подштурманы?)*. Как характеризует их олигархически настроенный автор? В его представлении афинские граждане делятся на πονηροί и χρηστοί (I, 1) — категории, в каком-то плане соответствующие солоновским и феогнидовским κακοί и ἀγαθοί. Люди из народа для него «дурные» — πονηροί (I, 2). Все перечисленные автором виды корабельного начальства, начиная с кормчего, принадлежат к демосу, к «дурным». Это явствует из слов: ὁ δῆμος ἐστὶν ὁ ἐλαύνων τὰς ναῦς (I, 2). В плане корабля различие между ἀγαθοί и κακοί, столь важное в плане государства, ничем у Феогнида не оправдано; этим различием не покрывается противопоставление κυβερνήτης и φορτηγῶν. То, что должно было быть прикрыто иносказанием, не только ясно просвечивает сквозь аллегорию, но даже прямо аннулирует ее.

Подведем итоги. Безраздельная власть аристократии — в прошлом (кормчий отстранен). Дурные стали выше добрых. Феогнид недоволен. Конкретные причины его недовольства: конфискация имущества, возможно, какие-то изменения во взносах в пользу государства. Ἀγαθοί и κακοί должны понять, что государство гибнет, спастись едва ли кому-либо удастся.

Так представляется дело аристократу, фактически лишившемуся своего социального ранга, тогда как многие другие знатные лица продолжали его сохранять, видимо, приняв новый порядок вещей. Предостережение поэта было таким же криком его души, каким было и его опасение, что государство попадет под власть тирана (39—40). Ни того, ни другого не случилось. Мало того, сам поэт признает, что государство находится сейчас в полном спокойствии (48); предрекаемые в стихотворении беды не наступили. Стихи остаются свидетельствами настроения той небольшой части аристократического мегарского общества, которая упорствовала в непризнании совершившихся фактов.

Консервативная мысль и меняющаяся действительность^а

Среди поэтов VI в. до н. э. Феогнид Мегарский занимает особое место. Своеобразие его творчества в том, что ни у одного поэта его времени личное и общественное не переплетается между собой так тесно, как у него. Сафо, Мимперм, Анакреонт — так или иначе заняты личными темами. Алкей, Солон создали стихи не только политического содержания, но и любовные, дружеские, застольные. При этом одна струя их творчества резко отделена от другой: одни стихотворения носят чисто политический характер, другие — чисто личный.

Не то у Феогнида. В ряде его отрывков тема личная является одновременно и общественной или переходит в общественную, а порой оказывается той формой, за которой скрывается и через которую просвечивает большое общественное содержание.

С тех пор как Ф. Т. Велькер правильно определил значение слов *ἀγαθός*, *ἐσθλός*, *κακός*, *δειλός* или *φαῦλος* у Феогнида как обозначение социальных понятий (точнее было бы сказать — социально-этических), поэтическое наследие Феогнида перестало быть в глазах филологов стихотворным переложением прописных истин на тему «О преимуществе добра над злом». В стихи мегарского поэта влилась жизнь, вялые и дидактические строки обрели свой первоначальный смысл. В них были уловлены звуки боевой трубы эпохи бурных социальных и политических конфликтов, происходивших не только на родине поэта, но и почти во всей Греции. Феогнид, отстаивающий интересы своего класса, предстал перед читателем не только как участник социальной борьбы, но и как идеолог определенной социальной среды.

Отсюда и особый интерес, который представляют для нас многие из стихов Феогнида, на первый взгляд отражающие его чисто личные переживания. Из сетований Мимнерма мы узнаем только то, что мы знаем и без него: любовь к молодой девушке приносит человеку определенного возраста мало радости. Скорбные строки Феогнида говорят нам о чем-то неизмеримо большем. Носитель традиционного мировоззрения видит в единичном явлении симптом отхода сыновей от взглядов отцов. Говоря об одном представителе нового поколения, он, в сущности, имеет в виду все это поколение.

То «зло» (*κακόν*), от которого не уберег свое сердце Кирн, разлито вокруг. Противоядием могут служить только переданные от предков воззрения и соответствующие правила поведения. То и другое незыблемо. Поэт получил их в юности от «добрых» и готов передать их дальше, представителям молодого поколения. Отклонение от традиции ведет к губительным последствиям. Молодежь ненадежна, но и своим сверстникам Феогнид не доверяет. Уже они изменяют старым аристократическим идеалам, берут в жены девушек не своего круга, отдают своих дочерей в замужество разбогатевшим выскочкам (183—192). Тем самым они подготавливают гибель того мира, к которому принадлежит Феогнид и к которому принадлежат они сами.

Но вполне ли верен старому идеалу сам поэт? Не отступает ли он сам от старых воззрений? Среди стихов Феогнида есть катрен, заслуживающий в данной связи особого внимания (305—308). Как следует понимать эти стихи? В том ли смысле, что те, кого сейчас можно назвать *κακοί*, делятся на две категории: одни из них *κακοί* от рождения, т. е. родились от незнатных родителей, с дурными наследственными задатками, а другие по своему происхождению принадлежат к *ἀγαθοί*, но затем, вследствие дружбы с *κακοί*, сами им уподобились? Или по-другому: люди, родившиеся среди *κακοί*, не все имеют от рождения дурные задатки; некоторые из них могли бы стать и не *κακοί*, но становятся ими под влиянием своего окружения? В первом случае вредное влияние «дурного» общества сказалось бы в совращении «добрых» с истинного пути; во втором — в подавлении тех «добрых» задатков, которые имеются у некоторых из «дурных» и потенциально могли бы у них развиваться. В обоих случаях перед нами — отход от старой аристократической точки зрения, от резкого деления людей в силу их происхождения на «добрых» и «дурных».

По-видимому, стихотворение содержит полемику с таким представлением. Можно спросить: с кем полемизирует поэт? Только ли с теми, кто сдвинулся с традиционных позиций, или с самим собой? Не подводит ли он здесь итог длительным размышлениям над действительностью, приведшим к разрыву поэта с традиционными воззрениями? Что говорила традиция? Знатный человек, в каком бы он ни был обличии, уже своим внешним видом отличается от простого смертного. В гомеровском гимне

Деметре царица Метанира говорит богине, явившейся к ней в виде бедной старухи, спасшейся от похитивших ее разбойников (Нумп. Ном. ad Сег. 213—215):

«Радуйся, женщина! Не от худых, а от добрых
и славных
Ты приходишь, я вижу, родителей. В царских
родах лишь
Благоволением таким и достоинством светятся зоры»

(перевод В. В. Вересаева).

Человек царской крови выделяется своей наружностью, своим достоинством (*αἰδώς*), даже если он в бедной одежде. Уже наружность его говорит о высоких нравственных качествах. *Κακός* и *ἀγαθός*, *ἐσθλός* были живыми терминами во времена Феогида. Реформа Солона в истории была серьезным шагом на пути демократизации афинского общества в том смысле, что имущественный ценз был поставлен выше происхождения. Законодатель в своих стихах не отказывается от деления граждан на «честных» и «дурных» (23, 21). Однако в поэзии Солона отражено и сомнение в праве тех, кто до тех пор в силу своего социального положения и происхождения именовались «прекрасными и доблестными» (*καλοὶ ἀγαθοί*), считать обладателями тех качеств, какие обозначаются этим выражением. Иной раз тот, кому бы должно быть *καλὸς ἀγαθός*, в действительности оказывается трусливым и безобразным на вид (39—40). Обычная, традиционная формула, обозначавшая людей, принадлежавших к социальным верхам, проверяется поэтом с точки зрения соответствия подлинного значения этой формулы тому, что есть на самом деле. Вывод поэта не в пользу традиции. Не всегда почетное обозначение прилагается к достойным людям.

Феогид — не мыслитель-систематизатор со строго последовательным, логическим мышлением. Но логика жизни, окружающая его действительность не оставляли его безучастным. Он как будто твердо держался старых воззрений: *ἀγαθοί* и *κακοί* — две разные категории людей (441—446, 525—526, 971—972, 1025—1028, 1109—1113), только первые обладают доблестью, *ἀρετή* (145—150), только о них может идти речь среди людей — одни их бранят, другие хвалят (797—798); гражданская война происходит между двумя лагерями — «добрых» и «дурных», но Феогид со скорбью констатирует победу вторых

над первыми (891—894). Ненависть к демосу пронизывает ряд стихов Феогнида (846—850). Под напором фактов (молодежь подчинили «злу», сверстники не остаются верными заветам предков, люди своего же общества не видят оснований дорожить старыми социальными воззрениями) Феогнид сдает одну из важных позиций аристократического мировоззрения. Для него теперь решающее значение имеет влияние среды. Молодежи он рекомендует учиться у «добрых» (69—72, 101—104, 113—114), как можно чаще общаясь со старшим поколением «добрых»: с ними нужно проводить время, их одобрение нужно заслужить (31—34). Себя он считает только передатчиком тех мудрых наставлений, которые он сам воспринял от старших (27—28). Теперь оказывается, что не самый факт рождения от «добрых», не принадлежность к ним в силу происхождения, а пребывание в определенной среде, усвоение выработанных в ней взглядов и норм поведения делает человека «добрым». Равным образом и «дурной» становится «дурным» не с момента рождения. Так прежнее представление о наследственной передаче выдающихся качеств уступает место новому взгляду, согласно которому определяющим является влияние среды.

Можно, правда, задаться вопросом: не так ли именно смотрели на дело поборники аристократии до Феогнида? Не думали ли они так же, как и Феогнид, т. е. не приписывали ли и они решающее влияние воспитанию, влиянию среды, а не происхождению, с той лишь разницей, что для них пребывание в определенной среде для лиц определенного происхождения было чем-то само собой разумеющимся? Ответ дает нам самый факт отсутствия такого вопроса. Носители аристократических воззрений не задавались этим вопросом, так как никто не оспаривал их принадлежность к «добрым», а если и слышались протесты, то они не затрагивали основ этих воззрений. Во II книге «Илиады» Ферсит протестует против привилегированного положения Агамемнона и других царей при дележе добычи. Одиссею нет надобности вступать с ним в спор. Чтобы заставить его замолчать, достаточно удара скипетром по спине и плечам.

Если у Феогнида мы находим ясно высказанное суждение о значении среды для формирования «дурных» (а следовательно, и «добрых»), притом с противопоставлением старому мнению, то в этом естественнее всего усматривать ответ на возникающие у самого поэта сомнения под влия-

нием окружающей его обстановки, будь то результаты его собственных наблюдений над этой обстановкой, или, что вероятнее, его реакция на аргументацию противников, или и то и другое вместе.

Если поэт сам называет себя передатчиком того, что он усвоил от старших, то воззрения их своими корнями уходят в далекое прошлое.⁶ Образы Феогида, в особенности сравнения, нередко бывают навеяны гомеровскими поэмами, уже не соответствуя действительной жизни конца V в. до н. э. (воин и «господин» мчатся по полю на колеснице в ст. 986 сл.).⁷ А если поэт перестраивает традиционное учение, то это — доказательство невозможности сохранить его долее в неприкосновенности. Явления окружающей жизни и связанные с этим новые воззрения делают неизбежными отступления от традиционных учений. Феогид не теоретик, он не занимается построением слаженной системы. Его сентенции — не плод систематизированной мысли, а результат соприкосновения вошедших в его плоть и кровь традиционных взглядов с явлениями и событиями бурной эпохи, в которую он жил.

Дело исследователя — разобраться с этой точки зрения во всех высказываниях поэта и уловить за словами текста пульс жизни. При этом, думается, будет большой ошибкой с его стороны, если он поддастся стремлению внести стройность и логическую последовательность в область социального мышления Феогида. Поэт держится определенных положений, дорожит ими, хочет не столько доказать, сколько показать и утвердить их истинность, борется с противниками не только на полях сражений и на политическом поприще, но и оружием поэзии, и повсюду он в стане побежденных. Его участь — поражение, изгнание, лишение имущества, потеря высокого социального ранга. Увещевания и наставления не действовали на тех, для кого они были предназначены. Отсюда безрадостный итог, содержащийся в ст. 953—954. Старая идеология, даже несколько реформированная, оказалась уже неприемлемой даже для той среды, которая, казалось бы, была ее естественной носительницей. Горькие жалобы поэта отражают его глубокую скорбь по этому поводу.

Под влиянием бедности и сам поэт, притом по собственному признанию, научился многому позорному — *αἰσχρά* (649—652). В царстве феакийцев сыновья царя могут

с пренебрежением отзываться о бороздящих море людях, ищущих прибыли и неспособных выступить на состязаниях (Odys. VIII, 161—164), которые были делом аристократов. Во времена Феогнида господами положения были именно те, кого в гомеровские времена высмеивали. «Добрых» стало очень мало (635—636), многие из «добрых» стали дурными под влиянием *xépdos* — «корысти» (833—836). Поэта, пытавшегося отстаивать старые идеологические позиции, бранят все — и *éθλοί*, и *καχοί* (367—370); друзья «предают» его (575—576); наконец, он готов, сблизившись с «дурными», узнать их образ мыслей (811—814). Общая обстановка, смещение социальных слоев, утрата самим поэтом своего социального положения, перестройка им своих взглядов делают для нас понятными непоследовательность и даже противоречия в его высказываниях, отмеченные уже Платоном (Μενο 95—96d—e о ст. 33—36, а затем по поводу ст. 434—438). Возвысившиеся новые социальные слои имели свою идеологию, с которой не мог не считаться Феогнид.

Эти общие соображения и наблюдения над стихами Феогнида подсказывают нам неизбежность определенного подхода к поэтическому наследию мегарского поэта. Бесспорно, он выражает традиционные воззрения аристократической верхушки гражданства греческих полисов, но выражает их не в их статическом положении, а в состоянии некоторого движения. Феогнид не застыл в определенных догматических рамках; он реагирует на раздражения, исходящие от исторической действительности. Мы извлекаем из него немаловажные данные, с одной стороны, об идеологии его антагонистов, с другой — об эволюции тех принципов, поборником которых был поэт. Изучение консервативной мысли, испытавшей воздействие противоположных идейных течений, помогает нам разобраться в характере этих последних.

Это — одна сторона дела. Другая заключена в том, что от идейных установок Феогнида идут нити в разных направлениях в последующие века истории греческого общества. Тот идейный комплекс, который (или часть которого) отражается в творчестве Феогнида, продолжал жить в дальнейшем как основа мировоззрения определенных кругов; хотя и с более или менее значительными модификациями, существенные стороны воззрений Феогнида отразились у последующих представителей этих кругов. Платон в «Государстве» говорит о решающем

влиянии среды на формирование человека (Resp. VIII, 549—550b). Продолжала существовать и традиционная терминология, известная нам из Феогида, современных ему поэтов и из других источников. Отчасти она была усвоена и демократией и вошла в состав официальной терминологии демократического государства.

Огромное поле терминологических изысканий с их исходным пунктом — изучение социальных терминов, известных из Феогида, приведет исследователя (так, по крайней мере, представляется на основании не только априорных соображений, но и по некоторым наблюдениям) к выводу о тройной судьбе этих терминов.

1. Часть их прослеживается в литературе и дальше — они продолжают бытовать в консервативно настроенных кругах гражданства, например в Псевдоксенофоновой «Афинской Политии».

2. Часть усваивается языком демократии, но с переосмыслением: ἀνὴρ ἀγαθός в афинских декретах, как и у ораторов, означает не то же, что у Феогида и его единомышленников.

3. Кое-что приходит в забвение, хотя и не сразу и не совсем. Таково, как кажется, обозначение κακός. Мы не встречаем его в литературе в смысле социального обозначения, хотя смысл этого выражения (несомненно, звучавший как архаизм) был понятен широким кругам афинского общества. Иначе трудно было бы объяснить возможность его употребления в трагедии второй половины V в. — у Софокла в «Царе Эдипе» (ст. 1062—1063):

θάρομαι· σὺ μὲν γὰρ οὐδ' ἂν ἐκ τρίτης ἐγὼ
μητρὸς φανῶ τριδούλος, ἐκφανεῖ κακή.²

Вероятно, в результате более пристального изучения истории социальной (и социально-этической) греческой терминологии получится гораздо более пестрая картина, чем та, какую можно себе представить, приступая к работе.

Резюмируем. Творчество Феогида — интересный этап в истории греческих социально-этических воззрений. Сам поэт не был тем прямолинейным и твердокаменным последователем старины, каким его часто изображают. Он сомневался, опровергая самого себя, иногда сдавал важные идеологические позиции, оставаясь, впрочем, сыном своего сословия и верным адептом самых основ

аристократической традиции. Творчество Феогнида отражает борьбу антагонистических идеологий его времени и таит в себе зародыши дальнейшей эволюции консервативной мысли, являясь в то же время и подспорьем для понимания некоторых сторон демократических идейных течений его, а отчасти и более позднего времени.

ГЛАВА II. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В МЕГАРАХ ^а

Феогнид и Мегары

Нашей ближайшей задачей является рассмотрение тех стихов Феогнида, где речь идет о военных действиях. Имеются ли у нас неоспоримые доказательства участия Феогнида в гражданской войне на родине? Политическая борьба, несомненно, увлекала Феогнида, в ней он в той или иной форме участвовал. Но политическая борьба — одно, гражданская война — другое. Ответ на поставленный вопрос можно получить только в результате рассмотрения соответствующего материала. Если собрать все стихи Феогнида, относящиеся к войне, военным действиям, ожиданиям военных действий, то прежде всего приходится убедиться в том, что некоторые из них явно относятся к военным действиям, происходившим вне Мегариды. Так, на Эвбее погиб Керинф, опустошается плодородная, богатая виноградом равнина Леланта, добрые бегут, дурные правят городом (891—894) — только с огромной натяжкой можно было бы усмотреть здесь какое-то отношение к мегарским событиям, да и к биографии поэта.⁶ Помимо признаний поэта о том, что он был в изгнании (например, 783—788; ср. 879—884, 1197—1202), мы имеем также его стихотворение, свидетельствующее о его участии в войне не за родную землю: «не слишком прислушивайся к громко кричащему глашатаю, ведь мы сражаемся не за отеческую землю — οὐ γὰρ πατρίδας γῆς πέρι μαρτυρέδα — однако позорно, сев на быстроногих коней, не видеть многослезную войну» (887—890).¹ Поэт молит Феба об отвращении персидской

¹ Следует присоединиться к тем (Diehl, Garzya в изданиях), кто в противоположность Ван Гронингену (*Van Groningen*. P. 337

опасности от родного города (773—782, ср. 757—768). Он выражает глубокое уважение бойцу, защитнику родины (865—868, 1005—1006), и в то же время высказывает свою нелюбовь к войне — государству нужны мир и богатство (885—886). В военной обстановке возникли некоторые другие стихотворения Феогнида. «Беззвучный вестник будит многослезную войну, являясь с далеко видной вышки.² Но набрось узду на быстропятых коней, ведь мне кажется, что они столкнутся с враждебными мужами. Промежуточное пространство невелико, они³ быстро проделают путь, если только боги не обманывают мой ум» (549—554). По поводу этих стихов были высказаны разные предположения. Одни думали о каком-то эпизоде времен персидского нашествия, другие — о войне с Афинами, некоторые — о войне с Коринфом, наконец, и о гражданской войне.⁴ В сущности, картина, рисуемая Феогнидом, подходит к разнообразным ситуациям и не требует обязательного приурочивания к гражданской войне.

Зато с большой уверенностью можно связать с внешней войной или, точнее, с ее последствиями другое стихотворение Феогнида. Поэт укоряет сограждан: они считают возможным петь под аккомпанемент флейты при очень скорбных обстоятельствах: «страна гибнет, с городской площади уже видны границы земли» — ἡ γῆς δ' οὐρὸς φαίνεται ἐξ ἀγορῆς (825—830). Самая естественная интерпретация стихов: поэт говорит об уменьшении территории государства в результате войн или войны (которая уже закончилась); благовонная страна⁵ гибнет, так как часть ее отошла к врагам; границы государства видны с городской площади. Последнее было, конечно, преувеличением,⁶ по

suiv.) признают единство этого четверостишия и не разбивают его на два двустишия. παρεῦτα и ἐπιβάντα Ван Гронинген связывает с подразумеваемым τινά, а не с πόλεμον.

² τηλαυγέος — «далеко видной» или «далеко видящей» (*Van Groningen*. P. 217 suiv.; Garzya).

³ «Враги» или, скорее, «наши кони». Первое объяснение предпочитает Гарсия (*Garzya A. Note a Teognide // Emerita*. 1957. T. 25. P. 213).

⁴ См.: *Van Groningen*. P. 218 suiv.

⁵ Некоторые (*Van Groningen*. P. 318) толкуют слово χῶρος в смысле «земельное владение», «имение» (т. е. имения знати).

⁶ Ван Гронинген (*Van Groningen*. Ibid.) справедливо замечает, что городская площадь находилась в середине города и была окружена зданиями, а потому, находясь на ней, нельзя было видеть границ государства, как бы близко они ни подошли к городским стенам.

речь идет, бесспорно, о значительном сокращении мегарских владений. Нам известно, что целая треть первоначальной мегарской территории была в процессе ряда войн завоевана Коринфом.⁷ Вероятнее всего, Феогнид имеет в виду именно утрату Мегарамии заметной части своих владений.

() внешней опасности, угрозе для города быть завоеванным, говорится в одном из двустиший: ...ἐπιπρέπει ἡμῖν ... ὥς πῖρχυ πόλει ... ἀλωσμένῃ (235—236). Предостережение поэта своим согражданам — «магнетов погубили такие дела и наглость, какие теперь царят в этом священном городе» (603—604), согласно своему прямому смыслу, настораживает против внешних врагов (ведь Магнезия была разрушена киммерийцами около 660 г. до н. э.⁸). Отнятие у Феогида его достоинства — τὰ μὰ ἔχουσι βίᾳ σολήζαντες (346) — могло произойти в форме конфискации; слова βίᾳ σολήζαντες отражают субъективное мнение поэта об этом акте. Призыв со смехом и под звуки флейты пировать у плачущего (врага), наслаждаясь его горестями (1041—1042),⁹ мог бы прозвучать не только во время гражданской войны, но и во время войны с внешними врагами и даже во время военных действий на чужбине, в которых поэт участвовал как наемный или добровольный соратник. В тревожные времена было создано стихотворение с призывом спокойно спать, так как об охране родного города позаботится стража (1043—1044): не исключена, по-видимому, возможность нападения внешнего врага. Обзор, сделанный нами, приводит к заключению о том, что в поэзии Феогида нет убедительных доказательств его участия в гражданской войне на его родине.¹⁰ Характерно, что в стихотворениях Феогида на военные темы нигде не видно следов презрения к противнику как к классовому антагонисту (κῆκός).

Исторические свидетельства, которые помогли бы нам

⁷ Meyer Ernst. Μέγαρα (2) // RE. Bd 15. Sp. 186 f. Мегарские утраты датируются VI в. до н. э.

⁸ Van Groningen. P. 240.

⁹ Отметим как курьез одно из толкований этих стихов, которое, по мнению Ван Гронингена (Van Groningen. P. 388), также не исключено: компания шутников явилась пировать к удрученному (любовными?) горестями товарищу.

¹⁰ Неосторожно говорит Баура о том, что Феогнид готовил Кириа к гражданской войне: «скорее к гражданской, нежели к внешней войне»; см.: Bowra C. M. Early greek elegists. Cambridge (Mass.), 1938. P. 145.

заглянуть во внутреннюю историю Мегарского государства, очень немногочисленны. В серии «Политий», написанных Аристотелем и, вероятно, отчасти его учениками под непосредственным руководством учителя, имелась «Мегарская Полития», один фрагмент которой (fr. 500 Rose) дошел до нас; речь в нем идет о том, что легги (позднее они назывались локрами) занимали когда-то и Беотию. Некоторые сведения о более поздней истории Мегар имеются в «Политике» Аристотеля. В этом трактате имеются три свидетельства, относящиеся к одному и тому же событию — упразднению демократии и установлению олигархии. В одном месте Аристотель говорит, что выбор должностных лиц может производиться либо из всех граждан, либо из ограниченного круга, например на основании имущественного ценза, родовитости, доблести или чего-нибудь другого в таком роде. Так, в Мегарах на должности попадали люди из числа тех, кто возвратился (из изгнания) вместе с участниками войны против демократии — *ὥσπερ ἐν Μεγάροις ἐκ τῶν συγκατελθόντων καὶ συμμαχεσθαιμένων πρὸς τὸν δῆμον* (IV, 12, 10, 1300a, 17 sq.).

В другом месте Аристотель рассуждает о причинах упразднения того или иного государственного строя, в частности демократического, под напором людей состоятельных, которые прониклись презрением к беспорядку и безвластию. Примеры взяты из истории Фив, Мегар, Сиракуз, Родоса. В частности, о Мегарах сказано: «И демократия мегарян пала, так как они были побеждены по причине беспорядка» — *καὶ ἡ Μεγαρέων (scil. δημοκρατία) διεφθάρη δι' ἀταξίαν καὶ ἀναρχίαν ἡττηθέντων* (V, 2, 6, 1302b, 30sq.). Более подробно, хотя все же очень сжато, о том же событии говорится в третьем месте: «Почти так же была упразднена демократия в Мегарах; ведь демагоги, чтобы иметь возможность конфисковать имущество, изгнали многих из видных лиц, пока, наконец, изгнанников не стало много и те, возвратившись, победили в битве народ и установили олигархию»: *πραπλῆστως δὲ καὶ ἡ ἐν Μεγάροις κατελύθη δημοκρατία· οἱ γὰρ δημαγωγοὶ ἵνα χρήματα ἔχωσι δημεύειν ἐξέβαλον πολλοὺς τῶν γνωρίμων, ὥς πολλοὺς ἐποίησαν τοὺς φεύγοντας· οἱ δὲ κατιόντες ἐνίκησαν μαχόμενοι τὸν δῆμον καὶ κατέσπρξαν τὴν ὀλιγαρχίαν* (V, 4, 3, 1304b, 34 sq.).¹¹

¹¹ Сообщение Аристотеля в «Политике» о мегарском тиране Феагене (V, 4, 5, 1305a, 24 sq.) здесь можно оставить в стороне как от-

Есть ли основание относить известия Аристотеля ко времени Феогнида? Не содержится ли в «Политике» указания на победу поэта и его единомышленников и установление желательного им образа правления? Первая мысль, возникающая при размышлении о времени олигархического переворота в Мегарах, — воспользоваться порядком перечисления событий во втором из приведенных выше мест (V, 2, 6, 1302b, 25 sqq.). События перечисляются в следующем порядке: поражение демократии в Фивах после битвы при Энофитах, затем — в Мегарах, далее — в Сиракузах перед тиранией Гелона, на Родосе — перед восстанием (πρὸ τῆς ἐπαναστάσεως). Битва при Энофитах произошла в 456 г. до н. э., события в Сиракузах — до 484 г., переворот на Родосе относится к 390 г. до н. э. или к 391 г. до н. э. (Diod. XIV, 97).¹² Такой переход от позднего события к более раннему, а затем к наиболее позднему не дает никакой опоры для датировки события из мегарской истории.

Второе обстоятельство, требующее внимания, — употребление Аристотелем слова (типа термина) γυῶνται (V, 4, 3, 1304b, 37); эти γυῶνται противопоставляются демосу. В упомянутом выше месте (V, 2, 6, 1302b, 28) противниками демократии являются οἱ εὐποροί — люди состоятельные, как и в том месте «Политики», где имеются в виду события, связанные с тираном Феагеном (V, 4, 5, 1305a, 25), жившим задолго до Феогнида.

Слишком широкое значение слов γυῶνται и εὐποροί, не дает возможности с уверенностью приурочить политическую борьбу обозначенных этими словами социальных слоев ко времени Феогнида. В самом деле, γυῶνται, по мнению Аристотеля, выраженному в «Политике», — это все те, кто в каком-либо отношении возвышается над

носящееся к слишком раннему для Феогнида времени (VII в. до н. э.). Одно время все свидетельства «Политики» (включая и место о тиране Феагене) относили ко времени Феогнида; см., например: *Hiller E. Zu Theognis* // *Jahrbücher für Philologie und Paedagogik*. 1881. Bd 123. S. 458. Показания Плутарха (*Quaestiones Graecae*, 18) о том, что мегаряне, свергнув тирана Феагена, недолгое время управлялись благоразумно (олигархия?), а затем поддались влиянию демагогов (следует подробности), в первой своей части (Феаген, олигархия) хронологически не совпадают с временем жизни Феогнида, во второй же части могли бы иметь какое-то отношение к Феогниду, если бы дело шло о продолжительном состоянии.

¹² *Hiller von Gärtringen F. Rhodos* // *RE. Supplbd.* 5. Sp. 774; *Glötz G. Histoire grecque*. Paris, 1936. T. 3. P. 94.

народной массой. Аристотель говорит: τῶν δὲ γινώριμων (scil. εἶδη ἔστιν) πλοῦτος, εὐγένεια, ἀρετή, παιδεία καὶ τὰ τοῖς λεγόμενα κατὰ τὴν αὐτὴν διαφορὰν (IV, 4, 1, 1291b, 28sq.). Γινώριμοι не представляют собой чего-либо однородного. Разновидности их обусловлены богатством, благородством происхождения, доблестью, образованностью и тому подобными признаками. Словом γινώριμοι Аристотель не раз пользуется в «Афинской Политии». Так названы противники демоса во времена Солона (2, 1; 5, 1; 11, 2 — два раза; 28, 2), Писистрата и Писистратидов (16, 9; 28, 2), Мильтиада (28, 5), накануне установления власти Тридцати (34, 3). Иначе говоря, для любой эпохи Аристотель имел наготове слово γινώριμοι для обозначения тех, кто противостоял демосу, выделялся из него.¹³ Специфического отношения к эпохе, когда жил Феогнид, в этом слове усмотреть нельзя. Что же касается слова εὐποροί, то оно имеет применительно к Феогниду то неудобство, что предполагает совместные действия «состоятельных» против демоса, т. е. ту ситуацию, против которой всю жизнь протестовал поэт, не признававший своими тех, кто обладал богатствами без качеств, которые казались ему более существенными.

Наконец, свое сообщение о возвращении изгнанников и водворении олигархии Аристотель заканчивает таким образом: κατέστησαν τὴν ὀλιγαρχίαν (V, 4, 3, 1304b, 39). Артикль при слове «олигархия» хорошо засвидетельствован рукописями. Так можно было сказать о достаточно известной олигархии, а этим подсказывается мысль, что речь идет о временах, близких или относительно близких ко времени написания «Политики», во всяком случае — о конце V или о IV в.

Известие Фукидида о том, что в 424 г. в Мегарах произошел переворот, после которого надолго утвердилось олигархия (Thuc. IV, 74), содержит подробности, на первый взгляд сходные с теми, какие дает Аристотель, — возвращение изгнанников, занятие ими должностей. Однако у Фукидида отсутствует один существенный момент: победа на поле битвы над демосом. В 424 г. изгнанники вернулись в результате ухода Брасида со спартанцами в Коринф, а афинян, за которыми последовали их мегарские сторонники, — в Аттику. Таким

¹³ См.: Доватур А. Социальная и политическая терминология в «Афинской Политии» Аристотеля // ВДИ. 1958. № 3. С. 70 сл.

образом, приходится думать, что переворот, о котором пишет Аристотель, произошел скорее в IV в., на памяти Аристотеля или его старших современников.¹⁴

Как видим, положительных данных о вооруженной борьбе среди мегарского гражданства, которую можно было бы с уверенностью отнести ко времени жизни Феогида, мы не имеем. Изгнание и конфискация имущества, которым подвергся поэт, не являются аргументом в пользу предположения о таком военном столкновении. Ведь изгнание в греческих полисах было обычной мерой, применявшейся победителями к побежденным в чисто политической борьбе.

Общий тон поэзии Феогида, как это и естественно для поэта, социальные идеалы которого идут вразрез с исторической реальностью его времени, — пессимистический. Характерно в этом отношении, кроме некоторых рассмотренных выше стихотворений, четверостишие о том, что беды добрых выгодны для дурных, которые управляют при помощи чудовищных законов; стыд погиб, бесстыдство и наглость, одержав верх над справедливостью, охватили всю землю (289—292). В другом стихотворении поэт жалуется на граждан: он не может понять их образа мыслей; и поступая хорошо, и поступая дурно, он не в состоянии угодить им; многие — как дурные, так и честные — бранят его, но подражать ему никто из неразумных не способен (367—370).

Резюмируем все сказанное выше. Феогид живет в ту пору, когда борьба аристократии в Мегарах за свое безраздельное господство уже закончилась не в ее пользу. Ей пришлось поступиться своими правами в том смысле, что она поделилась ими с верхами своих противников, с богатым слоем выходцев из народа. Процесс объединения следует представлять себе не только в виде политического союза, но и в форме многочисленных брачных союзов, а следовательно, и возникновения кровного родства. Появился, в сущности, новый слой общества, ха-

¹⁴ Затрудняется датировать этот переворот концом VII—началом VI в. до н. э. Э. Мейер (*Mejer Ernst*. Op. cit. Sp. 185). Однако и в одной сравнительно близкой нашему времени работе показания «Политики» Аристотеля считаются относящимися к эпохе Феогида (по мнению автора, первая половина VI в. до н. э.); см.: *Treuer A. A. The intimate relation between economic and political conditions in history, as illustrated in ancient Megara // Classical philology*. 1925. T. 20. P. 127.

рактизовавшийся признаком богатства. Деление на знатных и незнатных, конечно, еще не антиквированное, отходит на второй план. Меньшинство аристократов, вероятно, главным образом из небогатых или прямо бедных, продолжало оставаться на прежних позициях, упорствуя в непризнании совершившихся фактов. Для них и для Феогида, который был выразителем их воззрений, старое деление сохранило свою силу. «Дурные» в их глазах не только те бедняки, которые получили права гражданства, а недавно еще не знали ни судов, ни законов (54—56), но и те богачи незнатного происхождения, с которыми не гнушались вступать в родство некоторые «добрые».

Можно думать, что в Мегарах далеко зашел процесс, результаты которого впоследствии наблюдаются в Афинах. Эти результаты без всякой скорби и без всякой злобы констатирует около 424 г. до н. э. олигарх, противник афинской демократии, автор Псевдоксенофоновой «Афинской Политии». Для него демаркационная линия, отделяющая любезных его сердцу представителей «хорошего» общества от их социальных антагонистов, проходит не там, где ее проводит Феогид. Афинский олигарх противопоставляет *πονηροί* — *χρηστοί* (1, 1); в этом нет явного расхождения с Феогидом. Но дальше противопоставляются *οἱ πένητες* καὶ *ὁ δῆμος* и *οἱ γενναῖοι* καὶ *οἱ πλούσιοι* (1, 2), т. е., с одной стороны, бедняки и демос, с другой — родовитые и богатые. Две группы — *οἱ γενναῖοι* и *οἱ πλούσιοι* — не отождествляются одна с другой (артикуль поставлен перед каждым обозначением), но объединяются и вместе противопоставляются беднякам и демосу. В дальнейшем встречаем противопоставление *πλούσιοι* — *δῆμος* (2, 10). Ниже, говоря о комедии, автор этой «Афинской Политии» замечает, что осмеянию в ней подвергаются по большей части не люди из народа и народной массы — *οὐχὶ τοῦ δῆμου* ... *οὐδὲ τοῦ πλήθους* — и лишь изредка — немногие из бедных и принадлежащих к народу — *ὀλίγοι δὲ τινες τῶν πενήτων καὶ τῶν δημοτικῶν*, а главным образом человек богатый, или родовитый, или могущественный — *ὁ πλούσιος ἢ γενναῖος ἢ δυνάμενος* (2, 18). Опять богатые и знатные не оказываются чем-то единым, но составляют одно целое, противостоящее народной массе. В Афинах второй половины V в. тесная связь (в сфере интересов и быта) между богачами и знатью (последние также могли быть богатыми) была реальным фактом, она спокойно констатируется

и не вызывает никакого протеста у человека, не менее враждебно относившегося к простому народу, чем Феогнид.

Мегарский поэт рисует нам мегарское общество в своеобразном освещении, не дающем нам представления о подлинном соотношении сил в этом обществе.⁶ Генеральный бой между аристократией и ее противниками из народа (богатыми и бедными) произошел в прошлом. Результатом было то положение, какое застал на своей родине поэт: формируется новый господствующий слой путем смешения победителей и побежденных, вернее — отдельных частей тех и других. Феогнид и его единомышленники борются, в сущности, против совершившегося факта.⁷ Их социально-политические идеалы можно сравнить с идеалами афинян Ликурга и Исагора, но едва ли даже с идеалами Кимона, не говоря уже об идеалах Фукидида из Алопеки или Псевдоксенофонта. Не встречая поддержки ни со стороны широких демократических кругов, ни со стороны добившихся господствующего положения разбогатевших выходцев из народа, ни со стороны знатных людей, сохранивших свой ранг при новых порядках, мегарские ультра кричат об измене *οἱ μὲν φίλοι προδίδουσι*—575). Им кажется, что победа была возможна и близка, но по каким-то причинам, возможно из-за той же измены, она не состоялась.¹⁵ Это чувство разочарования, скорбь о неосуществившемся торжестве Феогнид выразил в стихах, подводящих безрадостные итоги его политической деятельности (953—954):

«Сделав, я не сделал и не закончил, закончив;
совершив, не совершил и достигнул, не достигнув».

Осталось сказать несколько слов о некоторых признаках эволюции взглядов Феогнида. Речь будет идти не о вполне понятных у всякого, особенно у поэта, колебаниях настроения под влиянием каких-либо (обычно нам неизвестных) причин. Противоречия, связанные с такими колебаниями, нетрудно заметить. То поэт ликует, грабя достояние побежденного врага (1041—1042), то заявляет

¹⁵ При всем различии высказываемых нами и Хайбарджером (*Highbarger E. L. The history and civilization of ancient Megara. Baltimore, 1927. P. 142 f.*) взглядов общим является признание того, что поэтическая деятельность Феогнида вовсе не протекала в пору господства радикальной демократии.

о своем отказе когда бы то ни было радоваться чужому несчастью (1217—1218); то он пытается активно вмешиваться в политику (*passim*), то рекомендует нечто близкое к политическому индифферентизму (219—220, 331—332);¹⁶ то он укоряет сограждан, предающихся веселью (825—830), то сам проявляет склонность к наслаждению (531—532, 943—944, 1045—1046); то он жалуется на отсутствие друзей и товарищей у изгнанника (209—210), то сам советует другу не расточать дружеских чувств изгнаннику (329—330).¹⁷ Гораздо существеннее некоторые признаки изменений во взглядах в другой области. Феогид твердо верил в правильность традиционного разделения людей на благородных и неблагородных, родовитых и неродовитых, с соответствующим распределением высоких и низменных качеств от рождения. Социальный ранг человека и моральную его оценку он в духе аристократической этики обозначает одним и тем же словом.

Однако жизненный опыт давал себя знать. Неожиданно для нас поэт соглашается признать за некоторыми «дурными» способность быть «мудрыми» — σοφοί (682). Надо думать, однако, что гораздо большее значение для эволюции взглядов поэта имели его наблюдения над «добрыми» — ἀγαθοί. Они, как оказалось, не были бесспорными и постоянными носителями высоких качеств. Невозможно, по мнению поэта, сделать неразумного человека разумным, дурного — честным; если бы в человека можно было вложить образ мыслей, то никогда от доброго отца не происходил бы дурной сын — οἷπος' αὖ ἐξ ἀγαθοῦ πατὴρ ἐγενετο κακός (436); путем поучения нельзя дурного сделать добрым. Здесь как будто поэт стоит на точке зрения признания врожденных качеств, не передаваемых по наследству: человека с дурными задатками не исправляли никакие поучения. Эта пессимистическая нота звучит не менее сильно и в других стихах Феогида. Легче из доброго сделать дурного, нежели из дурного — честного, дурной не поддается уговорам (577—578). Друзья предают поэта (575), а предательство по отношению к друзьям недостойно свободного человека (529—530). Постоянные напоминания знатному юноше о вреде общения с «дурными» показывают, что само по себе рождение в среде

¹⁶ См.: *Van Groningen*. P. 133.

¹⁷ О противоречиях у Феогида см.: *Bowra C. M.* Op. cit. P. 157 ff.

«добрых» недостаточно, чтобы предохранить от дурных свойств.

Наиболее отчетливо жизненные наблюдения Феогида отразились в следующем четверостишии (305—308):

Τοὶ κακοὶ οὐ πάντες κηκοὶ ἐκ γαστρὸς γεγόναισι,
ἀλλ' ἄνδρεςσι κακοῖς συνθήμενοι φιλίην
ἔργα τε δεῖλ' ἔμαθον καὶ ἔπη δόσφημα καὶ ὕβριν
ἐλπίμενοι κείνους πάντα λέγειν ἔτυμα.

В первом (305) стихе четвертое слово в Codex Mutinensis, самой старой рукописи стихов Феогида, читается πάντες, другие рукописи дают πάντως. Мнения издателей разделились: одни (меньшинство) предпочитают чтение Моденского кодекса — πάντες,¹⁸ другие — πάντως.¹⁹ Приходится считаться с обоими чтениями. То и другое, при всем различии получаемого смысла целого предложения, дают повод к интересным заключениям.

Начнем с чтения πάντες: не все дурные родились дурными, но, завязав дружбу с дурными мужами, они научились плохим делам, скверным речам и наглости, думая, что те говорят все надлежащее. Мысль поэта состоит в том, что существуют κακοί, лишь часть которых таковы от рождения, другие же стали дурными от общения с дурными; иначе говоря, не будь влияния дурной среды, они остались бы ἀγαθοί, каковыми, очевидно, были от рождения. Нельзя не вспомнить настоятельных советов поэта молодым аристократам не общаться с дурными. Эти советы и вывод, подсказанный жизненным опытом и прямо выраженный в разбираемом стихотворении, находятся в самой тесной взаимной связи.

При чтении πάντως влияние среды остается, но оно ограничивается воздействием на κακοί. Эти последние оказываются дурны от рождения не в полном смысле, не во всех отношениях, но становятся такими вполне под влиянием общества дурных.

В обоих случаях поэт признавал бы воздействие дурной среды, но в первом случае оно распространялось бы на

¹⁸ Carrière (1948), Young (1961), Van Groningen (1966).

¹⁹ Welcker (1826), Sitzler (1880), Bergk (1882), Buchholz (1900⁵), Harrison (1902), Diehl (ed. stereotypa 1950), Garzya (1955). Против чтения πάντως, взятого из худших рукописей, возражал Феста (Festa E. Quaestionum Theognidearum specimen // Studi italiani di filologia classica. 1893. T. 1. P. 16).

«добрых» и делало бы их «дурными», а во втором оно содействовало бы окончательному превращению «дурных» в *καχοί* в полном смысле. В пользу первого чтения говорят, кроме древности Моденского кодекса и некоторых палеографических соображений,²⁰ еще и многочисленные предостережения Феогида молодому аристократу держаться подальше от «дурных», а также констатирование дурных качеств у аристократов (предательство, погоня за выгодными браками). Традиционные воззрения вступили в противоречие с жизнью, так что потребовалась поправка, которая и была найдена в виде пагубного влияния дурной среды.

Будь Феогид последовательным мыслителем, стремившимся выработать слаженную систему взглядов, мы были бы вправе искать у него ответа еще на один вопрос: может ли «добрая» среда воздействовать на тех, кто вращается в ней, но родился вне ее? Или (при чтении πάντως) могут ли «дурные», не подпавшие под влияние «дурной» среды, т. е. «дурные» не в полной мере, приблизиться к «добрым», в какой-то мере уподобиться им, если они с ними общались? Вопросы эти, однако, являются праздными. Мысль Феогида никогда в эту сторону не направлялась. Его интересует только «дурное» влияние «дурной» среды.

Есть в феогидовском сборнике четверостишие, требующее объяснения в связи с вопросом об отношении поэта к *καχοί* (811—814):

Χρῆμ' ἔπαθον θανάτου μὲν αἰκίος οὔτε κάκιον
 τῶν δ' ἄλλων πάντων, Κόρν', ἀνιηρότατον·
 οἱ μὲ φίλοι προῦδωκαν. ἐγὼ δ' ἐχθροῖσι πελαγθεῖς
 εἰδὴχω καὶ τῶν ὄντιν' ἔχουσι νόον

«Я испытал нечто не хуже позорной смерти, | но тягостнее, Кирн, всего другого / — друзья предали меня; я же, сблизившись с врагами, | узнаю, каков и у них образ мыслей»).

В этих стихах — крайняя степень разочарования в друзьях, уже знакомый нам мотив измены с их стороны. Эта измена и есть то ужасное, что испытал поэт.

²⁰ См.: *Van Groningen*. P. 124: в некоторых видах курсивного письма буква ε часто имеет наклон влево и легко может быть принята за ω.

Он говорит о своем состоянии, что оно все же лучше состояния смерти, но все другие беды в сравнение идти не могут. Дальше — реакция поэта на измену друзей. Готовность сблизиться с врагами, т. е. с теми, против кого он боролся всю жизнь, конечно, тоже входит составной частью в то «нечто» (χρῆμα), что испытал поэт. Окончание стихотворения подало повод думать, что Феогнид порвал со своими и перешел (по крайней мере временно) в лагерь врагов.²¹ Точный смысл слов Феогнида не допускает такой интерпретации. Причастие πελαζεῖς получает временную окраску от verbum finitum εἰδῆζω — «я сблизюсь с врагами и узнаю». Аналогичные соединения participium aoristi с личной формой глагола в будущем времени, благодаря которой и причастие должно быть отнесено к будущему времени, не очень часто, но все же встречаются в греческой литературе. У Платона в «Государстве» читаем: διὸ κατχτείνας ἐρῶ τὸν ἀδικὸν βίον ἐπαινῶν (II, 358d) — «поэтому, напрягшись, скажу, восхваляя несправедливую жизнь». Оба причастия, κατχτείνας и ἐπαινῶν, говорят о будущем, в зависимости от ἐρῶ. В другом месте у того же автора находим: πέρα τοῦ δέοντος σοφώτεροι γενόμενοι λήξετε διαφθαρέντες (Gorg. 487d). Предостережение: как бы вы, став чрезмерно мудрыми, незаметно не испортились. Опять причастия аориста γενόμενοι и διαφθαρέντες выражают то, что произойдет в будущем — личная форма глагола стоит в будущем времени. В «Богатстве» Аристофана Гермес просит Кариона принять его к себе в дом в качестве жильца; тот спрашивает: ἔπειτ' ἀπολιπὼν τοὺς θεοὺς ἐνθάδε μένει; (1148) — «действительно ты, покинув богов, останешься здесь?». Опять причастие аориста выражает действие предстоящее: «ты покинешь богов и останешься здесь?».

Итак, нет основания думать, что Феогнид на самом деле перешел на сторону своих бывших противников. Его намерение имело скорее характер угрозы (кому? возможно, самому себе) со стороны человека, доведенного до крайности.

²¹ Например: *Cauer P. Parteien und Politiker in Megara und Athen. Stuttgart, 1890. P. 5.* Иначе считает Ван Гронинген (*Van Groningen. P. 312*): Феогнид заявляет о своем намерении вступить в контакт с противной партией; дальше комментатор усматривает иронию — поэт будто бы хорошо знает, что он ни с кем сблизиться не будет — так же мало с бывшими врагами, как и с теми, кто его покинул. Действительно ли есть в четверостишии иронический тон? В одном Ван Гронинген прав: у Феогнида нет речи о действительно состоявшемся сближении с врагами.

Сильный налет пессимизма — таково общее впечатление, остающееся у читателя по ознакомлении с феогнидовским сборником. Выяснение корней этого пессимизма — задача, естественно возникающая у филолога, занимающегося изучением поэтического творчества мегарского поэта.

В истории всемирной поэзии известны поэты-пессимисты, чье мрачное умонастроение вытекает из их общего безрадостного мировоззрения, зависящего часто от их физического состояния, органически им присущего. Таковы ли Феогнид?

В феогнидовском сборнике имеется некоторое количество стихов, в которых отражается жизнерадостное настроение поэта, гражданина греческого полиса, где веселое времяпрепровождение (празднества, пирушки) было в порядке вещей. Наставления поэта не раз относятся к правилам должного поведения во время пирушек (309—312, 467—496, 497—498, 499—502, 509—510, 563—566, 627—628, 989—990). Обстановка пирушки нередко дается в стихах Феогнида (313—314, 413—414, 503—508, 837—840, 873—876, 943—944; cf. 1041—1042, 1207—1208). Вино, игра на лире, пение под аккомпанемент флейты доставляют поэту большое удовольствие (533—534, 789—792, 993—996, 997—1002, 1041—1042, 1065).

Однако к обычным для греческой поэзии и греческого быта темам наслаждения радостями жизни часто примешиваются у Феогнида пессимистические мотивы. Общий призыв играть, пользуясь молодостью, занимает всего полстиха, омрачаясь развитым далее на протяжении трех с половиной стихов мотивом смерти — длительное пребывание под землей, потеря сознания, уподобление камню и т. п. (567—570).

Характерно и то, что картина радостного пиршества временами подается у Феогнида в порядке пожелания, как дар, который вымаливается у богов, причем в конце все-таки появляется образ *хῆρες* — губительной старости и смерти (767—768; cf. 877—878). Светлая картина религиозного празднества, которое следует за желанным избавлением города от войны (для чего требуется милость Аполлона), испорчена напоминанием о неразумии и губительном раздоре эллинов (773—782). Мир и богатство в государстве дают возможность справлять веселое гу-

ляные ватагой, комос (κῶμος), но это все в плане пожелания (885—886). Наконец, совсем грустно звучат стихи, где Феогнид укоряет сограждан, несвоевременно предающихся веселью, тогда как границы страны уже видны с городской площади; следует прекратить праздник и приняться оплакивать гибнущую страну (825—830). Переход от веселья к грусти был обычным у Феогнида и вызывался разными поводами. Находясь в легкомысленной компании, где происходит состязание в искусстве пить, поэт предаётся размышлению: разве есть доблесть в том, чтобы быть победителем в таком состязании, в котором часто «дурной» побеждает «доброего» (971—972)?

На фоне всего этого смысл получают стихи, призывающие к бездумному веселью (1047—1048):

Νῦν μὲν πίνοντες τερπόμεθα, καλὰ λέγοντες·
ἄλλα δ' ἔπειτ' ἔσται, ταῦτα θεοῖσι μέλει.

Это призыв на короткое время отвлечься от окружающих бед и предоставить богам заботу о будущем.

Пессимистический тон вообще определенным образом окрашивает поэзию Феогнида. Грустные размышления над жизнью выразительно резюмированы в двух стихотворениях Феогнида. В одном высказывается (встречающаяся и у других поэтов¹) мысль, что для людей лучше всего не родиться, а родившись, лучше всего поскорее умереть (425—428; cf. 1013—1016). В другом — унылые впечатления о жизни, вынесенные из жизненного опыта: единственное благоприятное божество, остающееся у людей, — Надежда. Все другие — Верность, Воздержанность, Хариты — покинули землю и удалились на Олимп, и нет больше верных клятв, нет почитания богов, исчез род благочестивых людей и т. д. (1135—1150).

Феогнид сам раскрывает нам истоки своих горестных переживаний. В некоторых случаях он печалится по поводу общей участи человека. Быстро проходящая и прошедшая молодость, наступление старости, неизбежность смерти дают пищу для скорбных размышлений. Если для Солона каждый семилетний период жизни человека представляет собой некоторое законченное целое, имеющее свое значение в общем ходе жизни (№ 19 Diehl), если для него процесс старения сопровождается расшире-

¹ Параллели см.: Garzya. P. 208.

нием познания (γῆρας δ' αἰὲς πολλὰ διδασκόμενος — № 22, 7), то Феогниду конец молодости и вступление в старческий возраст внушают только ужас. Старик ненавистен даже собственным детям (271—278). Уже упомянутый выше призыв к веселью обосновывается ссылкой на предстоящее долгое пребывание под землей (567—570; cf. 973—978, 1007—1011). Богатство не избавляет человека от смерти, тяжких болезней и старости (725—728; cf. 767—768). В одном двустииши суммируются чувства, испытываемые поэтом при переходе от молодости к старости:

ὦ μοι ἐγὼν ἤβης καὶ γήραος οὐλομένοις
τοῦ μὲν ἐπερχομένου, τῆς δ' ἀπονισομένης

(527—528; cf. 977—978, 983—988, 1017—1022, 1069—1070, 1129—1132).

Проследивая дальше источники пессимистических высказываний Феогнида, мы попадаем в область общественных отношений, имевших для этого поэта первостепенное значение. Феогнид, судьба которого тесно переплетается с перипетиями социальной борьбы в его отечестве, ярко отражает в своей поэзии социальные и политические события и явления в его родном полисе.

В основных линиях внутренняя история Мегар и связанная с ней судьба Феогнида известны нам главным образом благодаря стихотворениям поэта. Мегарское государство переживало в эпоху Феогнида (в широком смысле — VI в. до н. э.) глубокий социальный кризис. Аристократия, к которой по своему происхождению принадлежал поэт, потеряла свое господствующее положение. К власти пришли новые социальные слои, в свое время выступавшие единым фронтом против знати, но отнюдь не представлявшие собой однородной массы. Поэт принимал деятельное участие в политической борьбе. Изгнание, конфискация имущества, бедность по возвращении на родину с достаточной убедительностью свидетельствуют о том, что он принадлежал к побежденной стороне.

Бедный человек не может ни действовать, ни высказывать свое мнение, язык его скован (177—178). Немало стихов посвящено у Феогнида бедности и тем бедам, какие она с собой приносит (173—174, 175—178, 179—180, 195—196, 619—620, 621—622, 683—686, 751—752, 1129—1130). Очень красноречиво описание положения

бедняка в полисе: он не ходит на городскую площадь и в суды, везде он имеет «меньшую долю», везде он в презрении (267—270). Нам не следует обманываться насчет истинного значения этих и подобных высказываний Феогнида. Он имеет в виду не бедного гражданина вообще, а аристократа, впавшего в бедность, в частности и главным образом — себя, о чем он прямо говорит в стихотворении, обращенном к бедности, возлюбившей его против его воли (351—354). Феогнид полагает, что «добрым» пристало быть богатыми, а «дурным» — терпеть бедность (525—526). Между тем бедность часто оказывается уделом тех, кого поэт считает «добрыми» (173—174). Богатство прикрывает порочность людей, а доблесть (ἀρετή) незаметна из-за бедности человека (1061—1062; cf. 1117—1118).

Самое тяжелое для поэта — то, что он, многое понимая, вынужден молчать, созная предел своих возможностей (419—420):

πολλὰ μὲ καὶ συνιέντα παρέρχεται· ἀλλ' ὕπ' ἀνάγκης
σιγῶ, γινώσκων ἡμετέρην δύναμιν

(cf. 619—620, 649—652, 815—816). Здесь нет надобности менять ἡμετέρην на ὑμετέρην² — «вашу силу» (в обращении к врагам). В защиту рукописного чтения можно привести место из «Анабасиса» Ксенофонта, где Кир обращается к пытавшемуся предать его вельможе со словами: ἐγὼς τὴν αὐτοῦ δύναμιν — «ты осознал свою силу» (т. е. пределы своей силы, свое бессилие) — с оттенком иронии.³

Государству, в котором ἀγαθοὶ потеряли руководящую роль, поэт предрекает всяческие беды и гибель (603—604, 667—682, 1103—1104; cf. 39—52, 825—830, 833—836, 1081—1082).

И, наконец, едва ли не главный удар для поэта — разочарование в тех, кого он считал своими, «добрыми», социально и идеологически себе близкими (667—670):

Εἰ μὲν χρήματ' ἔχοιμι, Σιμωνίδη, οἷά περ ἦδη
οὐκ ἂν ἀνιῶμην τοῖς ἀγαθοῖσι συνών·
νῦν δέ με γινώσκοντα παρέρχεται, εἰμὶ δ' ἄφωνος
χρημοσύνη, πολλῶν γνοὺς ἂν ἀμεινον ἔτι

² ὑμετέρην — конъектура Г. Германа — см. критический аппарат в изданиях Diehl, Young.

³ Так понимают наше место Гарсиа (Р. 207), Ван Гронинген (Р. 166 sq.).

(«Если бы, Симопид, я владел деньгами, как раньше, то я не испытывал бы огорчения, общаясь с добрыми. Теперь же [все] проходит мимо меня,⁶ я безгласен под влиянием нужды, хотя еще понимаю лучше многих»). Поэта не слушают те, кто, казалось бы, должны были быть его единомышленниками. В новом обществе (по возвращении из изгнания) он оказался чужим для тех, на чье сочувствие он рассчитывал. После этого получают свой полный смысл слова поэта: οἱ με φίλοι πρόσδοσι (575; cf. 813, 1013—1016) — «друзья предают меня».

Тот критерий для разделения общества, который казался Феогниду единственно оправданным и правильным, при формировании нового общества уже устарел. Материальное положение, деньги — вот что определяло собой социальное положение человека. Представители старой аристократии, сохранившие свою материальную базу, перешли на новые позиции, начали сливаться с богатым слоем «дурных», и еще с большей готовностью это делали те, кто утратил богатство и надеялся при помощи выгодного брака поправить или поддержать свое положение. Даже бывшие изгнанники, сотоварищи по изгнанию, не могут считаться верными друзьями, даже на них нет возможности опереться (333—334).

Крушение социальных идеалов (см. также 833—836, 855—856, 1109—1113, 1117—1118), тяжело переживавшееся поэтом, было, надо думать, еще более серьезным источником его пессимизма, чем размышления о наступающей старости.

В том же плане, думается, следует рассматривать еще одно тяжелое переживание Феогнида. Речь идет об отношениях поэта с Кирном. Не может быть сомнения в том, что мы встречаемся здесь с глубоко личными отношениями. Таково обычное и вполне оправданное понимание стихов, обращенных к Кирну.⁴

Не скрывается ли, однако, за этим личным моментом нечто более значительное в плане общественном, более важное в историческом смысле? Не помогут ли стихи Феогнида обнаружить за лежащими на поверхности отношениями между двумя людьми большой социальной конфликт?

⁴ О тождестве Полипаида с Кирном см., например: *Harrison E. Studies in Theognis together with a text of the poems.* Cambridge, 1902. P. 130 sqq.

Разница лет сделала естественной для старшего (Феогида) позицию наставника, руководителя. Поэт наставляет юношу как отец (1049—1050): Σοὶ δ' ἔγω οἶά τε πατὴρ ὑποθήσονται αὐτός | ἐσθλά.

Одно стихотворение, разбором которого нам предстоит сейчас заняться, раскрывает перед нами сущность поучений Феогида (27—38). В первых строках — заявление о традиционности того учения, которое преподносится в дальнейшем как незыблемая истина (27—28): «Я, хорошо к тебе расположенный,⁵ предложу тебе, Кирн, то, чему сам, будучи еще мальчиком, научился от добрых». С тех пор как Велькер объяснил значение слов ἀγαθός, κακός et sim., стало невозможным рассматривать мегарского поэта как носителя плоской прописной морали.

Знатному юноше рекомендуется пить, есть и вообще водить компанию только с людьми своего круга (31—34). Только от них он может научиться хорошему (35—36). Стихотворение, содержащее такие советы, заканчивается словами (37—38):

ταῦτα μαθὼν ἀγαθοῖσιν ὀμίλει, καὶ ποτε φήσεις
εὖ συμβουλευεῖν τοῖσι φίλοισιν ἐμέ

(«Усвоив это, общайся с добрыми, и когда-нибудь ты скажешь, что я даю друзьям хорошие советы»). От начала и до конца стихотворения настойчиво повторяется одна и та же мысль: молодой человек должен твердо придерживаться традиции, которую ему могут преподавать те, кто являются наследственными хранителями этой традиции — «добрые» — люди того общественного круга, к которому принадлежат и поэт, и сам Кирн.

Традиционные правила преподаются поэтом под разным видом, в разных выражениях, но всегда они имеют одинаковую направленность. Не следует совещаться с «дурным мужем», за советом следует обращаться к «доброму», хотя бы пришлось для этого проделать пешком длинный путь (69—72). «Дурной» недостоин любви; ведь от него нет никакой пользы, он не избавит тебя от тяжелой неприятности и беды и не пожелает поделиться с тобой теми благами, какие у него имеются (101—104).

⁵ О двух значениях выражения εὖ φρονέων — «благорасположенный» и «благоразумный» — говорят комментаторы «Илиады» (применительно к I, 73). Здесь подходит первое значение.

«Дурные» не воздадут тебе благодарностью за благодеяния; они ненасытны и из-за одной твоей ошибки забывают о прежней дружбе в противоположность «добрым», которые всегда помнят о полученном добре (105—112; cf. 853—854); следует избегать дружбы с «дурным» и бежать от него, как от плохой гавани (113—114). «Добрый» обладает доблестью, которая в целом заключена в справедливости (145—148). Богатство бог дает и очень дурному человеку, доблесть же присуща немногим (149—150). Наглость — свойство «дурного» (151—152), особенно если он богат (153—154).

Смешанные браки, которые, видимо, были уже довольно распространенным явлением, вызывают у Феогида протест, так как из-за них происходит смешение «честного» с «дурным» и род граждан «тускнеет» (183—192; cf. 193—196). Человек становится «дурным» под влиянием «дурной» среды (305—308; cf. 1169). Многие «дурные» богаты, а «добрые» бедны, но «мы», т. е. ἀγαοί, не променяем доблесть, вечное достояние, на богатство, которым владеет то один, то другой (315—318 — стихи, выписанные из Солона). Поведение «доброе» отличается постоянством при любых обстоятельствах; «дурной» же, получив от бога богатство, безумствует и не в состоянии сдерживать свою порочность (319—322; cf. 1025—1026). И в бедности проявляются особенности того и другого: у «доброего» ум преисполнен справедливости (δίκαια φρονεῖ), а у «дурного» не оказывается ума ни при плохих, ни при хороших обстоятельствах (393—398; cf. 441—446). Отправляясь в путешествие по торговым делам, следует брать себе в спутники «добрых» и избегать «дурных» (1165—1166).⁶ Ответы «добрых» честны, честны и их дела, а подлые слова «дурных» разносятся по ветру (1167—1168).

Для Феогида эта его педагогическая деятельность в качестве передатчика молодому поколению в лице Кирна основ традиционной аристократической идеологии должна была иметь особенно важное значение. И здесь его ожидало горькое разочарование. Кирн, конечно, реальный индивидум, но в то же время и символ молодого поколения, не оправдал надежд поэта. О расхождении с Кирном свидетельствует двустичие, в котором поэт предупреж-

⁶ См. толкование этих слов у Ван Гронингена (*Van Groningen*. P. 425 sq.). Едва ли, однако, прав комментатор, перенося на Феогида характерное для феодального общества пренебрежение к занятию торговлей (ср.: Харакс, брат высокородной Сафо; Солом).

дает о своем нежелании поддаться попыткам Кирна продлить или возобновить дружбу (371—372). О какой-то ошибке друга говорится в другом двустии (407—408). Неверность в дружбе — одна из тем Феогида (с упоминанием Кирна — 89—92; cf. 87—88). Чувством отчужденности и даже явной вражды проникнуты два четверостишия, которые мы можем с достаточным основанием (пока не будут представлены доказательства противного) считать обращенными к Кирну. В первом — упоминание о давней дружбе и о том, что бывший друг общается с другими, которые лучше знают его умонастроение (595—598). Во втором — обвинения в измене и проклятие человеку, который ненавистен богам, внушает недоверие людям, держит в груди холодную пеструю змею (599—602). Имеются стихотворения, отражающие колебания чувств (1091—1094) и, наконец, полный разрыв (1095—1096, 1097—1100, 1101—1102, 1217—1220).

В важном для Феогида деле его постигла неудача: ему не удалось сделать из Кирна непримиримого борца за старые идеалы.

Мрачный фон душевной жизни Феогида — так мы можем подытожить — объясняется главным образом крахом его действий в той области, которую он считал для себя важнейшей, — именно в области общественной жизни. Его строго консервативные воззрения вступили в противоречие с социально-политической действительностью и, что было для него особенно прискорбно, не находили достаточного резонанса в той общественной среде, в которой он родился и которая, по его убеждению, должна была его поддержать.

Приспосаблиясь к новым обстоятельствам, и старшее, и младшее поколения прежнего господствующего слоя примирились с новыми порядками и сомкнулись в экономическом и бытовом плане с верхушкой сформировавшегося после периода бурной социальной борьбы нового общества, которое казалось поэту более демократическим, чем оно было на самом деле.

Чуждый всему тону жизни своего времени, озлобленный (337—338, 341—350, 363—364, 872), временами погруженный в отчаяние, вынужденный хранить молчание на собраниях «добрых», наблюдавший отход младшего поколения от традиционных воззрений, поэт изливает свое горе в полных пессимизма стихах, где он констатирует несправедливость богов и миропорядка (289—292,

373—382, 383—392, 647—648, 687—688, 731—742, 743—752, 865—868, 1135—1150), изменчивость судьбы и непрочность благ (159—160, 585—590, 659—666, 983—988, 991—992, 1029—1036) и ненадежность людей (83—86, 115—116, 117—118, 119—128, 221—226, 299—300, 323—328, 415—418, 571—572, 575—576, 641—642, 643—644, 645—646, 647—648, 857—860, 963—970, 979—982, 1013—1016). Безрадостен у Феогида итог человеческой жизни вообще (425—428, 441—446, 729—730) и своей собственной в частности (341—350, 619—620, 811—814, 819—820, 949—954, 1107—1108, 1123—1128).

Судьба изгнанника (Аргирида: 1211—1216) ^а

μή μ' ἀφελῶς παίζουσα φίλους δένναζε τοκῆας,
 "Ἀργυρί· σοὶ μὲν γὰρ δοῦλιον ἤμαρ ἐπι,
 ἡμῖν δ' ἄλλα μὲν ἐστὶ, γύνοι, κακὰ πόλλ', ἐπεὶ ἐκ γῆς
 φεύγομεν, ἀργαλέη δ' οὐκ ἐπὶ δουλοσύνη,
 οὐθ' ἡμᾶς περνᾶσι πόλιν γε μὲν ἐστὶν καὶ ἡμῖν
 καλὴ, ληθαίῳ κεχλιμένη πεδίῳ

Перед нами не экскерпт, содержащий моральную или какую-нибудь иную истину в форме афоризма или наставления, а замкнутая композиционно единица, целое стихотворение. Так или приблизительно так смотрят на стихи 1211—1216 феогидовского сборника все издатели и толкователи. На этом, однако, общее согласие оканчивается. Какова обстановка, предполагаемая стихотворением, кто такая Аргирида, чьих родителей она бранила, что хочет сказать поэт — на эти вопросы давались и даются разнообразные ответы.

Один из последних издателей Феогида, Ж. Каррьер (Carrigère), дал стихотворению неожиданную, опрокидывающую прежние представления интерпретацию. Против этой попытки выступил последний издатель Феогида Ван Гронинген (Van Groningen), превосходный комментарий которого может служить образцом трезвого и осмотрительного толкования текстов. Предлагаемый ниже разбор стихотворения приводит к результатам, близким к тем, какие получил Ван Гронинген; повторное обращение к стихотворению может быть оправдано обогащением аргументации и попыткой уловить общий дух стихов (социально-эмоциональную тональность их).

Μὴ μ'ἀφελῶς παίζουσα φίλους δένναζε τοκῆας (1211) — обращение к женщине, которая в шутливой форме бранила «милых родителей». Наречие ἀφελῶς понимается в нашем контексте как «неосмотрительно»,¹ «дерзко» (Garzya), «легковесно» (Carrigère). Предложим ли мы объяснение «непринужденно» или другое — «по-простецки», — все это ведет к одному: поэт неодобрительно относится к шуткам женщины.

Слова φίλους τοκῆας — «милых (с оттенком «собственных»). — А. Д.) родителей» нет надобности относить к родителям женщины. Прилагательное φίλος плюс существительное далеко не всегда связано с подлежащим предложении. В «Илиаде» Хрис, обращаясь к Агамемнону, просит освободить «милую» дочь (I, 20). Там же Одиссей в предложении, где подлежащим является «я» (Одиссей), угрожает Ферситу снять с него «милые» (его собственные) одежды (II, 261). В обоих случаях, как и в стихе Феогнида, разбираемое выражение соотносится с личным местоимением, стоящим не в именительном падеже.

Ἀργυρί· σοὶ μὲν γάρ δούλιον ἦμαρ ἔπι (1212). Аргиреда — явно рабыня, это видно и из следующего стиха: «с нами не могут проделать то, что с тобой», т. е. «нас не продают». Поэтому не может не вызвать удивления восприятие этой женщины как жены поэта. Большую натяжку представляет собой объяснение слов о рабской доле (и дальше — о продаже) как намек на рабский образ мыслей. Всякий раз, как у Феогнида встречаются слова «раб», «рабский», имеются в виду именно рабы и их свойства (530, 535, 538). Вполне конкретное выражение Феогнида, не говоря уже о соображениях общего характера, не позволяет думать о свободной женщине, а тем более — о жене автора стихотворения.

Какова смысловая связь между первым и вторым стихом? Частица γάρ указывает, что во втором как-то обосновывается то, что сказано в первом. Запрещает ли Аргиреде поэт бранить ее родителей? Какое было дело ему до родителей рабыни, тоже рабов? Гораздо естественнее было бы другое: поэт, напоминая женщине о ее рабском состоянии, хочет сказать ей — «не тебе, рабыне, говорить о моих родителях». Пренебрежительное ἀφελῶς в первом стихе идет навстречу такому толкованию: шутки Аргириды не на уровне того общества, в которое она попала.

¹ Van Groningen. P. 437.

ἡμῖν δ' ἄλλα μὲν ἐστὶ, γύναι, κακὰ πολλὰ (1213) — «У нас, женщина, много других бед». Иными словами: «наши беды не из тех, о которых можешь судить ты». Родители поэта (нет оснований думать, что они живы) подверглись осмеянию со стороны Аргириды, по-видимому, за то, что он — в силу своего происхождения от знатных родителей — теперь находится в бедственном состоянии (изгнании). В своих стихах поэт хочет дать почувствовать Аргириде расстояние, отделяющее ее от него. Но только ли от него? Множественное число ἡμῖν требует к себе внимания. Вправе ли мы рассматривать его как pluralis pro singulari? В подавляющем большинстве случаев Феогнид, говоря о себе, употребляет единственное число; лишь изредка единственное число заменяется множественным (353, 417—418, 505, 513—515, 517—518, 620, 958, 1250, 1273, при этом не раз в пределах одного стихотворения множественное число чередуется с единственным). В некоторых местах можно уловить довольно ясно звучащую коллективную нотку, объясняющую употребление множественного числа (419—420): «Мы (т. е. люди, к кругу которых принадлежит поэт) — бессильны». Нет надобности останавливаться на обильных примерах, где множественное число берется в своем подлинном значении. Ввиду общего тона стихотворения (обращение к лицу низшего социального ранга, с возможной оглядкой на других лиц) естественно будет в разбираемом стихотворении множественное число (ἡμῖν — 1213, φεύγομεν — 1214, ἡμᾶς, ἡμῖν — 1215) отнести к социальной группе, в которую входил поэт.

Уточнение заимствуем из следующего предложения: ἐπεὶ ἐκ γῆς φεύγομεν (1213—1214). Всякий непредубежденный человек даст этим словам такой перевод: «так как мы изгнаны из [своей] земли». В значении «быть изгнанным», «быть изгнанником» много раз засвидетельствован не только глагол φεύγω, но и конструкция φεύγω ἔξ (о политических изгнанниках): φεύγων ἔξ ᾽Αργεος (Odys. XV, 224), φυγόντος ἐκ Συρακοῦσων (Thuc. VIII, 85, 3), φεύγοντα ἐκ τῆς πατρίδος (Xenoph. Anab. I, 3, 3). Несмотря на, казалось бы, не вызывающий сомнений смысл слов поэта, один из новейших издателей² вложил в это слово необычное значение: «так как мы изгнаны из земли», т. е. «умерли», со ссылкой

² Carrière. Ad loc.

на то, что земля противопоставляется преисподней (без подтверждающих примеров).

Корпус надгробных стихотворных надписей Пеека³ решительно опровергает такое утверждение. Ни в одной эпитафии выражение $\varphi\epsilon\upsilon\gamma\omega\ \epsilon\kappa\ \gamma\eta\varsigma$ не применяется для обозначения смерти. Земля — $\gamma\eta$ — фигурирует в надгробных надписях не как место, из которого удалился умерший, а как материал, вещество, которое его, уже погребенного, покрывает. Функция $\gamma\eta$ ($\gamma\alpha\iota\alpha$, $\alpha\iota\alpha$) в эпитафиях та же, что и функция $\gamma\theta\acute{\omega}\nu$, $\kappa\acute{o}\nu\iota\varsigma$, $\tau\acute{\upsilon}\mu\beta\omicron\varsigma$, $\sigma\eta\mu\alpha$, $\tau\acute{\alpha}\varphi\omicron\varsigma$, $\eta\rho\acute{\iota}\omicron\nu$, $\sigma\omicron\rho\acute{o}\varsigma$, $\sigma\eta\kappa\acute{o}\varsigma$, $\sigma\tau\acute{\eta}\lambda\eta$, $\lambda\acute{\iota}\theta\omicron\varsigma$. При $\gamma\eta$, как и при перечисленных словах, употребляются одни и те же глаголы — $\delta\acute{\epsilon}\chi\omicron\mu\alpha\iota$, $\kappa\alpha\lambda\acute{\upsilon}\pi\tau\omega$, $\xi\gamma\omega$, $\kappa\epsilon\acute{\upsilon}\theta\omega$ (все — со своими производными), $\chi\rho\alpha\tau\acute{\epsilon}\omega$, $\chi\rho\acute{\upsilon}\pi\tau\omega$ (№ 29, 47, 522, 589, 894 и др.; 320, 487, 492, 502, 524, 1164, 2001 и др.; 29, 493, 494, 533, 534, 568, 584, 788, 794 и т. д.). Все это очень далеко от предполагаемого Ж. Каррьером значения «уходить из жизни», которое он приписывает сочетанию $\varphi\epsilon\upsilon\gamma\omega\ \epsilon\kappa\ \gamma\eta\varsigma$. В кричащем противоречии с таким ошибочным толкованием находится, как легко убедиться при чтении эпитафий, употребление множественного числа. Среди дошедших до нас довольно многочисленных надгробных надписей, составленных от имени умершего, последний никогда не говорит о себе во множественном числе (926—1170, 1186—1383, 1702—1726, 1848—1880).⁶

В феогиновском сборнике не раз идет речь о бедах, постигающих изгнанника, — у него нет верного друга и товарища (209—210=332a—332b; в сущности о том же, но с другой точки зрения — 333—334), он живет в стесненных обстоятельствах (511—522), его не покидает тоска по родине (783—788). Как известно, состояние человека, лишенного родины ($\acute{\alpha}\pi\omicron\lambda\iota\varsigma$), было во все времена незавидным.

Тебе, хочет сказать поэт, все это непонятно, твои беды иного рода, мы от них избавлены: $\acute{\alpha}\rho\gamma\alpha\lambda\acute{\epsilon}\eta\ \delta'\ \omicron\upsilon\kappa\ \acute{\epsilon}\pi\iota\ \delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\sigma\acute{\upsilon}\nu\eta$ (1214) — «над нами не тяготеет мучительное рабство». Эти слова, как и следующие за ними — $\omicron\delta\delta'\ \eta\mu\acute{\alpha}\varsigma\ \pi\epsilon\rho\nu\acute{\alpha}\varsigma\iota$ (1215), убеждают в том, что Аргирида — рабыня в буквальном смысле слова, ее продают, могут продать. Собеседник в каждом из трех двустийший напоминает ей о ее социальном положении и о том, что она видит вокруг

³ Griechische Vers-Inschriften / Hrsg. von W. Peek. Berlin, 1955. Bd I (Grab-Epigramme) (далее: GVI (Peek)).

себя людей, хотя и изгнанных из родной земли и терпящих много бед, но стоящих на социальной лестнице неизмеримо выше ее.

πόλις γε μέν ἐστὶ καὶ ἡμῖν
καλὴ Ληθαίῳ κεκλιμένη πεδίῳ (1215—1216).

Начальные слова выписанного предложения подтверждают правильность предположения о том, что острое насмешки над родителями высокородного изгнанника было направлено на его нынешнее положение изгнанника, не имеющего своего полиса; таковыми были и все те, кого он объединяет в словах «мы», «у нас» и т. д. О каком полисе (а полис связывался для греков с обладанием гражданскими правами) идет речь в стихах? Странно звучит в устах изгнанника (φεύγομεν) заявление о том, что у него и его товарищей, терпящих много бед, есть полис. Родину, из которой они изгнаны, они иметь не могут. Если же видеть в заявлении поэта намек на то, что изгнанники получили новую родину в результате включения их в состав граждан некоего полиса, то получается, что они уже, мол, не изгнанники и что «многие беды», о которых красноречиво говорят и другие стихи сборника, были (по крайней мере отчасти) уже в прошлом, а между тем упоминание о них делается в настоящем времени (1213, 1214).

Что это за полис, расположенный (κεκλιμένη — довольно обычно о географическом расположении) на Летейской равнине? Комментаторы вспоминают о трех реках, носивших в древности название Ληθαῖος: 1) река в Фессалии, на недалеком расстоянии от Пенея; 2) небольшая речка на Крите, на которой находилась Гортина; 3) речка в Кари, впадавшая в Меандр неподалеку от Магнезии.⁴

Отмеченная выше несообразность, однако, заставила некоторых комментаторов обратить свои мысли не к реальной географической карте,⁵ а в другую сторону. Было

⁴ Stählin; Büchner. Ληθαῖος//RE. Bd 12. Sp. 2139—2140. Прямо выразил сомнение в возможности географической локализации феогидаевской Летейской равнины Гарсиа (Garzya. P. 278).

⁵ Оставляем в стороне произвольную конъектуру Брунка (Brunck), исправившего рукописное чтение πεδίῳ на ποταμῷ (см.: Diehl, app. crit.). Трудно признать основательным отнесение названия «Летейская равнина» к местности у Лебадеи в Беотии (см.: Passow. S. v. ληθαίων πεδίων; Scherling. ληθαῖος//RE. Bd 12. Sp. 2144). Павсаний (IX, 39, 8) говорит, что вопрошавшие оракул Трофония в Лебадее

высказано мнение, что в словах поэта кроется намек на забвение, лекарство от скорби.⁶

Более конкретны замечания другого комментатора: уже морфологическая структура прилагательного *ληθαῖος* исключает возможность связать его с названием реки *Ληθαῖος* — прилагательное от последнего должно иметь форму *Ληθαίειος*; *ληθαῖος* может быть образовано только от *Λήθη*.⁷ Греки обозначали (и в прозе и в стихах) равнину при какой-либо реке двумя способами: со словом *πεδίον* соединяли либо название реки в родительном падеже, либо образованное от названия реки прилагательное. Именно: *Καῦστρου πεδίον* (Strab. X, 5, 19; XIII, 4, 7; XV, 1, 16), *Καυστριανόν πεδίον* (Strab. XIII, 4, 5), *Καῦστριον πεδίον* (Strab. XIII, 3, 2), *Μαϊάνδρου πεδίον* (Hdt. I, 18, 161; II, 10; Thuc. VIII, 58, 1; Xenoph. Hell. III, 2, 17; IV, 8, 17; Strab. XII, 8, 15; XIV, 1, 42; XV, 1, 16); *Μαϊάνδριον πεδίον* (Dionys. Perieg. 837);⁸ ср.: *πεδίον Φλέγγας* (Pind. Nem. I, 101), *Φλεγγαῖον πεδίον* (Eurip. Herc. fur. 1194; Diod. IV, 21; 5; V, 71, 4), где речь идет не о реке, а о местности.

Итак, *Ληθαῖον πεδίον* = *Λήθης πεδίον*. Какие представления вызывало у древнего грека это последнее выражение? Толстые словари прямо указывают нам нужные места из авторов (этими местами воспользовался Каррьер для своей бесспорно правильной интерпретации употребленного Феогнидом выражения, что, разумеется, не гарантирует правильности сделанного им вывода о голосе поэта из загробного мира). В «Лягушках» Аристофана перевозчик подземного царства Харон зазывает пассажиров в свой челн: «Кто в места отдохновения от бед и забот? Кто в долину Леты — *Λήθης πεδίον*, или в сплетение ужасов, или к керберийцам, или к воронам, или в Тартар?» (185—187). Платон в «Государстве» говорит о душах, что они отправляются в долину Леты (*Λήθης πεδίον* — X, 621a). В «Римской истории» Дионисия Галикарнасского Вету-

пили воду из двух источников — Леты и Мнемосины. Отсюда незаконмерно делать вывод о существовании равнины, которая называлась по имени первого источника и могла считаться равниной, на которой лежал город Фивы (я на этом основании присоединять к разбираемому стихотворению стихи 1209—1210, где говорится об одном фиванце, как это делает в своем издании Янг).

⁶ Theognidis reliquiae / Ed. Fr. Th. Welcker. Francofurti ad Moenum, 1826. P. 135.

⁷ Carrière. P. 133.

⁸ Dionysius. Periegesis, 837 // Geographi Graeci minores / Ed. C. Müller. Parisiis, 1861. Vol. II. P. 155; Paraphrasis // Ibid. P. 420.

рия, мать Кориолана, выражает надежду, что ее душу после смерти примет не лишенное света место и не так называемая долина Леты — τὸ λεγόμενον τῆς Λήθης πεδῖον, а высокий и чистый эфир (Ant. Rom. VIII, 52). Равнина Леты — безрадостное обиталище в подземном царстве.

Феогнид говорит о расположенном на равнине Леты полисе. Это вызвано, конечно, тем, что поэт и его друзья — изгнанники, у них на земле нет своего полиса. Поэтому он не без иронии утешает себя и их: у них есть свой полис в равнине Леты.

В греческой поэзии упоминаются Λήθης δόμοι,⁹ Λήθης χῶρος,¹⁰ Λήθης θάλαμοι.¹¹ Если есть дома Леты, местность Леты, чертоги Леты, то в определенном контексте не может удивить и город на равнине Леты.

Стихи приправлены горькой иронией: у нас остается только полис на берегах Леты, где мы будем полноправными гражданами. Сочетание частиц γέ μιν, как известно, может иметь разное значение. В нашем месте подходящим считается поступательный или слегка противительный смысл: «а полис есть и у нас».¹² Однако можно найти и такие примеры употребления этого сочетания, в которых присутствует ирония. Предположительно иронический оттенок имеет (в одной своей части) заявление Геродота о том, что он обязан рассказывать то, что говорят, но уж верить всему не обязан — πεῖθεσθαι γέ μιν οὐ παντάπασι ὀφείλω (VII, 152). Сильнее выражена у Геродота ирония в новелле о свадьбе Агаристы: отец невесты, сикионский тиран Клисфен, возмущенный поведением одного из женихов — Гиппоклида, облек свой отказ в ироническую форму — «протанцевал ты свою свадьбу» (ἀπαρχήσας γέ μιν τὸν γάμον — VI, 129).

Прежде чем резюмировать все изложенное, следует несколько задержаться на последних стихах. От них веет безнадежностью, крайним пессимизмом: нас ждет прекрасный (χαλή — в этом слове мрачный юмор) полис в долине Леты. Пессимистический тон стихов не может удивить читателей феогнидовского сборника. Многие стихи поэта, посвященные политическим и социальным

⁹ Simonides, N 184, v. 6 // *Bergk Th. Poetae lyrici Graeci*. Lipsiae, 1882. Vol. III⁴. P. 512.

¹⁰ *Tragicorum graecorum fragmenta* / Ed. Aug. Nauck. Lipsiae, 1889². P. 909. N 372 (adespoton).

¹¹ GVI (Peek). N 1052.

¹² *Denniston J. D. The greek particles*. Oxford, 1959². P. 387.

вопросам и отношениям, носят на себе отпечаток крайнего пессимизма (39—52, 53—68, 183—192, 193—196, 227—232, 289—292, 523—524, 541—542, 575—576, 603—604, 649—652, 667—682, 1103—1104 и др.). Знаменательны стихи, в которых поэт констатирует бесплодность всех своих усилий (951—954). Заключительные строки нашего стихотворения хорошо согласуются с серией перечисленных стихов Феогида.

Остается в качестве резюме представить общую структуру разобранного стихотворения (с той долей гипотетичности, какая естественна для подобного рода интерпретаций). Стихотворение предполагает обстановку, в которой могли бы встретиться несколько знатных изгнанников и женщина рабского состояния. Эта обстановка не сглаживает, разумеется, социального неравенства, но все же создает известную свободу в обращении. Так могло быть на пирушке.¹³ Аргирида могла бы присутствовать в качестве флейтистки (о флейтистах-мужчинах в феогидовском сборнике — ст. 533, 825, 975, 1041, 1065), или гетеры, или в обеих этих ролях.¹⁴ Для такого заключения достаточное основание дают нам как литературные свидетельства, так и вазовая живопись. Потому ли, что до нее дошла очередь сказать свое слово, или просто в виде личного выпада Аргирида помянула недобрым словом родителей поэта. Поводом для насмешливого замечания Аргириды мог послужить сколий с упоминанием о знатном происхождении пирующих; образчик такого сколия имеется в «Афинской Политии» Аристотеля (19, 3), он сочинен в VI в. в среде политических изгнанников. Слова женщины больно задела поэта именно потому, что, должно быть, имели отношение к его положению изгнанника. Он отвечает ударом на удар — не ей, рабыне, судить о нем и о его родителях. Дальше речь продолжает быть обращенной к Аргириде (γύναι — ст. 1213), но по существу имеет в виду других слушателей (товарищей по изгнанию): «да, у нас множество бед, так как мы лишились отечества и не имеем своего полиса, но наши горести — горести свободных людей, которым не грозит продажа, — недоступны пониманию этой женщины».

¹³ Wendorff F. Ex usu convivali Theognideam syllogen fluxisse demonstratur (diss.). Berolini, 1922. P. 47; Garzya. P. 277.

¹⁴ См.: Hug. Symposion // RE 2. R. Bd 7. Sp. 1268; Mau. Comissatio // RE. Bd IV. Sp. 616; Schneider K. Hetairai // RE. Bd 8. Sp. 1341.

Для пирующих изгнанников, возлежащих за тем же столом, предназначен и конец стихотворения: поэт, во власти печальных мыслей, не желая создавать себе и друзьям каких-либо иллюзий, без всяких обиняков признает, что только смерть избавит их от изгнания и даст им возможность обрести гражданство в полисе, лежащем в потустороннем мире.

ГЛАВА III.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ФЕОГНИДА И ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ

Наследственная вина по Солону, Феогниду, Эсхилу ^а

Начнем с рассмотрения стихов Солона (Solo № 1 Diehl, 31—32):

ἀναίτιοι ἔργα τίνουσιν
ἦ παῖδες τούτων ἦ γέ<ν>ος ἔξ' οπίσω.

Эрст Диль в критическом аппарате своего издания приводит одно более или менее существенное (хотя бы в смысле стиля) разночтение. Рукописное чтение, как его дает Стобей (Floril. IX, 25), — ἀναίτιοι. Виттенбах предлагал читать: ἀναίτια τ', а Готфрид Германн — ἀναίτια δ'. Само собой разумеется, ἀναίτια следует относить к ἔργα, т. е. получается в конечном счете тот же смысл, какой дает рукописное чтение: ἀναίτια ἔργα = ἔργα ὧν ἀναίτιοι εἰσι.¹ Оставим открытым вопрос, насколько оправдано исправление, при котором все-таки ἀναίτια является определением к ἔργα.

Разбираемый стих входит в контекст, представляющий собой теодицею. Богатство, даваемое богами, остается прочным, а добываемое людьми с помощью наглости (ὄβρις) «не идет порядочным образом, оно неохотно следует (за человеком), повинувась несправедливым деяниям» — οὐ κατὰ νόμον | ἔρχεται, ἀλλ' ἀδίκῳ ἔργμασι πειθόμενος | οὐκ

¹ Именно так объясняет выражение ἀναίτια ἔργα принимающий эту поправку В. Тейффель; см.: Teuffel W. Zu den griechischen Elegikern // Philologus. 1852. Jg. 7. S. 588. При обсуждении статьи Я. М. Боровский высказал основательное мнение, что взглядам Солона более соответствует чтение ἀναίτια, нежели резкое ἀναίτιοι.

ἐθέλων ἔπεται (11—12). Скоро примешивается «ата», несчастье — ταχέως δ' ἀναμίγεται ἄτῃ (13); сначала оно слабое, потом становится мощным. Возмездие, наказание — τίσις, идущее от Зевса, сравнивается с внезапно налетевшим весенним вихрем, который, взволновав пучины моря, производя опустошения на земле, удаляется на небо, место пребывания богов, оставляя за собой ясную погоду — сияет солнце, туч больше нет (17—24).

Зевс не на всякого гневается, как это свойственно смертным людям (25—26). Однако от него не укроется тот, у кого преступный дух — ὅστις ἀλτὶρὸν | θυμὸν ἔχῃ (27—28). Кара может последовать сразу, но может и позднее — ἀλλ' ὁ μὲν ἀφ' αὐτῆς ἔσται, ὁ δ' ὕστερον (29). Может статься, что сами виновные избегают наказания, их не постигнет кара богов — οἱ δὲ φύγωσιν | αὐτοί, μὴδὲ θεῶν μοῖρ' ἐπιῶσα κίχῃ (29—30). Но и в этом случае она придет — ἤλυθε πάντως αὐτίς (31), и дальше — выписанные в начале слова: «безвинные, платятся за дела либо их дети, либо позднейшие потомки».²

Сознание единства рода, его коллективной ответственности в достаточной степени объясняет возникновение и существование представлений о наследственной вине. Если оставить в стороне общеизвестные библейские воззрения и ограничиться греческими преданиями, то и здесь мы найдем яркие отражения веры в наследственную передачу вины.

Живучесть этой веры можно показать на материале V в. до н. э. Геродот (V, 70—71) рассказывает о попытке Килона и его товарищей захватить акрополь с целью установления тирании. После провала этой попытки и бегства Килона участники его заговора были коварным образом перебиты Алкмеонидами. Мятеж Килона произошел около 640 г. до н. э. Тирания пала в Афинах в 510 г., а в одном из ближайших к этому годов спартанцы во главе с Клеоменом совершили поход в Аттику. Больше 130 лет прошло с тех пор, как Алкмеониды убили сторонников Килона. Между тем Клеомен потребовал изгнания виновников рас-

² Прямой смысл слов Солона не вызывает никаких сомнений (ἀναίτιος — тот, на ком не лежит αἰτία — вина). См., например: *Wilamowitz-Moellendorff U. von. Sappho und Simonides*. Berlin, 1913. S. 264 («schuldlose Kinder»); *Linforth J. M. Solon the Athenian*. Berkeley, 1919. P. 165; *Jaeger W. Paideia I^a*. Berlin; Leipzig, 1936. S. 198; *Franyó Z. Frühgriechische Lyriker*. Berlin, 1971 (перевод: «unschuldige Kinder»).

правы, т. е. уже не их, а их потомков. Геродот поясняет, что имелся в виду Клисфен и многие другие афиняне, которые считались запятнанными — ἐναγεῖς. Вина лежала на Алкмеонидах и их политических единомышленниках — οἱ μὲν γὰρ Ἀλκμεωνίδαι καὶ οἱ συστάς· αὐτῶν, εἶχον αἰτίην τοῦ φόνου τούτου. Здесь прошедшее время εἶχον, скорее всего, относится к потомкам, современникам Клеомена, но могло бы возникнуть и подозрение, что имелись в виду предки, которые имели αἰτίη, следовательно, были αἵτιοι, а потомки, хотя и можно было бы требовать их изгнания (т. е. наказания), все-таки не названы αἵτιοι. Однако это не так: в конце своего рассказа Геродот употребляет уже настоящее время — φονεῖσθαι δὲ αὐτοὺς αἰτίη ἔχει Ἀλκμεωνίδας. Геродот, несомненно, думает об Алкмеонидах своего времени, на которых перешла вина предков — они αἵτιοι именно в силу преступного деяния предков.

Из Фукидида мы узнаем, что о преступлении против религии предков Перикла вспомнили спартанцы перед началом Пелопоннесской войны, когда они потребовали от афинян изгнания «скверны» — οἱ Λακεδαιμόνιοι ἐκέλευον τοὺς Ἀθηναίους τὸ ἄγος ἐλαύνειν τῆς θεοῦ (Thuc. I, 126, 2). Виновные в убийстве, по сообщению Фукидида, и их род назывались запятнанными и преступными перед богиней — ἐναγεῖς καὶ ἀλιτῆριοι τῆς θεοῦ ἐκεῖνοί τε ἐκαλοῦντο καὶ τὸ γένος τὸ ἀπ' ἐκείνων (I, 126, 11). По существу Фукидид удостоверяет то же, что и Геродот. Род Алкмеонидов еще во второй половине V в., т. е. спустя два столетия после выступления Килона и избияния его сторонников, которых Алкмеониды обманном путем выманили из святилища, не останавливаясь даже перед убийством у алтарей «почтенных богинь», считался оскверненным и виновным перед богами.

Геродот два раза употребляет слово αἰτίη, с которым естественно сопоставить солоновское ἀναίτιοι.

В целом Солон твердо стоит на почве традиции. Преступное деяние не остается безнаказанным. Божество преследует виновного. Если же последний и избежит кары, то наказание не минует его детей или потомков. Это традиционный взгляд,³ отразившийся и в греческой трагедии. И все же в одном отношении поэт VII—VI вв. отклоняется

³ О каре, постигающей потомков человека, давшего ложную клятву: Hesiod. OD 288 sqq.; Hdt. VI. 86 (ответ пифии спартанцу Главку). См.: Weiss E. Griechisches Privatrecht. Leipzig, 1923. Bd I. S. 196.

от унаследованных воззрений. Еще во второй половине V в. Алкмеониды, потомки тех, кто совершил преступление против религии, имеют αἰτίη (вину), т. е. они αἰτίοι. Солон же прямо называет потомков преступного человека, на головы которых обрушивается гнев богов, ἀναίτιοι, т. е. не имеющими вины. Нет ли в этой непоследовательности протеста против действий божества? Прямого ответа на такие вопросы мы у Солона не получим. Все же ясно, что всякое предположение о протесте должно отпасть. Не только в разбираемых стихах, но вообще в своем поэтическом творчестве Солон не выступает как борец против божественного управления миром. Религиозные и нравственные воззрения поэта не позволяя ему идти по этому пути.⁴ Не только элегия, начинающаяся с обращения к Музам, у которых Солон просит для себя тех благ, которыми он особенно дорожит (№ 1, 1—8), но и другие его произведения проникнуты верой в могущество и доброжелательность богов. Элегия, которую принято называть «Благозаконие» (Εὐνομίη), говорит о покровительстве афинскому государству со стороны Паллады Афины и других богов, благодаря чему государству обеспечена безопасность: по воле богов оно не погибнет; губят государство сами граждане, действующие под влиянием корыстолюбия и наглости (№ 3). В элегии, обращенной к кипрскому царю Филокипру, упоминается Киприда, от которой поэт ждет дарования себе благополучного плавания, а городу Филокипра — милости и славы (№ 7). Беды, претерпеваемые согражданами (Солон думает, видимо, о захвате власти Писистратом и его сторонниками), не следует считать ниспосланными свыше, они вызваны собственной порочностью граждан (№ 8). Ямбы со ссылкой на свидетельство Черной Земли, Геи, «величайшей Матери олимпийских

⁴ О воззрениях Солона, его вере в божественное управление миром, его взглядах на богов как охранителей нравственной гармонии и государственного порядка см.: *Wilamowitz-Moellendorf U. Op. cit.*; *Reinhardt K. Solons Elegie εις εαυτόν* // *RhM. N. F.* 1916. Bd 71. S. 134; *Ziegler K. Solon als Mensch und Dichter* // *Neue Jahrbücher für d. klassische Altertum.* 1922. Bd I. S. 200; *Jaeger W. Solons Eunomie* // *Sitzungsber. d. Preuss. Akad. d. Wiss., Philosoph.-hist. Kl.* 1926. S. 69 ff.; *Pfeiffer R. Gottheit und Individuum in der frühgriechischen Lyrik* // *Philologus.* 1929. Bd LXXXIV (N. F. XXXVIII). S. 146 f.; *Jaeger W. Paideia I².* S. 197. О традиционности взглядов Солона см.: *Croiset M. La morale et la cité dans les poésies de Solon* // *Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptes Rendus.* 1903. P. 581 suiv.

ожеств», вносят еще один штрих в образ поэта, почита-
еля богов (№ 24).

На фоне поэзии Солона, на фоне его религиозного со-
нания резким диссонансом звучит слово *ἀναίτιος*, по суще-
ству противоречащее вере в справедливость божествен-
ного возмездия. Солон уверен, что в нравственном мире
арит гармония, на стороне которой стоят боги. Наруше-
ние нравственного равновесия людьми влечет за собой
озмездие — не обязательно выпадающее на долю самого
нарушителя, иногда настигающее его потомство, которое
точки зрения обычных представлений разделяет вину
предка, с точки зрения Солона — неповинно.

Возникают два вопроса: 1) почему Солон, оставаясь
целом на почве традиционных воззрений, позволил себе
ометить, что боги могут покарать ни в чем не повинное
потомство преступника; 2) зачем ему было замечать от-
сутствие вины у караемых потомков преступника, если
н не умел и не хотел сделать из своего наблюдения вы-
оды, с нашей точки зрения, естественные.

На первый вопрос помогает нам ответить весь дух за-
онодательства Солона. Вот какую догадку мы, кажется,
ожем себе позволить. В своей законодательной деятель-
ости Солон был новатором: его законы разрушали старые
ормы, которыми поддерживалась коллективная ответ-
твенность семьи и рода. На это были направлены свобода
авещаний, создание судебных *γραφαί*, означавшее изъ-
тие в пользу государственного суда тех дел, которые на-
одились в ведении семьи. Сын наследовал обязательства
тца в области гражданского права, но в уголовном по-
рядке отвечал только за себя.⁵ Вина отца на сына не пере-
одит в противоположность положению, существовавшему
о Солона, когда жены и дети неоплатного должника по-
адавали вместе с ним в рабство. Освобождая личность от
частия в коллективной ответственности семьи, Солон
е мог не заметить, что ответственность потомков за про-
инности предка не делала их виновными.

Почему же в таком случае он все-таки сказал о неповин-
ости наказанных потомков, если он далек от протеста про-
тив традиционных воззрений?

⁵ О законодательстве Солона см., например: *Glötz G. La soli-
arité de la famille dans le droit criminel en Grèce. Paris, 1904, pas-
im, особенно с. 32* (направленность против старых «солидарностей»
является бесспорным доказательством подлинности солоновского

Потомки платятся за вину предка. Такова воля богов, перед которой склоняется Солон. Он констатирует положение вещей, не решаясь сделать вывод, с нашей точки зрения, вполне логичный. Если вспомнить, что в элегиях Солона мы встречаем мысль о порочности людей как о причине их бедствий и о неправомерности обвинять в этих бедствиях волю богов, то и здесь мы вправе приложить тот же критерий к интерпретации интересующего нас места. Да, такова воля богов — ни в чем не повинные потомки должны понести кару. В обсуждение воли богов поэт не входит, он просто констатирует факт. Ответственность, с его точки зрения, падает на преступного предка. Таким образом, наказание неповинных потомков усугубляет вину преступного предка, слово ἀναίτιοι — лишнее обвинение против него — и только.

На долю другого поэта и политического деятеля, жившего и творившего спустя несколько десятилетий после Солона, выпала задача: разделяя позиции великого афинянина, осмыслить наказание неповинных потомков иным образом.

Для Феогнида, как и для Солона, бесспорным фактом является наказание потомков за вину предков. Подобно Солону Феогнид не признает виновными самих потомков. В дальнейшем расхождение. Солон склоняется перед волей божества и направляет свой укор против преступного предка, из-за которого страдают потомки. Феогнид смотрит на дело иначе. Он не боится выступить вообще с критикой действий богов. Очень характерно для него стихотворение (373—392), в котором он обращается к Зевсу, властвующему над всеми, получающему почести, обладающему великим могуществом, знающему «ум и характер» — νόον καὶ θυμόν (375) каждого, с недоуменным вопросом — «как, Кронид, твой ум решается содержать в одной и той же доле преступных мужей и мужа справедливого?» (377—378):

πῶς δὲ σευ, Κρονίδη, τολμᾷ νέος ἄνδρας ἀλιτρούς
ἐν ταύτῃ μοίρῃ τόν τε δίκαιον εἶεν.

Тема эта развивается дальше. Центральными, пожалуй, являются стихи, в которых наиболее конкретно выражена мысль поэта: люди несправедливые постоянно имеют богатство, не омраченное горестями, а чуждым дурных дел, любящим справедливое, выпадает бедность (383—385).

Перед нами безусловный протест, пусть выраженный в форме вопроса. Поэт явно обвиняет Зевса в несправедливости. Правда, в ряде других стихов Феогнид проявляет нечто вроде смирения перед божественной волей, но нигде нет мысли о справедливости божества. Человеку полагается принимать то, что дают боги, ввиду невозможности что-либо изменить. Эта мысль яснее всего выражена в четверостишии 591—594 на тему *Aequam mentem rebus in arduis servare mentem etc.*⁶ Следует решиться легко переносить то, что даруют боги смертным (591—592):

Τολμᾶν χρεΐ, τὰ δίδουσι θεοὶ θνητοῖσι βροτοῖσιν,
ῥῆιδίως δὲ φέρειν.

В другом месте говорится о невозможности для смертных бороться против бессмертных или судиться с ними (687—688). В одном четверостишии Феогнид констатирует, что боги многим недостойным людям дают прочное счастье (богатство) — ὄλβον ἐσθλόν; утешение поэт находит в том, что великая слава доблести никогда не гибнет, так как боец спасает землю и город (865—868). Наконец, в одном четверостишии сказано о неспособности человека избежать бед, посылаемых богами (1187—1190).

Нигде нет оттенка теодицеи. В перечисленных стихотворениях доминирует уверенность поэта в бесполезности сопротивления воле богов. Везде речь идет об их могуществе и нигде — о справедливости. В стихотворении с обращением к Зевсу (373—392) открыто ставится под сомнение справедливость божества.

После всего этого отнюдь не покажется неожиданной позиция Феогнида в вопросе о каре потомкам за проступки предков. Этой проблеме посвящено одно из его стихотворений (731—752). Он не скрывает своего отрицательного отношения к действиям Зевса (к нему обращено стихотворение Ζεῦ πάτερ — 731) и других богов (741). Феогнид высказывает пожелание, чтобы сам преступный человек терпел беды за свои проступки и чтобы наглые поступки отца не оборачивались бедой для его детей (735—736):

αὐτὸν ἔπειτα πάλιν τεῖσσι κακὰ μῆδ' ἔτ' ὀπίσσω
πατρὸς ἀτασθαλίας παισὶ γένοιντο κακόν.

Далее говорится, что хорошо было бы, если бы блаженным богам было угодно, чтобы дети несправедливого отца,

преисполненные справедливых мыслей и соответствующим образом поступающие, боящиеся гнева Зевса, с самого начала возлюбившие справедливость в своих отношениях с гражданами, не страдали за преступления отцов (737—740).

Действительность не отвечает идеалу поэта. Наблюдается иное — тот, кто совершает проступки, избегает наказания, а другой впоследствии терпит беду (741—742):

νῦν δ' ὁ μὲν ἔρδων
ἐκφεύγει, τὸ κακὸν δ' ἄλλος ἔπειτα φέρει.

Богам, оказывается, угодно не то, чего желал бы поэт и чего требует справедливость. Дальше неприкрыто и вполне определенно ставится в форме прямого обращения к отцу бессмертных вопрос: справедливо ли это — πῶς ἐστὶ δίκαιον (743), чтобы человек, свободный от несправедливых дел — ἐργῶν... ἐκτὸς ἐὼν ἀδίκων (744), не допускающий нарушений и лукавой клятвы, справедливый — δίκαιος ἐὼν, не испытывал того, что полагается по справедливости — μὴ τὰ δίκαια πάθῃ (746).

В сущности, поэт, признавая факт возмездия потомкам за деяния предков, предъявляет богам обвинение в несправедливости. Поэтому вполне естественны последние шесть стихов, которые звучат почти угрозой. «Глядя на него (т. е. на терпящего беды справедливого), какой другой смертный будет после этого бояться бессмертных и какие у него будут чувства (τίνα θυμὸν ἔχων), когда несправедливый и беззаконный муж, не остерегающийся ни гнева человека, ни гнева кого-либо из богов, ведет себя нагло, пресытившись богатством, а справедливые мучаются, удручаемые тяжкой бедностью?» (747—752).

Итак, одни и те же предпосылки служат для Феогида основанием сделать выводы, перед которыми остановился Солон, также не признававший перехода вины от предков к потомкам, но опасавшийся сделать вывод о несправедливости богов.

Резюмируем. Солон — устроитель Афинского государства, устранивший основные язвы социальной и политической жизни своего отечества, уверенный в правоте своего дела и в покровительстве божественного провидения, хотя некоторые его раздумья (ἀναίτιοι) могли, казалось бы, стать исходной точкой для пересмотра его мировоззрения в скептическом направлении. Феогид, восставший против уста-

повившихся социальных и политических порядков, отчаявшийся в возможности получить помощь божественных сил, не видит справедливости в действиях богов, но в то же время с огорчением приходит к выводу о бесполезности борьбы человека с несправедливостью, исходящей от богов.

Разная социально-политическая обстановка, при которой жили и действовали афинский и мегарский поэты, разные идеалы, которыми они руководствовались, не говоря уже о разнице темпераментов, дают ключ к пониманию разного их отношения к одному и тому же явлению, которое они наблюдали в реальной жизни. Кара за поступки предков падает на голову неповинных потомков — это считают бесспорным и Солон, и Феогнид, но первый не ставит вопроса о справедливости такого порядка, второй, пессимист, переживший крушение своих идеалов, без всяких обиняков говорит о несправедливости богов.

Однако то общее, что объединяет точки зрения Солона и Феогнида, — констатирование наказания невиновных — ничуть не препятствовало сохранению в народных массах верований, унаследованных от предыдущих веков. В сущности, против этих верований не восставал и Феогнид. Его протест был обращен не против верований, а против действий божественных сил. Боги поступают несправедливо, но это не значит, что люди должны отрицать проявление их воли. Было бы удивительно, если бы такое мнение осталось без возражения. Возражение это возникло не в той среде, которая была носителем традиционных воззрений и не задавалась вопросом о справедливости богов, власть которых признавалась бесспорной и не подлежащей критике.

Для нас представителем этого нового течения является Эсхил, нашедший путь к оправданию божества, которое направляет свой гнев против, казалось бы, невиновных потомков виновного человека. Высказывание Эсхила представляет собой подлинную теодицею. Хор в «Агамемноне» вспоминает древнее речение, согласно которому, великое счастье человека не остается бездетным, т. е., следует понимать, не остается без последствий (750—752):

παλαίφατος δ' ἐν βροτοῖς γέρων λόγος
τέτυχται, μέγαν τελευθέντα φωτός ὄλβον
τεκνοῦσθαι, μηδ' ἄπαιδα θνήσκειν.

В следующих стихах — конкретизация: из хорошей судьбы (=из благоденствия) вырастает для рода (потомства) ненасытная горе (753—754):

ἐκ δ' ἀγαθᾶς τύχας γένει
βλαστάνειν ἀχόρεστον οἰζύν.

В этом древнем речении выражено собственно верование в «зависть богов» — φθόνος θεῶν. За великое счастье приходится расплачиваться. Обращает на себя внимание слово γένει! — горе вырастает для рода, т. е. не всегда расплачивается сам обладатель счастья, сам виновник произошедших из его удачливости несчастий.

Поэт (устами хора) в самой категорической форме выражает свое несогласие с общепринятым мнением: «расходясь с другими, я придерживаюсь особого мнения» — δίχα δ' ἄλλων μονόφρων εἰμί (757). Дальше развивается мысль, что нечестивое дело впоследствии порождает другое, еще большее, похожее на себя, а судьба справедливых домов — всегда иметь прекрасных детей. Антитеза продолжается и дальше. Наше внимание в связи с разбираемым вопросом приковывают к себе следующие стихи (764—766):

φιλεῖ δὲ τίχτειν ὕβρις μὲν παλαιὰ νεά-
ζουσιν ἐν καχοῖς βροτῶν ὕβριν
τότ' ἢ τότ' εὖτ' ἂν τὸ κύριον μολῇ

(«Обычно старая наглость порождает среди бед людей новую наглость, рано или поздно, когда наступит подходящее время»).

Эти стихи бросают свет на весь ход мыслей Эсхила.⁶

⁶ Непосредственное толкование стихов Эсхила дается здесь в полном согласии с обычной интерпретацией. См., например: *Nagelsbach C. F.* De religionibus Orestiam Aeschyli continentibus. Erlangea, 1843. P. 19; *Dronke G.* Die religiösen und sittlichen Vorstellungen des Aeschylos und Sophokles // *Jahrbücher für classische Philologie. S. a. Suppl. Bd IV. H. 1.* S. 44 ff.; *Buchholz E.* Die sittliche Weltanschauung des Pindars und Aeschylos. Leipzig, 1869. S. 182 ff.; *Aeschylos' Agamemnon* / Hrsg. v. Gilbert. Leipzig, 1874. Ad loc.; *Schmidt L.* Die Ethik der alten Griechen. Berlin, 1882. Bd 1. S. 139; *Günther G.* Grundzüge der tragischen Kunst, aus dem Drama der Griechen entwickelt. Leipzig; Berlin, 1885. S. 116 ff.; *Girard J.* Le sentiment religieux en Grèce d'Homère à Eschyle. Paris, 1887. P. 434 suiv.; *Эсхил. Агамемнон* / Пер. С. Шестакова // Учен. зап. Казанск. ун-та. 1890. Т. LVII. Кн. 6. С. 48, 51 сл., 60; *Richter P.* Zur Dramaturgie des Aeschylus. Leipzig, 1892. S. 156 f.; *Wilamowitz-Moellendorf U. von.* Aeschylos' Interpretationen. Berlin, 1914. S. 196 f.;

Старая наглость — имеется в виду преступность предка, обладателя большого счастья. Она порождает то же свойство у потомков, которые отличаются еще большей наглостью, рано или поздно проявляющейся при подходящих условиях. Не само счастье человека вызывает кару, а та ὕβρις, которая бывает соединена со счастьем, удачливостью. Справедливому дому нечего опасаться печальных последствий. Они бывают там, где все началось с нечестивого деяния — δυσσεβες ἔργον. Потомки неправедно благодеяствующего человека терпят невзгоды не за прегрешения предка, а за то, что они сами в еще большей степени, чем их предок, являются носителями преступных свойств, которые они не замедляют проявить при благоприятных обстоятельствах.

Нам нет надобности строить догадки относительно того, является ли мысль, высказанная Эсхилом, основой его мировоззрения, или она возникла (или была привлечена) ad hoc в данном контексте и в дальнейшем ни к чему его самого не обязывала.⁷ Важно другое: кто-то (почему бы это не мог быть сам Эсхил?), задумавшись над карой потомков преступного предка, нашел оправдание этому явлению в том, что сами потомки в силу своего происхождения оказываются преступными не только потенциально, но и реально — их ὕβρις выходит наружу, когда внешняя обстановка, а это бывает рано или поздно, способствует выявлению их свойств. Значит, они караются не за вины предка, а за свои собственные.

Мы не знаем, оказали ли стихи Солона непосредственное влияние на Эсхила, держал ли он их постоянно в своем сознании, но судьба безвинно страдающих потомков не была для трагика чем-то безразличным. Свое решение недоуменного вопроса он выносит на сцену, громко заявляет о нем многочисленным зрителям, всему афинскому гражданству. Открыто выставляется опровержение старого верования.

Для Солона и Феогнида дети и потомки являются безвинными страдальцами, и эта истина вызывает у них две разные реакции. Эсхил отрицает истинность старинного

Murray G. Aeschylus. Oxford, 1940. P. 215; Aeschylus Agamemnon / Ed. by L. D. Denniston, D. Page. Oxford, 1957. P. 135; Япро В. Н. Эсхил. М., 1958. С. 148 сл.; Thomson G. The Oresteia of Aeschylus. Prague, 1966. Vol. II. P. 64.

⁷ Так думает П. Рихтер (*Richter P. Op. cit. S. 157 f.*).

представления и тем самым утверждает справедливость и закономерность наблюдаемых в жизни явлений.

Солоновское или отражающееся у Солона определение ἀναίτιοι стало исходной точкой для размышлений последующих поэтов, приведшей одного к восстанию против несправедливой воли богов, другого — к обоснованию веры в их справедливость.

Архилохов ρυθμός у Феогнида (591—594)^a

Τολμᾶν χρῆ, τὰ δίδουσι θεοὶ θνητοῖσι βροτοῖσιν,
ῥηϊδίως δὲ φέρειν ἀμφοτέρων τὸ λάχος,
μήτε κακοῖσιν ἀπάντα λίην φρένα, μήτ' ἀγαθοῖσιν
τερφθῆς ἐξαπίνης πρὶν τέλος ἄκρον ἰδεῖν.

Интерпретация каждого из двух двустушией, на которые распадается приведенное четверостишие Феогнида, не вызывает больших затруднений. Другое дело — вопрос о том, можно ли соединить вместе оба двустушия, т. е. рассматривать их как единое стихотворение, или следует видеть в них разные поэтические единицы, два отдельных двустушия. Чтобы разрешить этот вопрос, требуется разобрать смысл каждого из двустушией и после этого определить возможность или невозможность их соединения.

Первые два стиха: «Следует проявлять силу духа по отношению к тому, что дают смертным людям боги, и легко переносить ту и другую долю».

Структуру предложения объясняют по-разному. φέρειν предлагают рассматривать как infinitivus imperativus. Было также предложено подчинить infinitivus φέρειν глаголу τολμᾶν, так что получалась цепь: от χρῆ зависит τολμᾶν, от τολμᾶν зависит φέρειν. Наиболее приемлемым представляется объяснение, согласно которому φέρειν является параллелью к τολμᾶν — оба инфинитива зависят от χρῆ.

Чему следует грамматически подчинить τὰ δίδουσι θεοί? Глагол τολμᾶω употребляется у Феогнида и абсолютно, и с винительным падежом. Примеры абсолютного употребления (555): χρῆ τολμᾶν χαλεποῖσιν ἐν ἄλγεσι κείμενον ἄνδρα, а также ст. 319—320, которые будут приведены у нас ниже (с. 115) в более широком контексте. Здесь, кстати, мы уточняем и употребительное в феогнидовом сборнике значение глагола τολμᾶω — «иметь твердый дух» или «мужаться»: τόλμα, Κύρνε, κακοῖσιν (355), τόλμα, θυμέ, κακοῖσιν

(1029). Глагол *τολμάω* с винительным падежом в других местах у Феогида не встречается, но такая конструкция в греческом языке отнюдь не является невозможной — как в прозе, так и в поэзии. Так, в *Одиссее* (VIII, 519—520): *κεῖθι δὲ αἰνότατον πόλεμον φάτο τολμήσαντα | νικήσαι*. У Фукидида встречаем: *τολμᾶν τὰ βέλτεστα* (III, 56, 5); *ἐπὶ τοῖς . . . τι τολμήσας* (IV, 98, 6). Слова Хрисофемиды у Софокла (*Электра*, 471) звучат: *δοκῶ με πείραν τολμήσειν ἔτι*, а у Аристофана в *«Богатстве»* (419) читаем: *τολμήμα γὰρ τολμᾶτον οὐκ ἀνασχετόν*.

Что касается конструкции *τολμάω*+*infinitivus*, то она часто встречается в греческом языке, засвидетельствована она и у Феогида в ст. 81—82, 377—378, а особенно для нас любопытны:

τολμᾷ δ' οὐκ ἐθέλων αἰσχεα πολλὰ φέρειν (388)

τὸν δ' ἀγαθὸν τολμᾶν χρὴ τὰ τε καὶ τὰ φέρειν (398).

Есть у Феогида и конструкция глагола *τολμᾶν* с причастием: *τολμᾷ ἔχων τὸ κακόν* (442).

Что же заставляет тем не менее в разбираемых стихах *accusativus τὰ διδοῦσι θεοί* считать зависимым от *τολμᾶν*, а не от *φέρειν*? Во-первых частица *δέ*, отделяющая стих 592 от 591. Во-вторых, при *φέρειν* уже имеется дополнение *τὸ λάχος*. Так явно и понимают текст те издатели, которые не ставят запятой после слова *chrē* (Harrison, Garzya, Van Groningen). Впрочем, и те, кто ставят после *chrē* запятую, в сущности, не обязательно соединяют слова *τὰ διδοῦσι θεοί* etc. (Bergk, Diehl, Young) со следующим стихом; это видно из того, что эти слова стоят у них в запятых, оказываясь отделенными и от предыдущих, и от последующих.

В этом двустишии заключены две мысли: 1) то, что случается с людьми, даруется им свыше, происходит от богов; 2) эти дары богов следует переносить, сохраняя твердость духа. Обе эти мысли не раз повторяются в феогидовском сборнике. Мысль о том, что все происходит от богов, встречается здесь на каждом шагу. Приведем несколько ярких примеров. Как ослепление (*ἄτη*), так и выгоды даруют боги, сам человек создать себе их не может (133—134). По воле Зевса один богат, другой беден (157—158). Слабый замысел человека, которому благоприятствуют божества, не мешает человеку достигнуть благоприятных результатов в своих действиях; наоборот, хорошие мысли человека не приводят к хорошему концу,

если божество ему не покровительствует (161—164). Никто из людей не бывает ни богатым, ни бедным, ни добрым, ни дурным независимо от божества (165—166). Если боги почитают человека, то его восхваляют даже те, кто его порицает, а старания самого человека ни к чему не приводят (169—170). Следует молиться богам, обладающим могуществом; без богов у людей не бывает ни блага, ни зла (171—172). К Зевсу обращается поэт с просьбой дать ему передышку среди его забот и возможность отомстить врагам (341—350). К Зевсу обращается он и с вопросом, почему при его всемогуществе и всеведении он позволяет благоденствовать дурным людям, в то время как люди, воздерживающиеся от дурных дел и любящие справедливость, получают в удел бедность и все соединенные с ней беды (373—392). Человек, погруженный в горести, пусть не падает духом и пусть просит бессмертных богов об избавлении (555—556). Поэт желает быть удачливым и любезным бессмертным богам; иная доблесть ему не нужна (653—654).

Призыв не терять присутствия духа, не поддаваться радостным или горестным порывам также довольно часто звучит у Феогнида. У «доброго» мужа всегда проявляется постоянство духа, он тверд как в бедах, так и пользуясь благами; наоборот, «дурной», если боги послали ему средства к жизни и богатство, способен безумствовать, не сдерживая свою подлость (319—322):

Κύρν', ἀγαθὸς μὲν ἀνὴρ γνῶμην ἔχει ἔμπεδον αἰεὶ,
τολμᾷ δ' ἐν τε κακοῖς χεῖμενος ἐν τ' ἀγαθοῖς.
εἰ δὲ θεὸς κακῷ ἀνδρὶ βίον καὶ πλοῦτον ὀπάσῃ
ἀφραίνων κακίην οὐ δύναται κατέχειν.

Кирн должен проявлять твердость, находясь в бедах (355). «Добрый» муж должен твердо переносить превратности судьбы (398). Наконец, в одном стихотворении — обращение к собственному духу оставаться твердым в бедах — *τόλμα, θυμέ, κακοῖσιν* (1029).

Второе двустигшие, отдельно рассматриваемое, также не содержит ничего, что расходилось бы с обычной для Феогнида топикой. Здесь мы также видим две (тесно связанные между собой) темы: 1) не предаваться чрезмерной печали и внезапной радости; 2) выжидать окончания дела.

Первая тема представляет собой развитие (или конкретизацию, уточнение) одной из тем первого двустигшия.

Там в общей форме — наставление быть твердым, легко переносить то, что дают боги; здесь — более конкретно — не поддаваться переживаниям, в которых сказывается слабость духа — излишней горести, внезапной радости, предостережение против преувеличенной скорби и несвоевременного ликования. Тема неясности результатов человеческой деятельности и соединенный с этой неясностью совет не реагировать определенным образом на имеющуюся в данный момент ситуацию отражены в стихах Феогнида довольно часто.

Μήποτε, Κύρν', ἀγορᾶσθαι ἔπος μέγα· οἶδε γάρ οὐδεὶς
ἀνθρώπων ὃ τι νῦν χημέρη ἀνδρὶ τελεῖ (159—160)

(«Не следует произносить выпренных слов, ведь никто из людей не знает, что осуществит (ближайшая) ночь и день»). Совет Кирну проявить стойкость (τόλμα — *imperat.*) в бедах подкрепляется соображением (357 — 358):

ὥς δέ περ ἐξ ἀγαθῶν ἔλαβες κακόν, ὥς δὲ καὶ αὖθις
ἐκδῶναι πειρῶ θεοῖσιν ἐπευχόμενος

(«Подобному тому как ты после благ получил беду, так и снова старайся, молясь богам, вынырнуть»). Не слишком огорчаться в беде, не слишком радоваться благам — так в 657—658. Из беды может возникнуть благо, и наоборот (661—662): καὶ ἐκ κακοῦ ἐσθλὸν ἔγεντο | καὶ κακὸν ἐξ ἀγαθοῦ. Пока дело не закончилось, очень трудно узнать его конец — чем-то его закончит бог (1075—1076):

Πρήγματος ἀπρήκτου χαλεπώτατόν ἐστι τελευτήν
γνῶναι, ὅπως μέλλει τοῦτο θεὸς τελέσαι.

А теперь вернемся к вопросу, с которого мы начали наш этюд: имеется ли смысловая связь между двумя разбираемыми двустигмией, и можно ли одно из них считать продолжением другого? Здесь мы сталкиваемся с двумя противоположными мнениями. Ряд филологов (Bergk, Hudson-Williams, Edmonds) считает второе двустигмией несоединимым с первым; другие видят во втором двустигмией продолжение первого (Diehl, Young, Van Groningen). Итак, следует разрешить вопрос, действительно ли два двустигмия несоединимы? Или во втором из них следует усмотреть логическое продолжение первого?

К сравнению с разбираемыми стихами Феогнида привлекают обычно место из стихотворения Архилоха (№ 67а, 6—7: обращение к своему духу — θυμός).⁶ У Феогнида сначала тот же совет — не предаваться ни чрезмерной скорби (то же слово λίσυ, что и у Архилоха), ни внезапной радости. Здесь же можно сделать еще одно замечание — в контексте Феогнида наречия λίσυ и ἐξαπίνης относятся к обеим ситуациям. Буквально: не предавайся ни чрезмерной скорби, ни внезапной радости. Однако смысл стихов, конечно, тот, что не следует ни сразу же чрезмерно огорчаться, ни сразу же чрезмерно ликовать. Во всяком случае совпадение между первым советом у Архилоха и Феогнида имеется.

Теперь вопрос в том, есть ли совпадение и во втором совете. У Архилоха: γίγνωσκε οἷός ἐστις ῥυθμός ἀνθρώπου· ἔχει. У Феогнида: не следует предаваться эмоциям — πρὶν τέλος ἄκρον ἰδεῖν. Смысл наставлений Феогнида: беда может обернуться удачей и, наоборот, удача — бедой. Иначе говоря, то, о чем Феогнид говорит в других стихотворениях, говорит он и здесь, а именно о неустойчивости человеческих дел, т. е. о том же «ритме» (ῥυθμός), о каком говорит и Архилох.

Раз так, то нет основания разбиремое четверостишие разбивать на два будто бы несоединимых двустишия. Первые два стиха: следует, проявляя твердость духа по отношению к тому, что даруют боги, легко переносить ту и другую долю (т. е. хорошие и плохие обстоятельства); дальше уточнение выражения ἀμφοτέρων τὸ λάχος — это либо беды, либо блага; и в том и другом случае не надо поддаваться сразу первым побуждениям (подразумевается, что человек именно склонен сразу же слишком живо реагировать на обрушившуюся на него беду или на печальную радость).

Смысл наставления Феогнида не тот, будто вообще следует расстаться с радостью или печалью; надо смотреть, каков конец, а уж тогда радуйся или горюй. Горе может смениться радостью, радость — горем; поэтому, когда произойдет такая перемена, ты поймешь, что в любом случае не стоит слишком доверяться первому чувству.

Поэтическая полемика о ценности жизни (Солон и Мимнерм) ^а

Среди поэтического наследия Солона имеются четыре стиха, бесспорно обращенные к Мимнерму и представляющие собой ответ на его двустилишие, в котором высказывается пожелание окончить жизнь в шестьдесят лет. Эти стихи двух поэтов интересны, между прочим, и в том отношении, что дают нам основание для суждения о сравнительной хронологии жизни того и другого.

Мимнерм (№ 6 Diehl):

αἰ γὰρ ἄτερ νόσων τε καὶ ἀρχαλέων μελεδωνέων
ἑξακονταέτη μοῖρα κίχαι θανάτου

(«О, если бы без болезней и тягостных забот (меня) шестидесятилетнего настиг смертный удел»).

Солон (№ 22 Diehl):

ἀλλ' εἴ μοι καὶ νῦν ἔτι πείσσαι, ἔθελε τοῦτον
μηδὲ μέγαιρ', ὅτι σεῦ λῶρον ἐπεφρασάμην,
καὶ μεταποίησον, λιγυαιστάδῃ, ᾧδε δ' αἰεῖδε·
ὀδωκονταέτη μοῖρα κίχαι θανάτου

(«Если бы ты . . . (пока пропускаем слова καὶ νῦν ἔτι) послушался меня, убери этот (стих),¹ и не сердись, что я придумал лучше тебя, и переделай, звонко поющий,² и пой так: о если б (меня) восьмидесятилетнего настиг смертный удел»).

Следует добавить, что естественнее всего понимать слова того и другого поэта о возрасте в том смысле, что один говорит о шестидесяти и далее годах (до семидесяти), а другой — соответствующим образом о восьмидесяти. От первого стиха в четверостишии Солона зависит решение вопроса о сравнительной хронологии жизни Солона и Мимнерма — были ли они сверстниками или один — и кто именно — был старше другого. Но прежде чем приступить к выяснению в данном контексте смысла выражения καὶ νῦν

¹ Так при чтении τοῦτον; если же читать τοῦτο, получим «убери это» (см. критический аппарат в изданиях: *Bergk Th. Poetae lyrici Graeci*. Lipsiae, 1882⁴. Vol. II; *Diehl E. Anthologia lyrica Graeca*. Leipzig, 1949⁹. Vol. I.

² Прозвание Мимнерма λιγυαιστάδης так объясняет Свида (см. критический аппарат в изданиях Т. Бергка и Э. Диля).

ἐτι, необходимо остановиться на втором из приведенных выше стихов Мимнерма, где поэт выражает пожелание окончить жизнь в шестидесятилетнем возрасте.

Как понять это пожелание? Может ли оно относиться к прошлому или, наоборот, его следует отнести к будущему? В первом случае двуступные Мимнерма означало бы, что он, перейдя шестидесятилетний возраст, удрученный болезнями и невзгодами, сожалеет, что смерть не постигла его раньше, когда ему исполнилось шестьдесят лет;³ во втором он, еще не достигнув шестидесятилетнего возраста, предвидит (конечно, на основании своего жизненного опыта) наступление за этой возрастной гранью всяких немощей и связанного с ними удрученного состояния и выражает пожелание расстаться с жизнью на пороге старческого возраста.

За ответом на наш вопрос обратимся прежде всего к грамматике. Пожелание, если оно выражено опативом (без частицы ἄν) — *χίχοι*, является, с точки зрения лица, высказывающего это пожелание, исполнимым,⁴ иначе говоря — оно не может относиться к прошлому. Это правило, давно подтвержденное многочисленными примерами, в настоящее время не нуждается в доказательстве. Уместно, впрочем, проверить его на материале ранней элегии.

Примеры имеются у Солона, у Мимнерма и в большом количестве у Феогнида.

Солон в прощальном обращении к царю Филокипру желает ему и его роду долгое время царствовать в Солах (ἀνάσσειν | τήνδε πόλιν ναίουσ καὶ γένος ὑμέτερον (№ 7, Diehl, 1—2), употребляя опатив здесь и в дальнейшем (пусть Киприда отправит его невредимым — *πέμποι*, ниспослет — *ὀπάζοι*), желает блага новооснованному городу, а самому поэту — благополучного возвращения на родину.

Мимнерм, восклицая: «Что за жизнь, есть ли какая-нибудь улада без золотой Афродиты», желает себе смерти — *τεθναίην*, когда ему станут чужды тайная любовь, сладостные дары и любовное ложе (№ 1 Diehl).

Оба поэта говорят не о прошлом, а о будущем.

³ Такое понимание см.: *Schmid W., Stählin O. Geschichte der griechischen Literatur. München, 1929. T. I. Bd II. S. 362. Anm. 1.* В справедливости подобных высказываний сомневался уже Крузе (см.: *Croiset A. Histoire de la littérature grecque. Paris, 1898. T. II. P. 112, n. 6).*

⁴ *Kühner R. Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache / Besorgt von B. Gerth. Hannover; Leipzig, 1898³. T. II. Bd 1. S. 226.*

Феогнид дает нам три десятка примеров. Здесь достаточно будет привести три.

Поэт умоляет Зевса Олимпийского исполнить его просьбу: дать ему возможность испытать вместо бед какое-нибудь благо. Он желает умереть, если не получит отдыха от дурных забот — *τεθναίην δ', εἰ μὴ τι κακὸν ἀρπάζω μερινύων | εὐροίμην* (343—344). Дело не идет о невозвратном прошлом, пожелание не является несбыточным.

В другом стихотворении Феогнид, выражая надежду воздать добром тем, кто его любит, и причинить огорчение и беду врагам, желает, чтобы в противном случае на него упало великое широкое небо: *Ἐν μοι ἔπειτα πέσοι μέγας οὐρανὸς εὐρύς ὑπερθεύ* (869). Государству — отнюдь не в плане невозможного — Феогнид желает мира и богатства: *Εὐρήνη καὶ πλοῦτος ἔχοι πόλιν* (885).⁵

Мимнерм, если судить по аналогии с приведенными примерами, не скорбит о том, что прошло, т. е. не сожалеет о несостоявшейся смерти в шестидесятилетнем возрасте, а молит о даровании ему конца именно в этом возрасте, пока еще не наступят немощи и беды, присущие старости.

Два дополнительных соображения способны подкрепить интерпретацию, подсказанную данными грамматики.

Во-первых, отмеченные выше стихи Мимнерма (№ 1 Diehl), в которых он отказывается жить, когда ему станут чуждыми любовные утехы, показывают, что горестные размышления о будущем, о возможной безрадостной старости не были для поэта чем-то необычным.

Во-вторых, возражение Солона, сделанное явно в том же плане, что и пожелание Мимнерма, прямо говорит о будущем. Солон предлагает изменить срок, отодвинуть предел жизни — не шестьдесят, а восемьдесят лет. И подобно тому как Солон безусловно имеет в виду будущее, так он должен был воспринимать и пожелание Мимнерма; такой смысл это пожелание должно было иметь.

Солон предлагает Мимнерму убрать этот стих и надеется на готовность адресата послушаться его. Здесь мы стоим перед второй задачей, возникающей при истолковании стихов Солона.

Что значит *καὶ ὤν ἔτι*? Это сочетание (с возможной перестановкой) отнюдь не принадлежит к числу редких. Про-

⁵ Другие примеры из Феогнида: 97, 130, 337, 341, 349, 561, 563, 691—692, 731, 732, 736, 741, 789—792, 851, 885, 894, 969, 979, 1089—1090, 1119, 1153, 1155, 1192, 1300, 1334.

следить его значение на протяжении веков (благодаря существующим пособиям) — не слишком большой труд.

Примеры из Гомера. Жрец Хрис в «Илиаде» напоминает Аполлону о прошлом, когда бог слышал его молитву, просит и теперь исполнить его желание: ἦδ' ἔτι καὶ νῦν μοι τόδ' ἐπικρήγῃον ἐέλωρ (I, 455). Нестор в своем обращении к Агамемнону ссылается на мысль, владеющую им уже с тех пор, как Агамемнон отнял у Ахилла Брисейду, и поныне — ἦμὲν πάλαι ἦδ' ἔτι καὶ νῦν (IX, 105).

В «Одиссее» служанка Меланто, набрасываясь на Одиссея (в ее глазах он — неведомый странник), говорит ему: «Чужеземец, ты и теперь еще — ἔτι καὶ νῦν — будешь здесь досаждать ночью, бродя по дому, и подстерегать женщин?» (XIX, 66).

Во всех этих случаях у Гомера действие или состояние предполагается повторяющимся или продолжающимся: Аполлон уже один раз благосклонно отнесся к мольбе своего жреца, Нестор уже долго вынашивает свою мысль, незнакомый странник уже порядочное время находится во дворце.

В таком же смысле употребляют интересующее нас выражение и более поздние авторы.

Примеры из Геродота. Первый египетский царь Мин соорудил плотину выше Мемфиса с целью направить нильскую воду по новому руслу и предотвратить наводнение в Мемфисе; еще и сейчас — καὶ νῦν ἔτι, т. е. во времена Геродота, персы держат в соответствующем месте свою стражу в течение целого года (II, 99).

Куртизанка Родопида посвятила Дельфам железные вертелы, которые еще во времена Геродота — καὶ νῦν ἔτι — продолжали лежать грудой позади жертвенника, посвященного хиосцами, перед самим храмом (II, 135).

Таким же способом выражает Геродот непрерывность существования вплоть до его времени одного празднества, установленного в давние времена на Самосе (III, 48), и культа ветров, установленного в Дельфах в начале войны с Ксерксом (VII, 178).

Примеры из Ксенофонта. В «Воспитании Кира» упоминаются существующие «до сего времени» — καὶ νῦν ἔτι — рассказы и песни «варваров» о физической красоте Кира и о его высоких духовных качествах (I, 2, 1). Мидийская роскошь была чужда персам во времена детства Кира, да и сейчас еще — καὶ νῦν ἔτι — одежда и образ жизни у пер-

сов на их родине гораздо скромнее и проще, чем у мидян (I, 3, 2). В «Лакедемонской политике» речь идет о том, что законы Ликурга, очень древние, все же оказываются еще для прочих греков, современников Ксенофонта, — *ἐτι καὶ νῦν* — новыми (неожиданными) (10, 8). Представляя собой-вибудь вопрос, кажется ли ему, что законы Ликурга и до сих пор — *καὶ νῦν ἐτι* — остаются неизменными, Ксенофонт колеблется дать на этот вопрос положительный ответ (14, 1).

У Платона в «Пире» Алкивиад в ярких красках изображает впечатление, какое производят на слушателей речи Сократа; в частности, то чарующее впечатление, какое эти речи произвели на него самого и продолжают производить «до настоящего времени» — *οἷα δὲ πέπονθα αὐτός . . . καὶ πάσχω ἐτι καὶ νῦν* (215d).

Наконец, Аристотель. В «Афинской Политии» не раз констатируется связь между старинными и современными автору порядками и установлениями. Священный брак жены архонта-царя с Дионисом происходит с незапамятных времен еще и во второй половине IV в. в так называемом буколейоне (3, 4). Формула присяги афинских архонтов, установленная Солоном, остается неизменной и по сей день — *ὅθεν ἐτι καὶ νῦν οὕτω ἐμύομεν* (7, 1). Закон Солона, требующий от кандидатов на должность казначеев наивысшего имущественного ценза, фактически уже упраздненный, все же продолжает существовать — *ἐτι καὶ νῦν* — в виде фикции (8, 1). Члены совета пятисот все еще — *ἐτι καὶ νῦν* «дают присягу в том виде, в каком она была установлена в конце V в., при архонте Гермокреонте (22, 2).

Итак, от Гомера до Аристотеля (следовательно, и во времена Солона) выражение *ἐτι καὶ νῦν* означало «еще и теперь», т. е. «теперь, как и раньше», «все еще», «по-прежнему».

Солон вспоминает о том, что Мимнерм раньше (по крайней мере один раз) следовал его совету. Это плохо вяжется с предположением об обращении младшего к старшему. Естественно думать об обращении старшего к младшему или, лучше, сверстника к сверстнику.⁶

Трудно признать удачной попытку одного видного фи-

⁶ См.: *Diehle A.* Zur Datierung des Mimnermos: Die griechische Elegie / Hrsg. von G. Pfohl (Wege der Forschung XXIX). Darmstadt, 1972. S. 177 ff.; стихи написаны в 580—570 гг. (оба поэта уже далеко не молоды).

лologa⁷ стать на другую точку зрения: Мимнерму исполнилось шестьдесят лет; Солон, более молодой, будто бы поздравляет его, но все же дает ему совет, памятуя о том, что тот раньше прислушивался к его советам, и надеясь на то, что «даже теперь», в шестидесятилетнем возрасте, тот, как и раньше, не останется глух к его мнению. Непонятно, почему именно в шестидесятилетнем возрасте Мимнерм мог или должен был перестать считаться с мнением Солона, хотя разница лет между ними оставалась прежней.

Если предлагаемое понимание стихов является приемлемым, то следует признать, что Мимнерм высказал свое пожелание, когда ему не было шестидесяти лет. Солон был в том же возрасте или, возможно, несколько старше.

Надо думать, стихотворение Солона о возрастах (№ 19 Diehl), в котором он распределяет человеческую жизнь по семилетиям, было сочинено раньше. Солон считает здесь пределом человеческой жизни 70 лет (десятое семилетие). В своем ответе Мимнерму он отодвигает этот предел на 10 лет, советуя желать смерти по достижении восьмидесятилетнего возраста. Жизнелюбивый человек (а таким был, судя по его стихам, Солон), старея, мечтает не о сокращении количества остающихся ему лет, а об увеличении их. Наметив пределом жизни 70 лет, поэт затем, по мере приближения к этому возрасту, начал чувствовать потребность отдалить смерть и считать нормой окончания жизни 80 лет.

Приняв за условную дату рождения Солона ок. 650 г., также условно (возраст обоих поэтов в момент возражения Солона Мимнерму — приблизительно 50 лет) получим дату для стихотворений — 600 год. Простившись с молодостью, иониец, для которого любовь была главным содержанием жизни, опасаясь наступления старости, которая, по его мнению, ничего, кроме бед, дать ему не могла, заявляет о своей готовности умереть по достижении шестидесятилетнего возраста. В ответ афинянин, не только поэт, но и государственный деятель, раздвигает границы жизни до восьмидесяти лет и при этом не желает умереть неоплаченным; ему нужны горе и стенания друзей как свидетельство его тесной связи с людьми до конца его дней. Такая позиция Солона менее всего является неожиданной. От-

⁷ Steffen K. De Solonis elegia gratulatoria ad Mimnermum scripta // Scripta minora selecta. Wrocław; Warszawa, 1973. T. 1. P. 94 sqq.; $\nu\upsilon\nu$ $\xi\tau\iota$ — etiam nunc, cum sis sexagenarius.

нюдь не чуждый так называемым радостям жизни (см. № 12, 13, 14, 20), он заполнил свои годы политической деятельностью и философскими размышлениями, сделав девизом непрестанное обогащение своего сознания новыми сведениями: *γράφω δ' αἰεὶ πολλά διδασκόμενος* (№ 22 Diehl)— «Я старею, все время многому научаясь».

Позиция Феогида в религиозных вопросах ^а

В своих наставлениях Кирну относительно надлежащего поведения, советуя ему дружить с «честными» и избегать «дурных», Феогид видит ценность своих советов в том, что они усвоены им в детстве от «добрых»,— *οἷά περ αὐτός, | Κύρν', ἀπὸ τῶν ἀγαθῶν παῖς ἐτ' ἐὼν ἔμαθον* (27—28). Иначе говоря, поэт подчеркивает традиционность своих взглядов, усвоенных им в известной социальной среде.

Такой же традиционностью отличаются и его религиозные воззрения, с тем только различием, что здесь дает себя чувствовать идеология не определенного слоя греческого общества, а скорее общенародная.

В основе религиозного мировоззрения лежит вера в существование богов, в их могущество и в зависимость людей от них. Ряд стихов Феогида ясно отражает эту традиционную точку зрения.

В самой категорической форме поэт говорит, что беду (*ἄτη*) и выгоду дают боги, человек не сам создает их себе; человек не знает, каков будет результат его действий; люди имеют вздорные мысли, а боги все завершают сообразно своим замыслам (141—142):

*ἄνθρωποι δὲ μάταια νομίζομεν εἰδότες οὐδέν·
θεοὶ δὲ κατὰ σφέτερον πάντα τελοῦσι νόον.*

От Зевса зависит сделать человека богатым или бедным (155—158; cf. 165—166). Благо и зло бывает у людей не без участия богов, поэтому человек должен молиться богам, в чьих руках могущество (171—172):

*Θεοῖς' εὖχου, θεοῖς' οἷσιν ἐπὶ κράτος· οὗτοι ἄτερ θεῶν
γίνεται ἀνθρώποις' οὔτ' ἀγάθ' οὔτε κακά.*

В тяжелых обстоятельствах человек должен проявлять стойкость и молить богов об избавлении (555—556; cf. 585—590, 591—594).

Не все получается согласно желаниям людей; ведь бессмертные намного сильнее смертных (617—618):

Ὁ ὅτι μάλ' ἀνθρώποις καταθύμια πάντα τελεῖται·
πολλὸν γὰρ θνητῶν κρείσσονες ἀθάνατοι.

Поэт желает быть удачливым и любезным для бессмертных; ни к какой другой добродетели он при этом не стремится (653—654). Боги могут в любой момент вмешаться в человеческие дела и превратить человеческое благоденствие в беду и наоборот; бедняка сделать богачом, богача бедняком (659—666).

Предназначенные судьбой дары богов не во власти смертного человека легко отклонить, даже если он погрузится в пучины озера или пребывает в темном Тартаре (1033—1036).

Пока дело не завершено, очень трудно представить конец, в какую сторону повернет бог; смертным мешает видеть их беспомощность (1075—1078).

Боги дают человеку здравый ум (1171—1172).

Феогнид дает Кириу совет чтить и бояться богов; таким образом можно избежать нечестивых поступков и слов (1179—1180). Не следует давать ложную клятву именем богов (1195—1196).

Обращения к богам и упоминания о них в стихах Феогнида часты и не могут вызывать удивления (1—4, 5—10, 11—14, 15—18, 75, 759—760, 773—782, 851—852, 1056—1058, 1087—1090, 1119—1122 и др.).

Задолго до Феогнида греки задавались мыслью о справедливости божественного управления миром. Несмотря на неприглядные с нравственной точки зрения картины из жизни богов в «Илиаде», гомеровский поэт называет их блюстителями справедливости и подходящих дел (Odys. XIV, 83—84):

οὐ μὲν σχέτλια ἔργα θεοὶ μάκαρες φιλέουσι,
ἀλλὰ δίκην τίουσι καὶ αἵσιμα ἔργ' ἀνθρώπων.

Для Гесиода Зевс — хранитель справедливости, он наказывает беззаконных правителей и их города (OD 238—239):

οἷς δ' ὕβρις τε μέμηλε κακὴ καὶ σχέτλια ἔργα
τοῖς δὲ δίκην Κρονίδης τεκμαίρεται εὐρύοπα Ζεὺς.

Зевс даровал людям справедливость: ἀνθρώποισι δ' ἔδωκε δίκην (scil. Κρονίων) (279).

Эти старинные воззрения отражены и у Феогида.

«Благомысленный человек может, преследуя, настичь быстрого мужа — с помощью прямой справедливости бессмертных богов» (329—330):

καὶ βραδὺς εὐβουλος εἶλεν ταχὺν ἄνδρα διώκων,
Κόρνε, σὺν εὐθείῃ θεῶν δίκῃ ἀθανάτων.

От богов не укроется тот, кто обманул гостя или умоляющего (143—144). Имущество, приобретенное с помощью Зевса — Διόθεν — и с соблюдением справедливости — σὺν δίκῃ, остается прочным; наоборот, несправедливо приобретенное путем несправедливой клятвы в конечном счете приводит к беде, так как одерживает верх замысел богов (197—208): θεῶν δ' ὑπέρεσχε νόος.

Ненавистен богам неверный друг, прячущий на своей груди холодную змею (601—602).

От Зевса поэт ожидает кары коварному другу (851—852; cf. 894). Он надеется на покровительство Аполлона и Зевса, чтобы, в полной мере наслаждаясь молодостью, жить справедливо, вдали от бед, услаждать свой дух молодостью, богатством (1119—1122).

Жизненный опыт не позволил Феогиду твердо и последовательно придерживаться традиционных религиозных воззрений.

Читая стихи Феогида, мы на каждом шагу убеждаемся в том, что пафос его деятельности и поэтического творчества — в борьбе за его социальные идеалы. Он со всем пылом страсти служил интересам своей социальной группы, провозглашая и обосновывая преимущества этой группы перед другими, а следовательно, и ее право на господствующее положение в обществе. На этом пути его ждало большое разочарование — не только торжество противников, но и измена друзей, которые, в сущности, не разделяли его взглядов и легко, повинувшись материальным интересам, шли на сближение с богатыми представителями других социальных слоев. Сам поэт, конечно, не был единственным непримиримым поборником аристократических идеалов. Не его одного постигли беды — изгнание, бедность, фактическая утрата своего социального ранга.

Крушение надежд близкой ему социальной среды заставило поэта задуматься над вопросом о справедливости

богов. Свое дело Феогнид вполне естественно считал единственно справедливым. Если боги не поддерживают тех, кого поэт оценивал как «добрых», «честных», «порядочных», то справедливость богов ставилась под сомнение. Свое разочарование в справедливости богов Феогнид выражает в форме упреков, обращенных к Зевсу, впрочем, в очень почтительной форме. Начало этого стихотворения (373—376):

Zeῦ φίλε, θαυμάζω σε· σὺ γὰρ πάντεσσιν ἀνάσσεις
τιμὴν αὐτὸς ἔχων καὶ μεγάλην δύναμιν |
ἀνθρώπων δ' εὖ οἶσθα νόον καὶ θυμὸν ἐκάστου,
σὸν δὲ κράτος πάντων ἔσθ' ὑπατον, βασιλεῦ

(«Милый Зевс, я удивляюсь тебе; ведь ты владычествуешь над всеми, имея сам честь и великую силу; ты хорошо знаешь ум и душу каждого, твое могущество — наивысшее, о царь»). Вторая половина стихотворения содержит основную мысль поэта (377—380):

πῶς δὴ σευ, Κρονίδη, τολμᾷ νόος ἀνδρας ἀλιτροῦς
ἐν ταύτῃ μοίρῃ τόν τε δίκαιον ἔχειν,
ἦν τ' ἐπὶ σωφροσύνῃν τρεφθῇ νόος, ἦν τε πρὸς ὕβριν
ἀνθρώπων ἀδίκους ἔργμασι πεῖθομένων;

(«Как, Кронид, решается твой ум содержать в одинаковой доле лукавых мужей и справедливого человека, обращен ли их ум к скромности или к наглости — у людей, повинующихся несправедливым делам?»).

В развернутом виде изливает свои жалобы поэт в другом стихотворении, начало которого утрачено. Речь здесь идет сначала о благоденствующих людях, которые — так можно восполнить утраченное начало стихотворения — ведут недостойную жизнь; а те, кто удерживают свою душу от подлых дел и любят справедливость, наоборот, получают в удел бедность, матерьял беспомощности (μητέρ' ἀμηχανίας) — и дальше яркая картина существования бедняка, который вынужден против своей воли учиться лжи, обманам, раздору (383—392).

Обращаясь к богу богатства, Феогнид констатирует, что этот бог, больше всех почитаемый людьми, легко мигается с порочностью (523—524):

Οὐ σε μάτην, ὦ Πλοῦτε, βροτοὶ τιμῶσι μάλιστα·
ἦ γὰρ ῥηιδίως τὴν κακότητα φέρεις,

Именно это свойство бога обеспечивает ему почитание людей. Тема о несправедливости повторяется в одном стихотворении, причем на этот раз опять в виде упрека Зевсу. Ставится перед Зевсом («царем бессмертных») риторический вопрос: как может быть справедливым то, что человек, свободный от несправедливых дел, не допускающий никаких преступлений или лживой клятвы, соблюдающий справедливость, не получает того, что справедливо? Какой же смертный после этого, глядя на него, будет почитать бессмертных и какое у него будет душевное состояние, когда несправедливый и беззаконный муж, не боясь гнева ни человека, ни бессмертных, проявляет наглость, пресыщенный богатством, а справедливые люди страдают, терзаемые тяжелой бедностью (743—752)?

Трудно более ясно выразить мысль о несправедливости Зевса, о том, что бог дает многим бесчестным людям «честное богатство», которое не приносит добра ни им, ни их друзьям (865—866). Обладателю такого богатства противопоставляется обладатель доблести, слава которой никогда не погибнет, так как воин спасает землю и город (867—868).

Несправедливость богов сказывается в другом отношении: творящий беззаконие человек избегает наказания и за него платятся ни в чем не повинные потомки. Об этом — опять-таки в порядке жалобы и укоров Зевсу-отцу — говорится в другом стихотворении (731—742). Поэт высказывает пожелание: да будет богам угодно, чтобы презревший богов и совершающий беззаконные дела человек сам нес наказание за свои поступки, и пусть преступление отца не становится бедой для детей — *μηδ' ἔτ' ὀπίσσω | πατρός ἀτασθαλίαι παισὶ γένοιτο κακόν* (735—736). Повторив в конце стихотворения свое пожелание («пусть это будет любезно блаженным богам»), поэт тут же добавляет, что в действительности происходит наоборот — «совершающий избегает наказания, а беду переносит впоследствии другой» (741—742):

ταῦτ' εἴη μακάρεσσι θεοῖς φίλα· νῦν δ' ὁ μὲν ἔρδων
ἐκφεύγει, τὸ κακόν δ' ἄλλος ἔπειτα φέρει.

Так ропщет Феогнид, недвусмысленно обвиняя Зевса и других богов в несправедливости даже вопреки высказанному им самим в одном двустиишии (конечно, в другое время) мнению (687—688):

Οὐκ ἔστι θνήσκειν πρὸς ἀθανάτους μαχεσάσθαι,
οὐδὲ δίκην εἶπεν· οὐδενὶ τοῦτο θέμις —

(«Нельзя смертным бороться против бессмертных, ни защищаться, будто на суде; никому это не дозволено»). Разбирая эти стихи, новейший исследователь⁶ приводит тексты, доказывающие возможность толкования выражения *δίκην εἶπεν* либо в смысле «судить, приносить приговор» (II. XVIII, 508 — *ὃς δίκην ἰδύντατα εἶποι*), либо «представлять в свою защиту» (Aristoph. Vesp. 77sq. — *ἦν δίκην λέγῃ μακράν τις*; Menand. Epitr. 53 — *δίκαζ λέγοντες περιπατεῖτε*), и принимает для нашего места второе значение.

Как бы то ни было, речь идет о недопустимости выступать против богов ни в качестве бойца, ни в качестве противника на суде. Тот же комментатор, обращая внимание и на формы глаголов, употребленные поэтом, замечает: аорист указывает на то, что поэт думает не о линии поведения, а о каких-то конкретных случаях сопротивления.

Если мы зададимся вопросом, когда Феогнид мог написать это двустишие, то окажутся возможными два ответа. Высказанная поэтом мысль, тесно связанная с его представлением о всемогуществе богов, возможно, изобличает раннее происхождение стихотворения. Под влиянием жизненных обстоятельств у поэта впоследствии вырвался крик души, нечто вроде обвинения богам. Другое возможное толкование: стихи позднего происхождения; наученный горьким опытом, поэт признает тщетность (и педозволенность) своих протестов.

В пользу этого второго предположения говорит отсутствие бесспорных следов раскаяния в стихах Феогнида — нигде ничего похожего на палинодию, на восхваление справедливости богов или признание своей вины перед ними.

Как нам следует оценивать своеобразное возмущение поэта, его, условно говоря, бунт против божественного управления человеческими судьбами?

Непосредственным поводом для высказываний Феогнида послужило несоответствие действий божества представлениям поэта о справедливости. Те, кто, с точки зрения Феогнида, были «добрыми», «честными», не получают того, что они заслужили. Жизненные блага выпадают на долю недостойных — тех, кого Феогнид считает «дурными, подлыми». Протест Феогнида — его непосредственная реакция на явления действительности.

Та же реакция отражена и в протесте против наказания потомков за проступки отца или предков. Порожденное родовым сознанием представление о единстве рода, а значит, и о подлинной ответственности потомков за преступления предков, уже чуждо Феогниду. Он признает только индивидуальную ответственность каждого за свое поведение. Взыскивать с потомков за то, что творили предки, — величайшая несправедливость.

В обоих случаях прямо констатируются проявления несправедливости богов. В обоих случаях за этой констатацией не кроется ничего иного, более глубокого. Даже угроза Зевсу — «кто после этого будет почитать бессмертных?» — не содержит в себе отрицания божественного управления миром, хотя в ней отсутствует то смирение, какое мы встречаем у Солона. Почти инстинктивное отталкивание Феогида от наблюдаемого им в жизни несовпадения божественной воли с его нравственными требованиями, определяемыми в значительной степени его социальной идеологией, отталкивание, нашедшее выражение в его поэтическом творчестве, не влечет за собой каких-нибудь размышлений философско-религиозного порядка. Феогид — не мыслитель, обобщающий и углубляющий свои наблюдения над действительностью; меньше всего он способен и склонен к созданию целостного и последовательного мировоззрения.

Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить феогидовское наблюдение о несправедливости богов с тем, что будет сказано впоследствии людьми, имевшими иные, чем у Феогида, исходные позиции: «если боги несправедливы, то они не боги»,⁶ или феогидовское непризнание правомерности наказывать человека за проступки предков с замечанием Биона Борисфенского (IV в. до н. э.), в глазах которого такого рода наказание было бы подобно лечению потомков от болезней, перенесенных предками. Логически расстояние от наблюдений Феогида до выводов, сделанных другими, измеряется двумя шагами, исторически — столетиями.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ТЕЗИСЫ О ФЕОГНИДЕ^а

1. В современной филологической науке тезис о возможности приписать авторство феогнидовского сборника единому поэту (Феогниду) не является общепризнанным. Три теории (Дорнзейф, Фриш, Янг) с разных сторон обосновывают принадлежность сборника одному автору.^б

2. Став на унитарную точку зрения, мы должны конец жизни поэта отнести по крайней мере к 90—80-м годам V в. (в стихотворениях речь идет о персидской опасности), а начало соответственно — к первой половине или к середине VI в. до н. э.

3. Относительно отражения исторических событий в творчестве Феогнида существуют две крайние точки зрения: одна — на основании стихотворений поэта можно с некоторой определенностью реконструировать внутреннюю историю Мегар его времени (Кауер); другая — из стихотворений Феогнида никаких исторических сведений почерпнуть нельзя (Рейтценштейн).^в Исходной мыслью нашей концепции является положение: сборник Феогнида отражает внутреннюю ситуацию в его родном полисе с крайне субъективных позиций.

4. Нет оснований говорить о гражданской войне в Мегарском государстве и об участии в ней поэта. Существующие исторические свидетельства о гражданской войне в Мегарах не поддаются приурочению ко временам Феогнида.

5. Поэт, несомненно, принимал участие в политической борьбе, отстаивая ультраконсервативные принципы, уже антиквированные реальной жизнью. Мегарская аристократия, вынужденная сделать ряд далеко идущих уступок демократии, не только примирилась с новым политическим положением, но и сблизилась в бытовом отношении и вступила в родство с богатой верхушкой незнатных слоев

мегарского общества. Обедневший в результате изгнания и конфискации имущества поэт не встречал сочувствия ни со стороны демократических кругов, ни со стороны тех, кого он считал своими. Его крик об измене друзей с достаточной ясностью свидетельствует об изоляции Феогнида и его немногочисленных единомышленников в современном им обществе.

6. Для психики, образа мыслей Феогнида характерны те места его стихотворений, где он для подкрепления своих высказываний или для выражения своих чувств ссылается на события прошлого, более или менее отдаленного, о которых он мог узнать из поэтических произведений или из других письменных источников. Эти исторические реминисценции всегда созвучны социальным идеалам поэта. В системе образов феогнидовской поэзии местами находим эпические реминисценции, преподносимые поэтом как нечто еще живое, актуальное.

7. Идеологические позиции Феогнида помогают нам осознать сравнение с так называемой Псевдоксенофонтовой «Афинской Политией». И мегарский поэт VI—начала V в., и афинский олигарх второй половины V в. являются противниками современной им демократии. Однако Псевдо-Ксенофонт считает своими союзниками не только тех, кого признал бы своими мегарский поэт, но и возвышающихся над народной массой богачей, тогда как Феогнид, упорствуя в неприятии совершившихся фактов, хочет восстановить стертую жизнью грань между знатью и разбогатевшими выходцами из народа.

Архив А. И. Доватура, хранящийся в Западноевропейской секции Архива ЛОИИ СССР АН СССР, содержит: 1) подготовленные к печати работы и наброски статей, тематически отражающие почти все основные темы его научного творчества (статьи о Феогидае, эпиграфические этюды, перевод фрагментов из сочинений Аристотеля для «Свода древнейших источников по истории СССР» и др.); 2) материалы, связанные с педагогической деятельностью А. И. Доватура (тексты лекций, спецкурсов, подробные планы семинаров, отчеты о заседаниях студенческого научного кружка и т. д.); 3) конспекты статей и аннотированные библиографические заметки о книгах, поступавших в ленинградские книгохранилища; 4) личные документы; 5) письма друзей и коллег; 6) материалы из архива С. В. Меликовой-Толстой.

Феогидаевская часть архива состоит из нескольких неопубликованных работ («Позиция Феогида в религиозных вопросах», «Пессимизм Феогида», «Феогид Мегарский», «Феогид 591—594», «Элегия»), тетрадями семинарских занятий по творчеству Феогида и раннегреческой элегии, конспектов иностранных работ и библиографии по Феогиду, конспекта по истории Мегар, заготовок к полному предметному указателю, облегчающему изучение Феогидаевской подборки.

В книге использованы материалы из архива А. И. Доватура с 1921 г. до конца 70-х годов. Сведения о помещенных в настоящей книге работах, как неопубликованных, так и опубликованных, даются в соответствующих разделах комментария. Кроме таких справок комментарий содержит по преимуществу высказывания А. И. Доватура, которые взяты из текстов, не включенных составителями в основной корпус из опасения, что подробная или, напротив, более отрывочная разработка отдельных моментов нарушит структуру книги. Собственный комментарий составителей сведен к минимуму.

В тех случаях, когда словоупотребление А. И. Доватура расходится с тем, которое стало более традиционным, особенности авторского стиля в тексте сохраняются. Например, на с. 23 и ниже автор, говоря о правлении в Афинах до реформы Солона, пользуется выражениями «олигархия» и «олигархи» вместо более привычного теперь при обозначении того же явления термина «аристократическое правление». Однако, поскольку его мысль не делается непонятной из-за этой и некоторых других индивидуальных особенностей его словаря, составители считают, что они и обязаны, и вправе сохранить аутентичный текст.

Все рукописные сокращения раскрыты и особо не оговариваются.

^а Авторское название «Элегия». Машинопись с авторской правкой, 41 л., 3 экз. Текст написан приблизительно в середине 60-х годов как глава для учебника по античной литературе, готовившегося кафедрой классической филологии ЛГУ; опубликован текст не был.

^б В тетради спецкурса по греческой элегии, читавшегося в 1967/68 г., находится выписка, где приведены соответствующие места из греческих лексикографов и новых этимологических словарей. Приведем здесь мнение П. Шантрена (*Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris, 1968—1980, s. v.*), который, не упоминая вовсе о выведении этого слова из εὖ λέγειν и называя народноэтимологическим возведение его к εἰ λέγειν, приводит несколько толкований нового времени, которые, впрочем, он также считает неудовлетворительными. Среди последних называет он и сближение с арм. eġēp («тростник»).

^в Подробно полемика Солона с Мимнермом обсуждается в разделе «Поэтическая полемика о ценности жизни (Солон и Мимнерм)».

^г Вопрос об изображении Солона Геродотом и Аристотелем подробно разрабатывался А. И. Доватуром в университетском конкурсном сочинении «Личность и деятельность Солона в греческом историческом предании. (Опыт введения в вопрос)». Сочинение занимает 5 тетрадей, из которых в архиве находится первая, помеченная 21 сентября 1921 г. (12 л. рукописных с оборотом), и последняя (10 л. с оборотом), а также вложенные в нее 8 л. с оборотом; на последнем листе после окончания сочинения сформулированы его основные положения. Ниже приводятся с. 2—20 из первой тетради, а затем «Основные положения», дающие представление о содержании одной из его первых научных работ, высоко оцененной в тогдaшнем молодом Саратовском университете.

Первый по времени автор, повествующий о Солоне, — Геродот. У него находим два рассказа, посвященных афинскому законодателю: 1) Солон после законодательства покидает Афины (I, 29); 2) Солон и Крез (I, 30 сл.).¹ Из этих рассказов только первый имеет некоторое отношение к Солону как государственному деятелю. Вот его текст (Hdt. I, 29):

Σόλων ἀνὴρ Ἀθηναῖος, ὃς Ἀθηναίοις νόμους κελεύσας ποιήσας ἀπεδήμησε ἔτεα δέκα, κατὰ θεωρίας πρόφασιν ἐκπλώσας, ἵνα δὴ μὴ τινα τῶν νόμων ἀναγκασθῇ λύσαι τῶν ἔθετο. αὐτοὶ γὰρ οὐκ οἶοί τε ἦσαν αὐτὸ ποιῆσαι Ἀθηναῖοι· ὀρχίοις γὰρ μεγάλοισι κατείχοντο δέκα ἔτεα χρήσεσθαι νόμοις τοὺς ἄν σφι Σόλων θῇται.

И афинянин Солон, (который), дав афинянам, по побуждению с их стороны, законы, удалившись на 10 лет, отплыв с намерением познаться с чужими странами, чтобы не быть принужденным отменить какой-нибудь из законов, которые он издал: сами же афиняне не могли сделать этого, так как они великими клятвами обязались в течение 10 лет пользоваться законами, которые издал для них Солон.

¹ Кроме того, имя Солона упоминается: I, 86; II, 177; V, 113.

Данные о деятельности Солона, сообщаемые Геродотом, чрезвычайно скудны. Из рассказа мы узнаем только то, что Солон «по побуждению со стороны афинян» дал им законы. Весь рассказ, кроме того, отличается какой-то бледностью, бестелесностью. Обстановка, при которой действовал Солон, совсем не выяснена: выражения Геродота — *χελεύσας* («по побуждению») или, может быть, «по приказанию»), *ἵνα μὴ ἀναγκασθῇ λῦσαι* («чтобы не быть принужденным отменить») — очень неопределенны. Почему на Солона возложили обязанность составить законы, почему его могли принудить отменить или изменить некоторые из этих законов — остается неясным. Мало того, разбираемый рассказ, передаваемый Геродотом отдельно от других рассказов из афинской истории, ничуть не выиграет в ясности, если мы даже представим его себе в связи с этими другими рассказами. Ему хронологически предшествует рассказ о пеласгах — из древнейшей истории греков (I, 57 сл.); за ним следуют рассказы о Писистрате (I, 59 сл.), в которых имя Солона ни разу не упоминается и нет никакого намека на какую-нибудь связь между событиями эпохи Солона и теми, которые привели к установлению тирании Писистрата.

Сравнение данных Геродота о Писистрате (I, 59 сл.) и другом афинском деятеле VI же века, Клисфене (V, 66 сл.), с тем, что рассказано им по поводу деятельности Солона, может только подтвердить сделанное выше заключение об особенностях сообщений Геродота в 29-й главе I книги. При всей своей недостаточности для уяснения исторической обстановки, среди которой действовали Писистрат и Клисфен,² значения, мотивов и характера их деятельности эти рассказы все же дают кое-что и в этом отношении. О Писистрате сообщается, что он во время борьбы двух партий (I, 59: *στασιαζόντων τῶν παρὰ λῶν καὶ τῶν ἐκ τοῦ πεδίου Ἀθηναίων*) образовал третью партию (*ibid.*: *ἤγειρε τρίτην στάσιν*); он участвовал в войне с Мегарой (*ibid.*: *ἐδοχίμησας ἐν τῇ πρὸς Μεγαρέας γενομένη στρατηγῇ*); дается вкратце общая характеристика его правления (*ibid.*: *ἐπὶ τῇ τοῖσι κατεστάσιν ἔνευε τῇ πλείν ἡσυχίᾳ καλῶς τε καὶ εὖ*). Клисфен представлен среди борьбы партий (V, 66: *οἱ ἄνδρες ἐστασίασαν περὶ δυνάμεως*); оказавшись слабее противников, он становится во главе демоса (*ibid.*: *ἐσσομένους... τὸν δῆμον προεταρτίζεταί* и т. д.); реформа фил получает свое объяснение (хотя и своеобразное³: *ἵνα μὴ ἀρίται αἱ ἀδταὶ ἔωσι*

² Бузескул В. П. Афинская Полития Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в. Харьков, 1895. С. 201 (по поводу рассказа Геродота о Писистрате): «Затем и у Геродота, и у Аристотеля говорится о трех партиях и их вождях. Но есть разница в оттенках и подробностях: Аристотель поясняет, откуда произошли названия партий и к чему стремилась каждая из этих партий; он отмечает, кто примыкал к партии Писистрата и по каким побуждениям, причем упоминает о произведенном после низвержения тирании диансефизме. У Геродота ничего этого нет».

³ Р. Ю. Виппер склонен придавать некоторое значение этому объяснению Геродота; см.: Виппер Р. Ю. История Греции в классическую эпоху. М., 1916. С. 161: «Весьма реальный мотив реформы

φύλαι καὶ ἴσως — V, 69); наконец, он прямо назван основателем демократии (VI, 131: Κλεισθένης τε δὲ . . . τὴν δημοκρατίαν Ἀθηναίῳι καταστήσας). Все это — данные, говорящие гораздо больше, чем отмеченные выше малопонятные указания в рассказе о Солоне.

Очевидно, деятельностью Солона Геродот интересуется очень мало. Он рассказывает о нем как о законодателе и мудреце (I, 30: σοφίης τῆς αἰῆς), ссылаясь в одном месте на его стихотворение (V, 113: τὸν Σόλῳν . . . ἐν ἑκαεταίρῳ), но ничего не говорит о сисахфии или преобразовании государственного строя Афин.⁴

Можно ли этот вывод распространить на историческую традицию в V в. вообще? Можно ли сказать, что слабый интерес, проявляемый Геродотом к государственной деятельности Солона, характерен вообще для V в.?

На этот вопрос можно, кажется, ответить утвердительно. Геродот был в близких отношениях с руководящими кругами афинской демократии (самим Периклом⁵). Если бы в Афинах его времени часто вспоминали о Солоне как о родоначальнике этой демократии, он не мог бы оставаться глухим ко всему тому, что передавалось бы на этот счет.

В связи с неоднократно отмечаемой склонностью Геродота передавать известия в форме, благоприятной дому Алкмеонидов, к которому со стороны матери принадлежал Перикл, возникает, однако, подозрение, не замалчивает ли он заслуг Солона, чтобы представить Клисфена, члена этого дома, основателем демократии в Афинах.⁶ Подозрение это вряд ли основательно. Прежде всего, самое соперничество Алкмеонидов с Солоном кажется маловероятным: мы ничего не знаем о каком-нибудь знатном роде, который, оспаривая у Алкмеонидов их преобладающее положение в Афинах, возводил бы свое происхождение к Солону.⁷ Кроме того, разделенные значительным промежутком времени, Солон и Клисфен могли, ничем не мешая друг другу, считаться один — ос-

выдвигает Геродот. . . Совершенно так же, как старший Клисфен из нерасположения к дорянам отменил в Сикионе общедорийские названия фил, и младший Клисфен, презиравший ионийцев, уничтожил в Аттике ионийские названия фил. . . По-видимому, здесь крылся очень определенный поворот внешней политики. Писистратиды тяготели к ионийскому миру. . . Алкмеониды за время своего изгнания завязали отношения в совершенно другой стороне».

⁴ *Macan P. W.* Herodotus, the fourth, fifth, and sixth books. V. II. Appendix IX, § 6. P. 129: To the «father of history» Solon is the sage and moralist rather than the legislator and statesman.

⁵ *Stein H.* Einleitung // Herodotos / Erklärt von H. Stein. Berlin, 1869. S. XXIV: «Dass Herodot zu Perikles selbst dem leitenden Mittelpunkt dieses Staats- und Kunstlebens, in ein näheres Verhältnis gekommen, kann nicht bezweifelt werden».

⁶ Каких-нибудь признаков скрытой полемики с чужими взглядами у Геродота (в главах, посвященных Солону) уловить нельзя (на возможность такой полемики намекает Мекен — *Macan P. W.* Op. cit.).

⁷ Род Кодридов не выступал в качестве соперника рода Алкмеонидов.

нователем, другой — восстановителем, новым основателем, афинской демократии. Но если даже считать, что воспоминания о предшественнике Клизфена были почему-либо неприятны Алкмеонидам, то и в таком случае предполагаемое умышленное умолчание Геродота трудно объяснимо. Из многих мест его истории ясно видно, что он не упускает случая возвеличить Алкмеонидов, подчеркнуть их заслуги, оправдать их от обвинений. Последнее характерно: Геродот старается опровергать враждебные Алкмеонидам рассказы, а не замалчивать их. Примером может служить рассказ VI книги о сигнале, данном персам после марфонской битвы (гл. 115 — конец; гл. 121—124): Геродот передает слух о том, что этот изменнический сигнал был дан Алкмеонидами (115: αἰτίνῃ δὲ ἔσχε 'Αθηναίοισι ... τοῦτους (т. е. Алкмеониды) συνθεμένους τοῖσι Πέρσῃσι ἀναδέξαι ἀσπίδα); он опровергает этот слух указанием на вражду Алкмеонидов к тиранам (121: φαίνονται μισοτύραννοι εἶντες); не довольствуясь этим, ставит вопрос, не имели ли Алкмеониды какого-нибудь повода быть недовольными своими согражданами (124: ἀλλὰ γὰρ ὥς τι ἐπιμερόμενοι 'Αθηναίων τῷ δήμῳ προεδίδουσαν τὴν πατρίδα); приводя довод и против этого (ibid.: οὐ μὲν ὦν ἦσαν σφεων ἄλλοι δοκιμώτεροι ἐν γῇ 'Αθηναίοισι ἄνδρες), он только тогда решается категорически отвергнуть слух (ibid.: οὕτω οὐδὲ λόγος αἰρεῖται ἀναδεχθῆναι ἔκ γε αὖν τοῦτων ἀσπίδα ἐπὶ τοιοῦτῳ λόγῳ).⁸

Замалчивать подобные слухи было, несомненно, больше смысла, чем предания о деятельности древнего законодателя, и все же Геродот этого не делает. В той же VI книге, далее, можно найти пример того, как относился он к соперникам Алкмеонидов в их притязаниях на славу основателей демократического строя в Афинах. В одной из тех глав, в которых Геродот рассуждает по поводу обвинения Алкмеонидов в сношениях с персами (123), он высказывается в том смысле, что Алкмеониды с большим правом могут считаться освободителями Афин от тиранов, чем Гармодий и Аристогитон (καὶ οὕτω τὰς 'Αθήνας οὗτοι ἦσαν οἱ ἐλευθερώσαντες πολλῶ μᾶλλον ἢ περ 'Αρμόδιός τε καὶ 'Αριστογείτων); это — его личное мнение (ὡς ἐγὼ κρίνω); обосновывается оно тем, что подвиг Гармодия и Аристогитона остался без последствий (οὐδὲ τι μᾶλλον ἔπαυσαν τοὺς λοιποὺς τυραννεύοντας), тогда как Алкмеониды действительно освободили государство ('Αλκμεωνίδαι δὲ ἐμφανέως ἠλευθέρωσαν). В другом месте (V, 55) Геродот, хотя и кратко, говорит о самом убийстве Гиппарха двумя друзьями. Еще раз мы убеждаемся в том, что Геродот предпочитает разобрать известие, с которым он несогласен, чем скрыть его.

Следует, по-видимому, признать, что в 29-й главе I книги Геродота мы имеем приблизительно все то, что обычно в его время рассказывали о деятельности Солона. С его именем связывали происхождение законов, о нем ходили разнообразные рассказы, характеризовавшие его как мудреца и, мо-

⁸ Другой пример: Геродот рассказывает о святотатстве Алкмеонидов и только отмечает, что Клизфен в нем не участвовал (V, 70 сл.).

жет быть, поэта и полководца.⁹ Текст Геродота не сохранил не только никаких признаков более или менее детального знакомства с государственными установлениями Солона (что само по себе было бы понятно, так как отдельные черты уже отжившей конституции могли бы быть восстановлены лишь путем обращения к документальным данным), но и никаких следов интереса к той стороне деятельности Солона, которая должна была сильнее всего взволновать народные массы, так как касалась их насущных интересов, — его преобразований в сфере социально-экономических отношений, объединяемых под именем сисахфии. Последнее с первого взгляда несколько непонятно. Что Солон произвел реформы, глубоко затронувшие социально-экономические отношения в современной ему Аттике, не подлежит никакому сомнению. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить несколько ярких строк из сохранившегося отрывка его стихотворения, в которых он напоминает о таких результатах своей деятельности, как возвращение на родину проданных в рабство и бежавших из нужды, освобождение томившихся в рабстве на родине (*Hiller-Crusius. Anthologia Lyrica. Lipsiae, 1913. Solon. Fr. 32, v. 8—15*).

Но, судя по собственным словам Солона, он не удовлетворил тех, в пользу кого были направлены его меры: они смотрят на него враждебно (fr. 30—31, v. 4—5: οὐδὲ μοι χολοῦμενοι | λοῖδ' ὀφθαλμοῖσ' ὀρῶσι πάντες ὥτε δῆϊον); на него нападают, и он принужден защищаться, оправдывать себя (fr. 3.28. 29. 32. 32a. 32b). Уже непосредственно вслед за проведением реформ, таким образом, оказалось недовольство им и его делом, объясняющее, почему он не сделался героем афинского демоса. Впоследствии у демоса появляются вожди, которые в противоположность Солону умеют удерживать за собой его расположение: Писистрат, сумевший упрочить свою власть и оставивший после себя хорошую память даже после изгнания тиранов (Hdt. I, 59: ἐνεμε τὴν πόλιν καλῶς τε καὶ εὖ; Arist. Athen. Pol. 16, 7: πολλὰκις ἐθρόν' ἔλουν ὡς ἡ Πεισιστράτου τυραννὶς ὃ ἐπὶ Κρόνου βίος εἴη); Клисфен, положивший новое начало демократическому строю, который после него непрерывно развивался. Не признанный современниками, Солон как политический деятель не мог интересоваться и ближайшие поколения, имевшие своих героев, и был почти забыт.¹⁰ Некоторые следы и отголоски его деятельности остались — термин *σεισάχθεια*, связанный, быть может, с каким-нибудь ре-

⁹ См.: Кратин, младший современник Геродота (Diog. L. I, 62):

οἱκῶ δὲ νῆσον, ὡς μὲν ἀνθρώπων λόγος,
ἐσπαρμένος κατὰ πᾶσαν Αἰάντος πόλιν.

Вероятно, уже в V в. приписывали покорение Саламина Солону, если уже Кратин говорит о рассеянии его праха по острову.

¹⁰ *Vinaver P. Ю.* Указ. соч. С. 137: «Тут еще лишний раз можно убедиться в том, что афинское общество V века не сохранило никаких сведений о политической роли предшественников и основателей демократии».

лигиозным торжеством,¹¹ стихотворения,¹² но все это без живого воспоминания оставалось мертвым материалом.

Если с рассказами Геродота сравнить содержание тех глав «Афинской Политии» Аристотеля, в которых излагается история эпохи Солона (2, 5—12), то прежде всего нельзя не обратить внимания на обилие и рельефность данных Аристотеля. Вместо неопределенности и, в сущности, ничего не говорящего *κελεύσαι* у Геродота, у Аристотеля — рассказ о борьбе демоса со знатными, об отношении Солона к борющимся партиям, о вручении ему неограниченных полномочий для переустройства государства (гл. 5); вместо *ἦν δὲ αἱ τινὲς τῶν νόμων ἀναρχαὶ ἢ λῦσαι* — замечания об общих принципах реформаторской деятельности Солона (*passim*), о недовольстве им в обеих партиях, обманувшихся в своих ожиданиях (11, 2). Внешняя история законодательства и отъезд Солона из Афин переданы в общем в соответствии с Геродотом, но с некоторыми отступлениями от него (7, 1—2; 11, 1).¹³ Наконец, у Аристотеля целый ряд данных, на которые у Геродота мы не найдем никакого намека: картина бедственного состояния аттического демоса накануне реформ Солона (гл. 2), сведения о сисахфии (гл. 6), о существенных чертах нового государственного строя, установленного Солоном (гл. 3, 5, 7, 3—4, 8, 9), о монетной реформе (гл. 10). В разных местах у Аристотеля разбросаны замечания, свидетельствующие об особом интересе, который в его время возбуждала эпоха Солона. Здесь отголоски политических страстей: в гл. 6, 2 передаются две версии рассказа об обогащении друзей Солона, причем одна вводится словами «как говорят демократы» (*ὡς . . . οἱ δημοτικοὶ λέγουσι*), а другая — «как говорят желающие злословить», по-видимому, враги демократического строя¹⁴ (*ὡς δ' οἱ βουλόμενοι βλασφημεῖν*); следы споров по тому или иному вопросу, касающемуся конституции Солона: в гл. 7, 4 сопоставлены, например, два мнения относительно ценза всадников, установленного Солоном. Очевидно, в течение столетнего промежутка времени, который разделяет эпохи Геродота и Аристотеля, взгляд на Солона сильно изменился. Для IV в.

¹¹ По У. Виламовицу (*Wilamowitz U. von. Aristoteles und Athen. Berlin, 1894. Bd II. S. 62*), *ἡ σεισάχεια* — самая реформа, *τὰ σεισάχεια* — празднество.

¹² Сюда же следует присоединить и некоторые конституционные законы Солона, еще не вышедшие из употребления (см. закон о назначении казначеев богини Афины: *Arist. Athen. Pol. 8, 1; 47, 1*).

¹³ Разногласие между Аристотелем и Геродотом: у последнего афиняне клянутся исполнять законы Солона в течение 10 лет, у первого — в течение 100 (7, 1—2). У Аристотеля, кроме того, сообщаются подробности о записи законов на кирбы (*κέρβεαι*), о клятве архонтов (7, 1).

¹⁴ Бузескул В. П. Указ. соч. С. 246: «Сам Аристотель не раз упоминает о версии, принадлежащей, очевидно, врагам демократии — олигархам, и противопоставляет ей другую версию — демократическую. Так, по поводу известного поступка Солоновых друзей . . . Аристотель говорит о некоторых, пытающихся оклеветать Солона. . . Им противопоставляются приверженцы демократии. *οἱ δημοτικοί*, и их версия».

он уже не отвлеченный мудрец и законодатель, а вполне реальный государственный деятель.

Он — общепризнанный родоначальник афинской демократии: его называют ее основателем (Arist. Polit. II, 9, 2: δημοκρατίαν καταστήσαι τὴν πατρίον; Isocr. Ageor. 16: ἐκείνην τὴν δημοκρατίαν . . . ἣν Σόλων . . . ὁ δημοτικώτατος γενόμενος ἐνομόετρε; ibid. 59: о Солоне и Клисфене — οὐς οὐδεὶς ὅστις οὐκ ἂν ὁμολογήσειε δημοτικωτάτους γεγενῆσθαι τῶν πολιτῶν; Demosth. De corona 6: Σόλων, εὐνοὺς ὧν ὅτιν καὶ δημοτικός); рассуждают о демократических элементах в его конституции (Athen. Pol. 9, 1: δοκεῖ δὲ τῆς Σόλωνος πολιτείας τρία ταῦτ' εἶναι τὰ δημοτικώτατα); демократы защищают его от нападков противников (Athen. Pol. 6, 2). Подобное отношение к Солону обнаруживается не только в исторических произведениях, преследующих интересы знания («Афинская Полиция»¹⁵), но и в таких, которые предназначены служить каким-нибудь чисто практическим целям, например в судебных речах. По-видимому, мы имеем дело с изменением во взглядах на Солона у афинского общества в целом.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЛОНА

I. До конца V в. в греческой исторической традиции почти не видно интереса к государственной деятельности Солона (Геродот).

II. В эпоху государственных переворотов конца V в. подобный интерес впервые пробуждается. На первых порах, однако, история играет служебную роль, придавая лишь освящение древности построениям политиков (Исократ).

III. С IV в. можно констатировать бескорыстный интерес к эпохе Солона. Последняя становится предметом исторических исследований. Для исторических построений пользуются: данными, заимствованными из стихотворений Солона; этимологическим толкованием «прозрачных» терминов; результатами наблюдений над переживаниями в современном строе; указаниями в законах Солона (Аристотель, Плутарх).

СОЛОН — МУДРЕЦ И ЧЕЛОВЕК

I. Солон как мудрец привлекает к себе внимание греков в продолжение всего периода древней истории. О нем ходят разнообразные рассказы, которые неоднократно пересказываются, причем каждый автор перерабатывает их по-своему (Геродот, Диодор, Плутарх). В некоторых случаях можно установить самый повод, по которому возникают подобные рассказы (связь со стихотворениями Солона, этимологические сближения, политическая тенденция и др.).

II. С IV в. делаются попытки изучения подлинной личности Солона по его стихотворениям (Аристотель, Плутарх).

¹⁵ Там же. С. 166: «Им (т. е. Аристотелем в «Афинской Политии») руководили . . . прежде всего — интересы знания».

Как результат обращения к первоисточникам по истории эпохи Солона (стихотворениям, документам) и занятий хронологией возникает некоторая критика новеллистической традиции.

^д А. И. Доватур имеет в виду сочинение Гесихия Милетского «О прославленных людях».

^е Сравни с. 118.

^ж Отточие здесь и чуть ниже означает небольшой пропуск текста во избежание повторения (образцы не снятых сливок, не вытянутой сеги; ниже — волк и собака, еще ниже — гнев Зевса как весенняя гроза).

^з Подробно об этом аспекте творчества Солона см. далее, гл. III, с. 104.

^и Литература, в которой обсуждается вопрос о родине Феогнида, приводится на с. 36, примеч. 1. В начале того же раздела гл. I обстоятельно рассматриваются различные мнения о времени жизни мегарского поэта.

^к В архиве находится тетрадь (1969 г.) с конспектом по истории Мегар (9 л. с оборотами), составленным на основе соответствующего раздела в статье Эрнста Мейера (RE. XV. Sp. 179—198).

ГЛАВА I. СОЦИАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ ПОЭТА

ФЕОГНИД И CORPUS THEOGNIDEUM

^а Авторское заглавие «Феогнид Мегарский» (ср. ниже, с. 142 сл., примеч. а к с. 64); см.: ВДИ. 1970. № 2. С. 41—59. В нашем комментарии к настоящему и последующему разделам приводятся выдержки из статьи «Theognis von Megara und sein soziales Ideal» («Феогнид Мегарский и его социальный идеал»): Klio. 1972. Bd 54. S. 77—89 (перевод на немецкий яз. Б. Функа). Русский оригинал статьи не сохранился, поэтому выдержки приводятся в обратном переводе А. К. Гаврилова. Ближе всего немецкая статья отражает работу «Феогнид и Мегары», но иногда опирается на «Феогнида Мегарского» и другие исследования А. И. Доватура. В комментарии использованы только те части немецкой статьи, в которых наблюдаются отличия в мотивировках или более подробная разработка темы. Орывки из статьи в «Клио» цитируются следующим образом: указывается немецкое название журнала и страница.

^б Klio. S. 82. Anm. 20: «В. Шрефен (Steffen W. Zur Geschichte Megaras im sechsten Jahrhundert v. u. Z. // Neue Beiträge zur Geschichte der Alten Welt / Hrsg. von E. Ch. Welskopf. Berlin, 1964. Bd I, S. 297) говорит, что у Феогнида ἀγαθός и κακός превратились из социальных понятий в политические: „призванный, способный властвовать“/„неспособный к власти“. Предлагаем рассматривать это толкование как оттенок соответствующих слов, восполняющий старое понимание».

^в Klio. S. 84: «В словах ὦν μεγάλη δύναμις (34) время от времени видят доказательство того, что некоторые дидактические стихотворения Феогнида возникли еще до того времени, когда аристократия потеряла свое политическое значение, раз „великая сила“ приписывается здесь „добрым“. Между тем по общему смыслу стихотворения здесь высказывается почитание „добрых“, а не тех, что теперь находятся у власти. Параллель находим у Солона (№ 5, 3); она

показывает, что речь идет о самом верхнем социальном слое. Различие же между обоими состоит в том, что Солои как реальный политик, своими реформами способствовавший ослаблению политического престижа этого слоя, говорит о его былом всемогуществе, между тем как Феогнид, называя этих людей всемогущими, вкладывает в это выражение не строго понятийное, а скорее глубоко эмоциональное содержание».

^а Klio. S. 83. Anm. 22: «Обычно 39—52 объединяются в одно стихотворение. На два стихотворения делили эти стихи Й. Кроль (*Kroll J. Theognis-Interpretationen // Philologus. Leipzig, 1936. Suppl. XXXIX. N. 1. S. 124 f.*) и Ван Гронинген (*Van Groningen. Ad loc.*). Нам такое разделение представляется неоправданным».

^б Klio. S. 83. Anm. 25: «В этих народных вождях Вердениус (с. 354) видит не представителей аристократии, а *les nouveaux riches*».

^в Автор исходит из конъектуры *καχός*, принимаемой в ст. 682 большинством издателей. Действительно, конъектура очень правдоподобна. В переводе «Приложения» воспроизводится тем не менее принятое в издании Янга чтение *καχόν*, даваемое всеми рукописями.

^ж У А. И. Доватура осталась, как видим, неуверенность при истолковании *πρῆρται*. Решаясь высказать предположение: «носовиком», помогающим кормчему, естественно было бы назвать «впередсмотрящего», в ком нуждались даже во флоте первой половины XX в.

КОНСЕРВАТИВНАЯ МЫСЛЬ И МЕНЯЮЩАЯСЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

^а Авторское заглавие «Феогнид Мегарский». Рукопись. 30 л., частично с оборотами, в трех тетрадах. Работа выполнена не ранее 1965 г., но, по-видимому, до 1969 г., когда под таким же названием была сдана статья; см.: ВДИ. 1970. № 2 (см. выше, гл. I, с. 36). В комментарии используются выдержки из немецкой статьи автора (см. комментарий *а* к с. 141).

^б Klio. S. 86: «Умонастроение поэта, устремленное в прошлое, то и дело накладывает отпечаток на его образы (сравнения, аналогии). Независимо от того, насколько актуальным было для современников упоминание печальной участи Магнезии, Смирны, Колофона (603—604, 1103—1104), попавших в VI в. под власть персов, поэт еще более обнаруживает свою устремленность в прошлое, когда вспоминает даже киммерийские и лидийские времена».

Действительно, несчастья названных выше городов начались много раньше их покорения персами. Магнезия была разрушена киммерийцами еще в середине VII в. (*Bürchner. Magnesia 2 // RE. Bd 14. Sp. 471*). Смирну взял лидиец Садият или сын его Алиатт ок. 585 г. до н. э. (*Bürchner. Smyrna 3 // RE. 2 R. Bd 3. Sp. 745*). Колофон был покорен лидийцем Гигом примерно в середине VII в. (*Bürchner. Kolophon // RE. Bd 11. Sp. 1117*). Современная наука склоняется к истолкованию намеков Феогнида на несчастья этих городов то в связи с персидским нашествием, то с бедами, которые были причинены со стороны киммерийцев или лидийцев (*Jacoby F. Op. cit. P. 139 f., Frisch H. Op. cit. P. 206 f.*). Впрочем, вполне допустимо считать, что поэт имеет в виду как позднейшие, так и более ранние события.

^в Klio. S. 87: «Весьма интересно в занимающей нас перспективе стихотворение, в котором поэт в обстановке пирушки призы-

вает своих друзей предаваться забавам, напоминая им о быстротечности юных дней (983—988). Здесь поэт приводит два сравнения. Одно краткое: юность проносится быстро, как мысль (*ὥστε νόημα*). Зато второе сравнение дается развернуто: кони, которые стремительно несут своего господина навстречу противнику. Ван Гронинген (ad loc.) собрал материал, показывающий, что сравнение содержит эпические реминисценции, не давая, впрочем, единой эпической картины. Здесь важно, что для своего гиперболического сравнения поэт наряду с „мыслью“ вводит образ колесницы, на которой воин устремляется в бой. Правда, слово „колесница“ прямо в стихах не произнесено, однако на присутствие колесницы указывает множественное число в слове „кони“ (*ἵππων*) при единственном числе в отношении „владыки“ (*ἡναικτα*).

Характерная для гомеровских времен боевая колесница в Греции VI в. уже не использовалась. В историческое время употребление колесниц засвидетельствовано только в Кирене и на Кипре (*Droysen H. Heerwesen und Kriegsführung der Griechen. Freiburg i. Br., 1889; Bauer A. Die Kriegsaltertümer // Müller I., Bauer A. Die griechischen Privat- und Kriegsaltertümer. München, 1893. S. 298. Anm. 1; S. 406. Anm. 2*). Феогнид ни в Кирене, ни на Кипре не бывал. Поэт, конечно, не думает сейчас о явлении, сохранившемся где-то на периферии греческого мира.

Также и слово *ἡναιξ* во времена Феогнида употреблялось только применительно к богам («владыки»), здесь же наполнено содержанием, присущим ему в гомеровскую эпоху — „господин“ (применительно к героям), что было давно утрачено живым греческим языком. Недаром в своей „Кипрской Политии“ Аристотель (fr. 526 Rose) говорит о бытовании слова *ἡναιξ* на Кипре при обращении к сыновьям и братьям царя как о явном пережитке.

Таким образом, мегарский поэт использует для своего сравнения мотив гомеровских времен, ясно представляя себе бег боевой колесницы и стараясь сделать эту картину особенно наглядной для слушателя (читателя) благодаря употреблению презентов — *τίματα*, *φέροντα* (о колесницах см.: *Блаватская Т. В.* Ахейская Греция во втором тысячелетии до н. э. М., 1966. С. 81; *Saglio R. Currus // Dictionnaire des antiquités. T. 1, 2. P. 1035*).

Только что проанализированное сравнение бросает свет на еще одно стихотворение Феогнида. Подводя безрадостный итог своей политической деятельности, поэт сравнивает себя со львом, который сумел поймать молодого оленя, но крови его не выпил; далее — с воином, который взобрался на высокую степу, но города не разрушил; наконец, с человеком, который коней запряг, но на колесницу не поднялся: *σεῦξίμενος δ' ἵππους ἄρματος οὐκ ἐπέβη* (952). Первые два мотива указывают на некие враждебные действия (лев — олень, воин — осажденный город). Такой контекст помогает нам соответствующим образом истолковать и третий мотив: перед нами вои́н, который должен подняться на колесницу, однако этого не сделал. Опять для сравнения взят архаичный мотив, восходящий к эпическим временам, столь милым сердцу поэта.

В переводе Ф. Ф. Зелинского (*Софокл. Драмы. М., 1915. Т. II. С. 127*) эти стихи звучат так:

Не бойся; пусть от матери я третьей
Тройным рабом предстану пред тобой —
Ты благородной как была, так будешь.

ГЛАВА II. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В МЕГАРАХ ФЕОГНИД И МЕГАРЫ

^a Статья опубликована: ВДИ. 1971. № 3. С. 38—46. В комментарии используются выдержки из немецкой статьи А. И. Доватура (см. комментарий на с. 141).

^b Klio. S. 87: «Также не вполне удовлетворительно и толкование стихов об опустошении Лелантской долины (891—894): даже при датировке соответствующих событий 506 г. до н. э. (что далеко не безусловно) стихи эти содержат все-таки некоторые аллюзии на войны VII в. Дело в том, что увязывать опустошение Лелантской долины с покорением Халкиды афинянами в 506 г. (Hdt. V, 77) мешают имена „Керинф“ и „Кипселиды“. О разрушении города Керинфа афинянами мы ничего не знаем, а называть „Кипселидом“ афинского полководца Мильтиада можно только с натяжкой (см. материал в работах: Harrison E. Op. cit. P. 294; Carrière J. Théognis. P. 124). Скорее всего, как предполагает Каррьер, перед нами — соединение реминисценций о Лелантской войне VII в. и об афинской экспедиции 506 г. до н. э.»

^c Klio. S. 84: «Феогнид сам же дает нам оружие против себя, именно против оправданности столь резкого разделения на *ἀγαθοί* и *κακοί* в реальной жизни тех дней. Из собственных произведений поэта не видно, чтобы это разделение было основополагающим в мегарском обществе. . . В целом ряде стихотворений Феогнид говорит о материальном неравенстве, делении на бедных и богатых, которое, однако, не совпадает с делением на благородных и неблагородных».

^d Klio. S. 86. Anm. 29: «В сознании поэта все еще живет грань между „добрыми“ и „дурными“, в действительности значительно стершаяся, а в сознании молодых аристократов и вовсе исчезнувшая. Поэт упрямо держится своей антидемократической позиции *οὐτ' ἐπὶ δῆμῳ | τρέφας οὐτ' ἀδικοῖς ἀνδράσι παρθένους* (947—948). Ван Гронинген вряд ли прав, полагая, что под *ἀδικοῖς ἀνδρες* здесь подразумеваются аристократы, с политической позицией которых поэт не согласен; скорее — это те „вожди народа“, которым поэт противопоставит (ср. 1023—1024, где можно предполагать сходное содержание); поэт, таким образом, противится тому, чтобы признать совершившиеся факты, и противопоставляет сегодняшнему дню день не вчерашний только, но позавчерашний».

СОЦИАЛЬНЫЙ ПЕССИМИЗМ ПОЭТА

^a Авторское заглавие: «Пессимизм Феогнида». В архиве хранятся шесть тетрадей с этим названием, в которых находятся как черновые варианты, так и окончательный текст (2 тетради, 18 л. с оборотами), представляющий собой доклад, прочитанный на заседании кафедры классической филологии ЛГУ в сентябре 1978 г.

^b В переводе А. И. Доватура выпало *γυνώσκοντα* в ст. 669, хотя добавленное по смыслу «все» показывает, что он, в согласии с Ван Гронингеном, придерживался понимания этой формы как асс. sing.

СУДЬБА ИЗГНАННИКА (АРГИРИДА: 1211—1216)

^a Авторское заглавие: «Аргирида (Феогнид 1211—1216)». Статья опубликована в кн.: Аптичность и современность. М., 1972. С. 223—229.

⁶ В этом экскурсе можно увидеть фрагмент интенсивной работы автора над корпусом эпитафий Пэка (Griechische Vers-Inschriften / Hrsg. von W. Peek. Bd I: Grab-Epigramme. Berlin, 1955), основным результатом которой является «Опыт указателя к греческим эпитафиям», в настоящее время подготавливаемый к изданию.

ГЛАВА III. МИРОВОЗЗРЕНИЕ ФЕОГНИДА И ЕГО СОВРЕМЕННИКОВ

НАСЛЕДСТВЕННАЯ ВИНА ПО СОЛОНУ, ФЕОГНИДУ, ЭСХИЛУ

^a Статья опубликована: Язык и литература античного мира // *Philologia classica*. Л., 1977. Вып. 1. С. 36—45.

^b Имеется в виду некоторое созвучие Theogn. 591 sqq. и Ног. I, 3, 1 sqq.

АРХИЛОХОВ *ῥοσφόρ* У ФЕОГНИДА (591—594)

^a Авторское заглавие: «Феогнид 591—594». В архиве находятся блокнот и тетрадь с первоначальными набросками, а также тетрадь с окончательным текстом (12 л. с оборотами). Написано не ранее 1975 г. Текст представляет собой не столько оригинальный тезис, сколько методическое упражнение, этюд в прямом смысле слова, возможно, предназначавшийся для семинарских занятий.

^b В переводе Вересаева (Эллинические поэты, с. 217) фр. 67а Архилоха (*Anth. Lyr. III Diehl*) звучит так:

Сердце, сердце! Грозным строем встали беды пред тобой.
Ободришь и встретишь их грудью, и ударим на врагов!
Пусть везде кругом засады — твердо стой, не трепещи.
Победишь — своей победы напоказ не выставляй,
Победят — не огорчайся, запершись в дому, не плачь.
В меру радуйся удаче, в меру в бедствиях горюй,
Познавай тот ритм, что в жизни человеческой сокрыт.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПОЛЕМИКА О ЦЕННОСТИ ЖИЗНИ (СОЛОН И МИМНЕРМ)

^a Статья опубликована в кн.: Традиция и новаторство в античной литературе. Л., 1982. С. 55—62. (*Philologia classica*; Вып. 2).

ПОЗИЦИЯ ФЕОГНИДА В РЕЛИГИОЗНЫХ ВОПРОСАХ

^a Рукопись лекции или доклада. 13 л., частично с оборотами. 22 с. авторской пагинации. Не ранее 1975 г. В архиве находится также тетрадь, содержащая существенно отличающийся от публикуемого первоначальный набросок текста.

^b См.: *Van Groningen*. Ad loc.

^c Имеются в виду знаменитые, часто с наивной прямолинейностью, которая так мало подходит к драматической форме, толкуемые стихи из Еврипидова «Беллерофонта» (TGF Nauck² Eur. 292, 7):
εἰ θεοὶ τι δρῶσιν ἀσχερὸν, οὐκ εἰσὶν θεοί.

^a Тезисы доклада «Феогнид Мегарский и его социальные идеалы». Машинопись. 3 л. 15 июня 1969 г. В комментарии приведены выдержки из немецкой статьи А. И. Доватура (см. комментарий на с. 141).

^b Klio. S. 77—78: «В настоящее время существуют три теории в пользу унитаризма, рассматривающие феогнидов вопрос с различных точек зрения и с опорой на различные аргументы. Первая принадлежит автору книги, посвященной вопросам подлинности произведений греческой литературы (*Dornseiff F. Echtheitsfragen antike griechischer Literatur*. Berlin, 1939. S. 6 ff.). Дорнзайф отыскивает известные смысловые связи между стихотворениями Феогнидова сборника. Вплоть до Дорнзайфа ведущей линией сборника объявлялись взаимоотношения поэта с Кирном и перипетии этих отношений. Против такого представления в своей рецензии на работу Дорнзайфа выступал А. фон Блюменталь: *Blumenthal A. von. Gnomon*. Bd 19 (1943). S. 289 ff. Последний, впрочем, не столько опроверг, сколько высмеял эту версию. О смысловых связях другого рода, а именно о свободных ассоциациях, говорит В. Вердениус (*Verdenius W. J. L'association des idées comme principe de composition dans Homère, Hésiode et Théognis* // REG 73 (1960). P. 352 suiv.).

Вторая теория излагается в книге, занимающейся вопросом о взаимодействии права и насилия в античности (*Frisch H. Might and Right in antiquity* / Transl. by C. C. Martindale. Copenhagen, 1949. Vol. 1. P. 221 ff.). Здесь высказана мысль о том, что один автор мог создать два сборника стихов, причем оба эти сборника объединились в одну, а именно первую, книгу Феогнидова сборника.

Третья теория выдвинута в специально Феогниду посвященном исследовании (*Young D. Borrowings and self-adaptations in Theognis* // *Miscellanea critica*. Leipzig, 1964. P. 307 ff.). Согласно этой теории, Феогнидов сборник — нечто вроде записной или рабочей книжки поэта, в которую попадали наряду с готовыми произведениями, написанными в разное время, также и необработанные внутри, наброски, варианты собственных и чужих стихов, а то и чужое духовное достояние в неизменном виде.

^c Klio. S. 78: «Два крупнейших представителя науки о классической древности заняли прямо противоположные позиции в вопросе о том, как отразилась в творчестве Феогнида современная ему историческая действительность. Ф. Кауер в своей известной книге о партиях и политиках в Мегарах и в Афинах (*Cauer F. Parteien und Politiker in Megara und Athen*. Stuttgart, 1890) создавал внутриполитическую историю мегарского государства на определенном отрезке времени, исходя преимущественно из того, что Феогнид говорит в своих стихах о мегарских „партиях“ (лучше сказать, группировках), их идеалах, о борьбе между ними.

С другой стороны, Р. Рейтценштейн в своей не менее известной книге об эпиграмме и сколии (*Reitzenstein R. Epigramm und Skolion*. Gießen, 1893. S. 273) утверждает, что мы не получаем от Феогнида никаких исторических сведений. Надо заметить, что в науке последняя точка зрения поддержки не встретила».

Феогнидов сборник *

В исследовании А. И. Доватура перевод учитываемых при анализе стихов Феогнида дается не всегда, хотя есть ссылки почти на все, а имеются в виду безусловно все стихотворения как порознь, так и в целом. Именно поэтому ниже прилагается полный перевод первой, основной книги Феогнидова сборника. Удивительно, что полного перевода на русский язык этого катехизиса языческой аристократической морали до сих пор не существует. Фигурирующий нередко в библиографиях прозаический перевод английского перевода Феогнида, как мы догадываемся, существовал только в качестве печатно объявленного намерения.¹

Важной вехой в освоении Феогнида были два стихотворных перевода, выполненных Адрианом Пиотровским² и В. В. Вересаевым.³ Оба перевода появились в 20-е годы, что говорит уже само за себя (примечательно, что к тому же времени восходит интерес к этому поэту у А. И. Доватура). Однако оба перевода очень избирательны: А. Пиотровский перевел немногим более четверти всего сборника, а Вересаев — около половины (подряд только ст. 1—226). В последние десятилетия эти две подборки пополнились — в переводе С. Е. Апта — изрядной частью как раз не освоенных прежде стихов (около трех десятков стихотворений).⁴ Отдельные стихотворения Феогнидова сборника имеются также в переводах В. Иванова, Г. Ф. Церетели, Л. Блуменау и др.⁵ В итоге переведена метрически большая часть сборника, но в разное время и различными переводчиками, исходившими не только из различной филологической ситуации и переводческих устремлений, но и из различного

* Перевод А. К. Гаврилова.

¹ Нередко указывают на издание: Древние классики для русских читателей / Пер. с английского. Сер. классиков В. Коллинза; Гезиод и Феогнид / Пер. Л. Воеводского. Изд. В. Ковалевского. Спб., 1876. Нам удалось обнаружить лишь проспект серии «Древние классики для русских читателей в 20 томиках, 1876» (ГПБ: 8.107.8. 381).

² Феогнид из Мегар / Пер. А. Пиотровский. Изд. «Петрополис». Петербург, 1922.

³ 1-е изд.: Сочинения В. В. Вересаева. М., 1929. Т. X; то же в кн.: Эллинские поэты в переводах В. В. Вересаева. М., 1963.

⁴ См.: Парнас: Антология античной лирики. М., 1980. Этот сборник дает наиболее полную из существующих подборку стихов Феогнида в русских переводах.

⁵ См., например: Греческая литература в избранных переводах / Сост. В. О. Ниландер. М., 1939.

общественного опыта, что существенно для восприятия такого поэта, как Феогнид.⁶

Не ставя перед собой труднодостижимую цель согласовать наш подстрочник со всеми толкованиями А. И. Доватура, мы старались быть к нему по возможности ближе. В частности, и поэтому мы вслед за автором ориентируемся прежде всего на издание Янга с постоянным учетом комментария Ван Гронингена. Когда последний расходитсЯ с Янгом, что бывает особенно часто при определении границ стихотворений, приходится выбирать, руководствуясь собственным чутьем. Знаки † указывают, в соответствии с изданием Янга, на испорченные места греческого текста, толкование которых сугубо предположительно.

Что касается принципов настоящего прозаического перевода, то главной его целью было воспроизведение мысли подлинника. Именно потому, что он заранее уступает оригиналу в звучности и стремительности, прозаический перевод — в отличие от составительного и вольного по природе своей перевода поэтического — и может, и должен видеть свое основное достоинство как раз в этом роде точности. В настоящем случае особенно важна адекватность при передаче приближающихся к терминам слов социального лексикона: не достигая полной рекуррентности, или однозначного соответствия, таких выражений, мы все-таки к этому стремились.

В стилистическом отношении мы считали желательным намекнуть — разумеется, лишь условно — на тот своеобразный сплав гомеровских архаизмов и различных диалектных вкраплений, который характерен для языка греческой элегии. Эта шероховатость служит, на наш взгляд, и уходу от того, по слову О. Мандельштама, «переводного языка», который не пробуждает фантазию читателя, а, напротив, усыпляет его стилистическое чувство.

Иначе говоря, именно прозаический перевод своей неприязнательностью может помочь читателю, оказавшемуся в близости оригинала, этой близости не преувеличивать, но чувствовать, что идеи и нормы, отстаиваемые поэтом, весьма универсальны, если неопытному они кажутся банальностью, а зрелому — выстраданной ценностью.

ФЕОГНИДА МЕГАРСКОГО ЭЛЕГИИ. Книга I

Владыка, Латоны сын, Зевса рождение, тебя никогда 1
не забуду, начиная ли иль завершая,
напротив, первым тебя, последним и в середине
воспою, ты же внемли и даруй достойное.
Феб владыка! как родила богиня державная Латона, 5
за пальму тонкими держась руками,
тебя, из бессмертных прекрасного, у Круглого озера,
весь Делос беспредельный наполнился тогда
благовонной амврозии; и земля-великанша засмеялась,
и седая повеселела глубь пучины солсной. 10

⁶ За помощь в довольно громоздких выкладках, которые были необходимы для этой краткой оценки положения, мы признательны А. В. Сорокину.

Артемиду-зверобойца, Зевса дочь, ее же Агамемнон
почтил, в Троию быстрыми кораблями отплывал,
услышь мое моление, от злой оборони доли,
тебе это малость, богиня, а мне — великое.

Музы и Хариты, Зевсовы дочери, на Кадмову свадьбу 15
когда-то пришедшие, прекрасную песнь вы спели:
«Что красно — то и мило, а что не красно — то не мило» —
таково из бессмертных уст исшедшее слово.

Кирн, я-таки умудрюсь, чтоб стояла печать 20
на этих стихах, и не украдут их тайком,
не заменят худшим, когда есть достойное.

Так скажут люди: «Это Феогида стихи
Мегарца». Да только у всех людей прослывший,
согражданам своим не умею всем угодить.
И не диво, Полипайд, если и сам Зевс — 25
дождит ли, нет ли, а всем не угодит.

Благомысленный, тебе завещаю, что сам я,
Кирн, от добрых еще в детстве ведал:
рассудителен будь, в делах постыдных, неправедных
ни чести, ни доблести не ищи, ни состояния. 30

Это вот знай. А еще с дурными не знайся
мужами, но добрых держись всегда.

С такими ешь и пей, с такими же и
садись и таким будь угоден: велика их сила;
достойные и научат достойно, а с дурными 35
объединясь, утратишь и тот, что имеешь, разум.
Усвой это, с добрыми беседуй, — когда-нибудь скажешь,
что я хорошо советую своим друзьям.

Чревата, Кирн, наша родина — родит, боюсь, мужа, 40
что взыщет за злостную нашу дерзость.

Граждане — те еще здравы умом, зато вожди
готовы уж впасть во всяческое зло.

Никогда, Кирн, добрые мужи города не губили,
но когда дурные облагают, они
народ развратят, неправедным права отдадут 45
ради своей наживы и произвола.

Не мни, будто долго такой город устоит,
хотя бы теперь пребывал в тишине глубокой,
коль дурным мужам мила она стала —
нажива, остальным беду несущая, 50

а там и раздор, и мужей единоплеменных гибель,
а единовластие — этого да не пожелает город.

- Кири, город наш все тот же, а народ уж другой —
 тот, что, бывало, ни суда не знал, ни законов,
 и козьими шкурами укрывал себе бока, 85
 и за городом обитал, словно стадо ланей,
 нынче эти — добрые, Полипаид, а когда-то достойные —
 нынче худые. Кто стерпит, на это глядя?
 Друг друга обманывают, друг над другом насмехаясь,
 не различая мнений ни дурных, ни добрых. 80
 Ни одного из этих сограждан, Полипаид, другом не делай
 задумевшим, какая бы ни была надобность.
 Ты будь на словах другом для всех,
 а дела не поверяй никому сколько-нибудь
 важного — не то изведаешь душу жалких людей,
 как в делах у них верности никакой нет,
 зато хитрость, обман да козни они любят —
 как люди, которых уже не спасти.
- Никогда, Кири, доверчиво с дурным не советуйся,
 коль хочешь важное дело свершить, 70
 а пошел к достойному, так уж не жалей труда,
 чтоб и дальний путь, Кири, пенним совершить.
- И друзьям не всем сообщай, что делаешь, —
 из многих немногие верный имеют ум.
 Поменьше людям доверяя, великие предпринимай дела, 75
 не то неисцелимую, Кири, узнаешь печаль.
- Верный друг золота и серебра
 дороже в тяжком, о Кири, гражданском раздоре.
- Не многих найдешь мужей, Полипаид, чтоб друзьями
 верными в тяжких оказались делах — 80
 теми, кто единомысленным отважится духом
 и беду, и удачу равно делить.
- Хоть среди всех людей ищи — не наберешь столько,
 чтоб не забрал их всех один корабль,
 таких, чтоб у них в глазах, как и на языке, была 85
 совестливость и на скверное не влекла нажива.
- Ты меня не лелей словами, мысли и ум про себя оставляя,
 если меня любишь и верен умом.
 Или люби меня чистым умом, или отрекись
 и враждуй, явную затеяв ссору. 90
 А у кого язык один, а ум — иной, такой приятель
 лучше в грозных врагах, Кири, чем в друзьях.

Если кто хвалит тебя, пока на глазах,
а удалится — и уж иная ведется речь,
приятель этот не такой уж милый и достойный друг, 95
раз речи его благостны, а мысли — нет.
Нет, пусть таков будет мой друг, чтобы приятеля
приметив чувства, и тягостного сносил,
словно брата. Ты это, друг, в душу себе вложи
и когда-нибудь еще меня помянешь. 100

Никто, Кирн, да не убедит тебя полюбить дурного мужа,
что за прок от дурного мужа в дружбе?
Ни от тяжких трудов не оградит тебя, ни от ошибки,
а чем-нибудь стоящим поделиться не захочет.
Худых благодетельствовать — из благодеяний нелепейшее, 105
все равно что влагу седой засеять пучины, —
вбóды ли засеваешь — злаков не пожнешь высоких,
благодетельствуешь ли дурных — добра не получишь.
Ненасытен ум у дурных — ошибись однажды,
и дружелюбие их уж иссякло. 110
Не так у добрых: получив, почитают за великое,
о добре помнят и впредь благодарны.

Никогда мужа дурного другом-приятелем не делать,
всегда бежать его, как дурной пристани.
Много за едой да питьем приятелей бывает, 115
а в важном деле их поменьше.

Мужа поддельного распознать — ничего нет труднее,
и ничто вящей, Кирн, не требует осторожности.
В золоте и серебре поддельном ошибиться еще можно,
и доискаться, Кирн, мудрому нетрудно, 120
а вот не скрывается ли у друга в груди
ложь, и не хитрое ли у него нутро —
это волею бога подделать легко смертным,
а распознать хлопотнее всего,
ибо не распознаешь ты ума ни мужа, ни женщины, 125
пока не испытаешь, каковы в упряжке;
а ведь не угадаешь, хотя бы пришел в пору —
так часто мысль видимым обманута.

Ни в доблести не мечтай, Полипайд, выделиться,
ни имением; удача — вот что нужно мужам. 130
Ничего у людей, Кирн, лучше отца и матери
нет, когда дорожат правдой.

- Не от людей, Кирн, ошибки или пожива, —
 это боги податели и того, и другого;
 и ни один из людей, делая, не разумеет, 135
 добрый ли выйдет конец иль беда.
 Часто, затевая, опасался плохого, а вышло хорошо,
 а ждешь хорошего, так выйдет плохо.
 И никому из людей не бывает все, чего хочется,
 ибо держат пределы безысходности тяжкой; 140
 люди, мы только мним и ничего-то не знаем,
 а боги, те все вершат по уму.
- Ни один смертный, чужестранца, Полипайд, обманув
 иль умоляющего, бессмертных не убежал.
- Лучше благочестиво с малыми живи деньгами, 145
 чем богатеть неправдой, деньгами утучняясь.
 Справедливость, Кирн, — это все доблести купно,
 всякий — муж доблий, когда справедлив.
 Деньги, Кирн, и прескверному дает божество,
 а доблестный удел — у немногих. 150
- Гордыню, Кирн, бог посылает человеку дурному,
 кому суждено, чтоб не найти себе места.
- Пресыщение рождает гордыню, когда у дурного человека
 довольство, а ум его небезупречен.
- Никогда не кори бедностью, сседающей душу, 155
 и гибельной нуждой, хотя б и злил человек,
 это же Зевс по-разному чаши весов склоняет —
 одному богатеть, а другому не иметь ничего.
- Никогда, Кирн, высоких слов не изрекать: никто не знает
 из людей, что будет назавтра. 160
- У многих разумение и худое, да божество хорошее,
 и где мнилось дурное, стало благо,
 а есть и такие, что от решений добрых, а божества худого
 маются, и нету конца их делам.
- Никто из людей ни процветает, ни бедствует 165
 и мимо божества ни хорош, ни дурен;
 своя беда у каждого, и решительно никто не счастлив
 из людей, сколько их видит солнце.
- Кого чтут боги, тому и в хуле хвала,
 а человеков усердие ничтожно. 170

Богам молись, в богах сила, богов помимо
ни добра не бывает, ни худа людям.

Мужа доброго, Кири, пуще всего одолевает бедность —
пуще старости седой и лихоманки злой.

Ее убегая, Кири, он и в рыбообильное море
метнуться готов, да с крутых берегов. 176

Ибо бедностью одоленному мужу ни сказать,
ни сделать ничего, и связан язык его.

Оттого следует на суше и на широком хребте моря
искать, Кири, свободы от тяжкой беды. 180

Кири, милый, да лучше умереть бедствующему,
чем жить-терзаться бедностью тяжкой.

Подыскиваем баранов да ослов, Кири, и коней
благородных, и всякий хочет, чтоб от добрых было
потоптано, а жениться на подлой и от подлого полдела
достойному мужу, коль за ней денег много. 185

Так и женщина не откажется с дурным ложе разделить,
был бы богат — достаточный лучше доброго.

Деньги чтут: на дочке дурного женат достойный,
а дурной у доброго взял; богатство смешало породу. 190

Так не дивись, Полипаид, что сограждан порода
блекнет — это достойное смешалось с дурным.

Ведь сам же, зная, что от дурного она отца,
в дом вводит, деньгами прельстившись,
славный — бесславную, оттого что могучая неизбежность
повелевает, научая терпению ум мужа. 195

Имение, что от Зевса и правдою кому досталось
и чисто — оно вечно при нем живет;
а неправо и в недобрый час приобрел алчного духа
муж иль клятвой получил не по праву, —
сперва и выгадал будто, аи под конец
оборотится худо, а победителем — ум богов. 200

Тем людской ум обманут, что не сразу
мстят блаженные за коварное дело!

Один сам уплатит мерзкий свой долг, и над детьми
Не нависнет более его наваждение, 205

а другого не спалала Правда, ибо бесстыжая смерть
поспешила загодя угасить его очи.

Не будет у изгнанника милого и верного друга —
и это изгнания удручительней. 210

Много вина пить — беда, но если умеючи
пьешь, оно не плохо и даже хорошо.

Поворотлива, многолика будь пред друзьями, душа,
тот уклад принимая, каков у каждого;
полипа многоизвивного имей уклад: к какой скале
прижился, таков он и сам видом.

215

Нынче сюда подавайся, там другую прими окраску —
выше неподвижности искусственность.

Ты не сетуй слишком, что мятется гражданство,
иди, Кирн, путем срединным, точно как я.

220

Кто мнит, будто ничего не примечает ближний,
а он один хитрых затей полон,
тот словно безумец, достойного лишенный ума,
ибо все мы, наверно, хитрить умельцы,
но один не погонится за дурной наживой,
а другому вероломные ковы по душе.

225

Не явлен людям предел богатства,
и у кого ныне больше всех достаток,
хлопочем удвоить. Где же тут всех насытить?
Да, от денег — безумство смертных,
а от него является наваждение — пошлет его Зевс
на беду, а оно и гуляет по свету.

230

Твердыня и оплот бессмысленного народа, муж
достойный, Кирн, много чести себе не добудет.

Мы неприглядны, как люди, которые сами спаслись,
между тем как город их, Кирн, обречен.

235

Я дал тебе крылья — на них над бескрайним морем
ты полетишь, над всею землей поднявшись,
легкий; ты на пирах и в застолье будешь
у всех и у каждого на устах;
на флейтах коротких, звонких юные мужи тебя
пристойно и мило, красно и звонко
воспоют, а уйдешь во мрачную земли пропасть,
во многовлажные Аида чертоги,
так и по смерти никогда не утратишь славы,
нетленного не забудут имени люди,
будешь, Кирн, в Элладе, будешь на островах,
море пересекши рыбное неплодное;

240

245

не верхом на конях — понесут тебя светлые
 дары фиалками увенчанных Муз. 250
 У всех, кто равнодушен, ты и в грядущем песней
 пребудешь, доколе земля и солнце.
 А я и скудного от тебя не вижу привета,
 и, как младенца, меня манишь словами.

Правда — всего прекраснее, всего лучше — здоровым быть, 255
 а всего приятнее — добиться, чего жаждал.

Я добрая, я выносливая кобылица, только прескверного
 мужа везу, — вот что всего досадней;
 и часто собиралась я, узду порвавши,
 сбежать, скверного возницу стряхнув. 260

Ох, уж не пью вина, когда, при девочке нежной,
 другой — хозяин, гораздо меня похуже;
 ох, и не пьяно пьют милые при ней родители;
 как несет она воду, по многу горюя,
 я обвил девочки стан рукой, и щею 265
 ей целую, она ж охнула нежно.

Бедность сразу признаешь, хоть она чужачка, —
 ни на площадь не ходит, ни в суды;
 всюду у нее нехватка, и рычат на нее всюду,
 где ни появится, всюду она враг. 270

Оно справедливо, что боги уделили смертным
 и юность, и старость губительную;
 но что всего у людей сквернее, и смерти,
 и всех скопом болезней дряннее, —
 это когда детей вскормил, все дал готовое, 275
 денег вложил, досадного снес много,
 а для них отец враг, клянут, чтоб сгинул,
 и злобятся так, будто нищий взошел в дом.

Дурной муж дурно и понимает, где правда,
 никакого не опасаясь возмездия впредь: 280
 скверные люди на несусветное без заминки
 пойдут и мнят, что делают все прекрасно.

Ни к кому из этих горожан доверчиво навстречу нейди,
 по любви ль или клятве верный,
 хоть бы Зевса, бессмертных царя, поручителем брал 285
 величайшим, что верность хранит.

В этом проклятом городе все мерзко —
 † и не переводятся † в нем несчастливцы.

Нынче что худо для добрых мужей, то отлично
для дурных — так законы их превратны;
стыд сгинул, а бесстыдство и дерзость,
правду одолев, всей землей владеют.

290

Лев — и тот не всегда мясом пирует, нет-нет и к нему,
к могучему, безвыходность приступит.

Пустомеле молчать — величайшая тягость,
невесть с кем усердствует, знай, в речах,
все ненавидят его и как неизбежность терпят
приход мужа такого на пир.

295

Если беда у человека, другом никто быть не жаждет,
даже тот, кто чревом, Кири, рожден тем же.

300

Горьким и сладостным, легким и крутым бывай
с прислугой и с челядью, с соседями рядом.
Трепыхаться не надо при хорошей жизни, сиди смирно,
а худую — тряси, пока не утрясется.

Ведь не все же дурные дурными из чрева вышли,
— нет, с дурными подружились мужами и
навыкли скверным делам, гнусным речам, дерзости,
чая, будто все то верно, что те говорят.

305

На пиру будь мужем рассудительным —
такой ничего не видит, словно нет его:
развеселить может, а силу за дверью покажет,
зная нрав, каков он у каждого.

310

Среди безумцев я самый безумный, а среди
справедливых я всех справедливее.

«Да, много дурных богатеет, пока добрые бедствуют,
однако мы не променяем нашу
доблесть на деньги, ибо та всегда неизменна,
а этими то один, то другой владеет».

315

Кири, у мужа доброго мысль всегда неизменна,
он и в беде смел, и в удаче,
а подари бог человеку дурному добро да довольство,
так уж этот глупец беды не выдержит.

320

Никогда по малому случаю друга дорогого не теряй,
подаваясь, Кири, тяжелой клевете.

Если всякий раз на промахи друзей гневаться,
никогда б ни приятельства, ни дружества

325

не было, потому как промахи, Кирн, по пятам ступают
смертных; боги — кто не терпят.

И медлительный, коль вдумчив, быстрого нагонит мужа,
когда за ним, Кирн, правда бессмертных.

330

Спокойно, точно как я, ступай по срединному пути,
и никому, Кирн, чужого не раздавай.

Пет изгнаннику милого и верного друга,
и это — изгнания удручительней.

332a

332b

Не лелей, Кирн, надежд, с изгнанником дружась:
домой вернется, будет уже не тот.

Не старайся слишком; среднее — наилучшее. Так, Кирн,
обретешь доблесть, какую добыть трудно.

335

Да поможет мне Зевс воздать друзьям за дружбу
и стать мощнее врагов моих, Кирн.

Да я же среди людей окажусь богом,
коль смертный час приму отмстивши.

340

Исполнение дай, Зевс, моей мольбе, о Олимпиец,
и за мои беды дай же мне и благо:

лучше умереть, если от злых забот роздыха
не обрести, попадая из досады в досаду.

Такое, знать, мое счастье, что не вижу отмщенья
мужам, мое достоиние силой взявшим,

345

грабежом; словно пес я вылез из рвины,
в бурном токе вод все утратив;

испить бы их черной крови, и поспело бы достойное
божество то свершить, что мне по мыслям.

350

Бедность поганая, что медлишь, от меня к другому
пойти мужу? не люби меня против моей воли.

Шла бы ты в другой дом, а с нами б
не коротала вечно несчастную эту жизнь.

Смелее в беде, Кирн, радовался же ты удаче,
решила, видно, судьба тебе уделить и это.

355

И как удачу сменила беда, так снова,
богам моляся, вынырнуть надо.

Да не подавай виду сверх меры, и то беда, коль заметно:
мало, Кирн, печальников о твоих бедствиях.

360

Сердце мужа, великую понесшего беду, умаляется,
Кирн, но по отмщении отрастает опять.

Ласкай врага словами, а попадется —
мсти, и уж предлога-то не ищи.

На уме у тебя свое, а на языке пусть будет всегда медвяно — 363
это, знаешь, у подлых горячее сердце.

Не постигаю, что за ум у наших сограждан:
плохо ли делаю, хорошо ли, не нравлюсь им;
да вот осуждать многие, дурные и достойные, горазды,
а подражать лишь искусственный сумеет. 370

Против воли не впрягай меня тычками в телегу,
не завлекай, Кирн, слишком в любовь.

Зевс, милый, дивлюся тебе: надо всеми ты властен,
почитаем, великую силу имеешь;
точно ведаешь мысли людские и душу каждого, 375
и держава твоя всех выше, о царь.

Но как же, Кронид, дерзает твоя мысль, чтобы шалый
в той же был доле, что и праведный,
обратился ли к благомыслию разум, или к дерзости
у людей, свернувших на неправо дела? 380

И ничего-то божеством не определено для смертного —
ни даже путь, как бессмертным угодить.

И все же те беспечно богаты, а кто сторонится душой
скверных дол, именно им, правды искателям,
бедность, мать безысходности, дана в удел, 385
та, что мысль мужей уловляет, суровой

нуждой уродуя душу в груди, и вот они
против желания отваживаются позор сносить,
уступая безденежью, что всякому злу научит —
лжи и обманам, разорам губительным; 390
и хоть против желанья, а уж не кажется дурным —
столь тяжкую рождает она безысходность.

В бедности и скверный муж, и тот, кто лучше,
выявится, когда пригнетет нужда;
у того ум мыслит правое, у кого в грудь 395
вросло навечно суждение прямое,

а у другого ни злу ум не прилежит, ни добру.
Доброму — дерзать в одном и сносить другое,
с друзьями совеститься, бежать мужегубительных клятв,
ответного стороняся гнева богов. 400

Ни в чем не стараться слишком, свой час — всего лучше
для деяний человеческих, и часто о доблести

стараясь, ищут наживы, коль скорѣ божество
надумало завести человека в дебри,
и предстало ему дурное хорошим, 404
а что полезно — столь же легко — дурным.

Ты ошибаешься, будто очень мил мне, я тут ни при чем,
ты сам же попал не на лучшую мысль.

Ты никакого лучшего сокровища не завещаешь детям,
Кири, чем совесть, что с добрыми неразлучна. 410

Считай, что никого не хуже, Кири, такой приятель,
с кем неразлучна рассудительность, неразлучна сила.

Нью, но не столько, чтоб меня вино
толкнуло страшное слово о тебе молвить.

Искал да не нашел приятеля верного, 415
вроде себя, чтоб без хитрости всякой,
а надо испытать, как злато, потри меня о свинец
и высшее увидишь достоинство.

Многое примечаю, да пропускаю, ибо молчать
вынужден, сознавая, каковы у нас силы. 420

У многих язык не прикрыт дверью плотно,
многим обеспокоены, что их не беспокоит.
А ведь обычно лучше, чтобы беда внутри лежала:
краше достойному быть на виду, чем беде.

«Не родиться — для земнородных всего лучше», 425
и не увидеть лучей резкого солнца,
а родился, так скорее пройти врата Аида
и лежать под грудой земли потолще.

Родить и вскормить человека легче, чем достойный
разум вложить; еще не придумано, как 430
разумным безумного сделать и дурного достойным.
А дал бы Асклепиадам бог такое:

исцелять пороки и слепоту в умах людей,
получали б они немалую мзду всегда.
Коли можно было б создать да вложить человеку мысль, 435
у доброго не бывало б дурного сына,
раз слышит разумные слова, да только ученьем
никогда не сделаешь добрым дурного мужа.

Глуп, кто за помыслами моими следит бдительно,
а своим-то делом не озабочен ничуть. 440

Никто не счастлив во всем до конца, и только достойный
отважен, ибо и в беде не подает виду.

А скверный, тот ни в удаче не умеет, ни в беде
пребывать с мужеством. У бессмертных подарки
разные для смертных, так бери смело
такие подарки бессмертных, какие дают.

446

Хочешь ли перемыть меня — с самой макушки безупречно
прозрачная вода с меня потечет,
и во всех деяниях ты найдешь, что я — как промытое
золото червонное, что потерто о пробный камень, —
на его поверхности черный не держится яд
и ржавчина, неизменно оно сияет.

450

Друг, был бы ты так же причастен смыслу, как несмыслию,
и благоразумен столь же, сколь ты безумен,
согражданам ты б столько казался достойным,
насколько теперь не стоишь ничего.

456

Не ладно это, молодая жена, а муж старый,
не слушается она кормила, как челн,
и якоря сдают; концы порвав, она ночами
часто в другую заходит гавань.

460

Ум никогда при неисполнимом не держи, не починай
вещи, коим нет исполнения.

Без труда что-то досталось от богов — это ни худо,
ни хорошо. Славятся трудные дела.

В доблести изощрайся, и правда да будет тебе мила,
а нажива да не одолеет та, что постыдна.

466

Никого из них против воли у нас не запирай;
и за дверь, коль не хочет, не гони,
и спящего, Симонид, не буди, если кого из нас,
на грудь принявших, бессильный охватит сон;
не спится кому — не приказывай против воли спать:
«все то досаждают, что подневольно»;
хочет кто пить — пусть подойдут, нальют,
не всякую ночь натешись вволю.

470

Ну а я — у меня мера медвяному вину,
мысля об утешителе-сне, иду домой.

476

Вернусь, как всего приятней выпившему человеку,
не трезв, конечно, и пьян не слишком.

Кто ж меру в питье превысил, тот больше
над языком не властен, ни над умом,

480

несусветное болтает, что трезвому будет стыдно,
 не стыдится, раз пьян, что угодно делать.
 Прежде благоразумный, теперь он глупый. Это
 зная, ты уж вином не заливайся,
 а либо встань непьяный — зачем покоряешься
 желудку, словно дурной поденщик, —
 либо оставайся, да не пей. А ты с нелепым
 «наливай» носишься — ну и пьян,
 ибо один раз «за дружбу», в другой «налито»,
 там «богам возлияние», да «под руку глянъ»,
 и не скажешь «спасибо, нет», хотя неодолимый только,
 много раз осушив, нелепость не скажет.
 Нет, разговаривайте по-хорошему, у кратёра сидя,
 прочь взаимную вражду отогнав,
 к одному обращаясь и вместе ко всем —
 тогда выйдет пир, приятности не лишенный.

Пьют и безумный, и благоразумный,
 ну а сверх меры, так легчает разум.

Серебро и золото огнем люди знающие
 распознают, а мужа ум выявит вино:
 как ни сметлив, питьем сверх меры он ум убивает:
 позора не минет, каким бы мудрецом ни был.

Отяжелела, Ономакрит, голова, одолело меня
 вино, уж больше я не хозяин уму
 нашему; храмина кружится; ну-ка я встану
 попытать, не владеет ли вино и ногами,
 и умом в груди; боюсь, налившись, нелепость
 сделать, и станут бранить сильно.
 Беда, когда много пьют, а ежели кто с толком
 пьет, так оно не плохо, а хорошо.

Пришел ты, Клеарист, через море глубинное
 к нищему сюда — сам, о беда, нищий.
 Ничего, уложим на корабле под банки,
 что у нас есть, Клеарист, что боги дали.
 Все лучшее — твое будет, а придет с тобою
 друг твой — устраивайся для нашей дружбы.
 Что есть — ничего прятать не стану и за бóльшим
 ради встречи ни к кому не побегу.
 А спросят, каково живу, ответишь так:
 «По-хорошу, так тяжко, а по-тяжку, так и хорошо,
 отцовского друга примет, не уклонится,
 а приемы для чужестранцев — этого нет».

- Не зря, о Плутос, тебя так почитают люди,
до чего ж легко ты изъяны сносишь!
Это ж добрым пристало быть с богатством,
а бедности подобает угодить к дурным. 525
- Увы мне, о юность, о губительная старость —
эта подошла, та собирается в путь.
- Ни одного я не выдал верного друга-товарища,
и нет в моей душе рабского ничего. 530
- Всегда теплеет у меня нутро, чуть слышу
завывавших флейт любимый голос,
радуюсь благу — пить и флейтиста слышать,
радуюсь, благозвучную лиру в руках приладив.
- Рабская голова никогда прямо не бывает,
вечно склонена, согнута выя — 535
из лука морского ни роза не вырастет, ни гиацинт,
у рабыни свободное не родится дитя.
- Муж этот, милый Кирн, себе же кует оковы,
если мой разум не повредили боги. 540
- Страшусь, Полипайд, как бы город не погубила дерзость,
та самая, что кентавров-сыроедов.
- По отвесу и по угольнику надо выправить, Кирн,
эту тяжбу, сторонам обоим воздав свое,
по пророкам и знаменьям, по возженным жертвам, 545
чтоб не укорили в ошибках постыдно.
- Силой никому зла не чини, для справедливого
воительней нет, чем благодеяние.
- Безголосый вестник многослезную подымлет войну,
Кирн, с вершины просияв дальней. 550
А ну, взнуздай-ка прытконогих коней —
супостату навстречу им выйти время.
Теперь недалёко, пространство они одолеют,
если мой разум не повредили боги.
- Держать надо мужу, в тяжкую скорбь угодившему,
да у бессмертных перемены просить. 555
- Размысли; решение тут на лезвии ножа:
либо много получишь, либо совсем мало;
оттого-то, слишком домогаясь преизбытка,
не вгони себя в великую нужду. 560

Мне б самому иметь кое-что, а все богатство врагов
передать друзьям во владенье.

Званным быть в гости надо и сесть с мужем достойным,
что всю превзошел мудрость,
ему внимать, когда мудрое говорит, чтоб научиться,
и вернуться домой, так поживившись.

565

Резвлюсь, юностью наслаждаясь: под землей долго,
жизнь утратив, камнем буду лежать
безгласным; свет солнца любезный оставлю и,
как ни достоин, не увижу боле.

570

Мнение — великая беда людей, наилучшее — опыт,
многие не испытанные сльвут добрыми.

Сделано добро и получено — зачем ты вестника зовешь?
Весть о благодеении — простое дело.

Бросают меня друзья, оттого что с врагом считаюсь,
как кормчий с камнем подводным.

575

«Доброго легче сделать дурным, чем достойным дурного»,
меня этому не учи — уже я в возрасте.

Не ненавижу мужа дурного, голову себе покрыла,
ум легок, как у маленькой птички.

580

Не ненавижу женщину-попрыгунью и мужчину-дуралея,
кому не лень чужую пахать пашню.

Ну, что было, то упразднить нельзя;
что будет, о том пекись.

Опасно деяние — никто, начиная дело,
не знает, где оно кончится.

585

Кто за славой пустился бездумно, в великом
пребывает и тяжком ослепленье,
а чьи поступки прекрасны, того бог окружает
добрым счастьем, от безумства ограждая.

590

Ровно следует принимать, что дают смертным боги,
и легко любую сносить долю,
ни бедами не отравляясь слишком, ни радостью вдруг
не упиваясь, пока не виден предел последний.

Давай-ка, милый, издали приятели будем —
кроме богатства, все пресыщает.

595

А что до нашей дружбы, так дружись с другими
мужами, кто лучше твой ум постигли.

Заприметил я тебя на избитой тропе, где ты
и прежде рыскал, изменяя дружбе. 600

Прочь иди, людям неверный, богам противный,
со змеей за пазухой в отливах холодных.

Вот такие и магнезийцев погубили продерзкие дела,
что теперь сим святым завладели градом. . .

Пресыщение много больше, чем глад, сгубило уже
людей, желавших большего, чем надо. 605

Есть сперва малая радость в обмане, но под конец
барыш постыдный пополам с бедой
бывает; хорошего ничего мужу не будет,
раз изощла ложь из виновных уст. 610

Ближнего обругать нетрудно, а то и выхвалить —
подлых мужей заботы эти;
молчать они не желают — дурные, дурное мелющие,
вот добрые — те меру всему знают.

Ни одного, как есть, доброго и меру знающего мужа
среди тех, что нынче, не видит солнце. 615

Не так все свершается, чтобы людям совсем по нраву,
потому как смертных бессмертные крепче.

От безысходности ворочаюсь, сердцем терзаясь,
нет, не миновал бедности я мету. 620

Все уважают богатого, а не уважают бедняка,
у всех людей на уме одинаковое.

Всяческие пороки у людей бывают, всяческие
и доблести, и приемы жизни.

Худо разумному средь безумцев рассуждать,
а молчать вечно — и вовсе нельзя. 625

Да, скверно пьяну быть среди трезвых мужей,
скверно и трезвому оставаться средь пьяных.

Юность и младость легкою делают мысль мужа,
и души многих попадают в сети; 630
чья мысль не сильней страсти, тот вечно ослеплен,
Кири, а там и совсем сетями опутан.

Дважды и трижды, что возшло на ум, обдумай, —
в слепоте неистовый живет муж.

За мужами добрыми суждение ступает и скромность —
теперь и средь множества таких мало.

635

Опасение и надежда у людей похожи —
оба тягостные божества.

Бывает, удаются нежданно-негаданно дела
людей, а раздумья окончатся ничем.

640

Не узнаешь ты ни друга преданного, ни врага,
пока не напал на важное дело —
за чашей множество милых бывает приятелей,
а в важном деле их поменьше.

Маловато найдешь верных, заботливых приятелей,
очутившись душой в безысходности крайней.

645

Стыд нынче сгинул среди людей,
а бесстыдство по земле гуляет.

Подлая бедность, что, усевшись на захребетье,
и тело мое позоришь, и мысли?

650

Ты против воли пакости любой насильно научишь,
а я-то знаю, что красно и достойно.

Было бы благо и дружба богов бессмертных,
иной, Кирн, доблести я не жажду.

Кому тяжело, Кирн, с тем томительно всякому;
только на день чужое горе.

655

Слишком не растравляй душу бедой и удаче
не радуйся — муж добрый, кто сносит все.

Нельзя так клясться! Что это: «тому не бывать»? —
прогневаясь же боги, от коих свершение!

660

Ну, сделал — так что? из дурного выходит достойное
и дурное из блага. Вон тот бедняк
вдруг богат, а кто был добром тучен,
нежданно все в одну ночь потерял;
и благоразумный ошибается, и безумец иной раз славу
сыщет, и честь приходит к дурному.

665

Были бы деньги, Симонид, я бы так
не уязвлялся с добрыми рядом,
а теперь, хоть знакомы, они идут мимо, а я
безгласен от нищеты, и хорошо же она меня† знает.
Паруса белые спущены, и вот нас уносит
с Мелийского моря сквозь непроглядную ночь;

670

вычерпывать не желают, накидывается море
чрез оба борта. Вряд ли кто
и спасется, а те налегают, уж честного отставили
кормчего, что умело стоял на страже.
Деньги грабят силой, пропал порядок,
и дележ стал неравный,
грузчики правят, дурные выше добрых,
волна, боюсь, поглотит корабль.
Это у меня загадано притчей для добрых —
кто мудр, тот и плохое предвидит.

Многие, ничего не смысля, богаты, другие прекрасного
ищут, терзаемы бедностью тяжкой,
вот и нет ни тем, ни другим пути к делу,
раз одним деньги мешают, а ум — другим.

Нельзя смертным с бессмертными биться
или там тягаться — никому нельзя!

Не нужно портить, чему не надо портиться,
как и вершить, чему нехорошо свершиться.

Да свершишь радостно путь чрез великое море,
и вернет тебя Посейдон друзьям на радость.

Многих мужей сгубило в безумствах пресыщение —
трудно меру постичь, когда хорошее рядом.

Устроить не могу, чтоб все тебе, дух мой, было ладно,
крепись: ты не один прекрасного жаждешь.

Все у меня хорошо — друзей много, а стрясись страшное —
и уж меньше тех, у кого верный ум.

Большинству людей одна доблесть известна —
богатеть, а от остального нет им проку.
Хотя бы ты строг был к себе Радаманфа не меньше
иль знал бы больше Сизифа Эолида,
что из Аида самого многоумно вышел,
Персефону вкрадчивой речью уговорив,
ту, что умопомрачительное на человекa забвенье наводит.
А ведь такого никто не придумал,
кого уж покрыла смерти черная туча,
и пришел в сень отцветших,
темные миновав ворота, что запираются за
умерших душами, хоть они и несогласны, —

так ведь и оттуда ушел Сизиф герой
на свет солнца, многообразный. . .
Или сочинял бы ты выдумки, схожие с правдой,
и был у тебя богоравного Нестора язык,
хотя б ногами ты был скорых быстрее Гарпий
и Борея детей, чьи ноги — пасть и нет.
Что ж! примем тогда одно суждение все:
для большинства в богатстве — вся сила.

715

Для богатого, у кого серебра много,
золото есть и поля хлебоносные,
кони, мулы, прилично иметь, что положено, а еще
«чтобы желудку и бедру и ногам было славно
от женщин и мальчиков». А случись это
в самую пору и с юностью в лад —
так это уж избыток для смертных, ибо излишнего
никто не забирает с собой в Аид,
и даже с выкупом не убежишь смерти, тяжких
болезней и злой наступающей старости.

720

725

Пестрые крылышки достались людским заботам,
все верещат, как быть им, как жить.

730

Отче Зевс, да будет мило богам, чтоб гнусные
с дерзостью слюбились и чтобы милы были их
духу пакостные дела, и если кто их искусно
чинит, на богов ничуть не глядя,
так пусть он же бедой заплатит, а уж впрямь
бедою детей не станут отца бесчинства.

735

Дети несправедного отца, если мыслят и поступают
правильно, Кронид, опасаясь твоей ярости,
равно возлюбив правду, одинаково с согражданами,
чтоб такие за преступление отцов не платили.
Это мило да будет блаженным; а нынче, кто содеял,
не наказан, а другой беду терпит после.

740

И вот еще, царь бессмертных: справедливо разве,
чтобы тот, кто далек от дел несправедных
и преступленья, и гнусной клятвы не ведает,
справедливый, терпел несправедливо?

745

И какой же смертный, на такого глядя, бессмертных
уважит, и станется что же,
когда муж неправый, необузданный, ни людского
гнева, ни божественного не опасаясь,
богатством пресытившись, наглеет, меж тем как правый муж
сохнет, тяжелой бедностью терзаясь?

750

Усвой это, друг, и праведно деньги делай,
храня подале от необузданности скромную душу,
всегда памятуя об этих речах — когда-нибудь
доброе помянешь, что внял благоразумному слову.

765

Да воздвигнет Зевс, в эфире живущий, над этим градом
десницу на вечную его непобедимость,
а с ним и другие блаженные боги, и пусть Аполлон
направит язык наш, как и разум.

760

Звени ж, форминга, и ты, флейта, святой напев,
а мы возлиянья богам в угоду
сотворим, друг с другом беседуя приятно,
пред войной пред мидийской мало робея.

765

Так да будет! оно и лучше с веселым духом
от забот в стороне в веселии жить,
себя услаждая и прочь злой отгоняя рок,
срок гибельный и предел смертный.

Должно служителю Муз и вестнику, когда что изрядное
знает, жадным на мудрость не быть;
нет, одно замышлять, являть другое, отделять третье,
какой им прок, что он про себя ведает?

770

Феб владыка, ты, кто воздвиг верхнего града твердыню,
Алкафю, поросли Пелоповой, на утеху,
ты и отринь наглое мидийцев войско
от града сего, дабы народ, веселясь, тебе
с наступленьем весны славные творил гекатомбы,
наслаждаясь кифарой и пляской прелестной,
певанными хорами и кликами подле твоего алтаря.

775

Я страшусь, видя несмыслие эллинов,
гибельного для народов раздора, но ты, Феб,
милостиво этот наш град храни.

780

Побывал я как-то и в сицилийской земле,
побывал и в лозной долине эвбейской,
и в Спарте славной у Эврота, заросшего тростником, —
и всем от души полюбился мой приход,
но не было у меня той улады душевной, —
видно, нет ничего отчизны милее.

785

Пусть не явится у меня никакого нового устремления,
кроме доблести и мудрости, но оставаясь при том же,
буду наслаждаться формингой, и пляской, и пеньем,
имея достойный ум добрых мужей.

790

Ни чужестранца не завлекай в мерзкие деяния,
ни своих, но, любя справедливость,
«собственную услаждай душу, а уж свирепые сограждане
о тебе скажут — кто дурно, а кто и получше».

795

Добрых один бранит очень, другой хвалит,
а о дурных памяти нет вовсе.

Средь людей на земле нет нехулимого
† † не заботило б многих.

800

Не родился такой человек и не будет такого,
кто, всем полюбившись, в Анд еокрылся;
ведь и тот, кто смертными и бессмертными правит, —
Зевс-Кронид — смертным всем понравиться не умеет.

Резца и отвеса, и угольника верность —
паломнику, Кири, должно сберечь,
когда пифийская пророчица бога
глас явит из тучной святыни храма,
ибо прибавь что-либо — и уж нет исцеления, убавь —
опять не избежишь божественной западни.

805

810

Вещь мне приключилась, хоть гадкой смерти не хуже,
зато и всего прочего, Кири, удручительней:
бросили меня друзья, и я, сближаясь с врагами,
сведаю, каков и у них ум.

Бык, мощной ногой ступив, придавил язык мне,
не дает болтать. А я-то знаю.

815

И все ж, о Кири, суждено изведать, так не увильнешь,
и что суждено изведать, изведать не страшусь.

В треклятую беду мы попали, и теперь всего бы лучше,
Кири, чтоб взяла обоих смертная доля.

820

Кто непочтителен к родителям престарелым,
тот, Кири, не найдет себе места.

Не пособляй тирану, соблазну наживы уступив,
и не убивай его, клятвы богам принесши.

Как это хватило у вас духу под флейту петь,
когда с площади видна граница
земли, что на пирах кормит плодами вас, носящих
на русых волосах пурпуровые венки.

825

Ты лучше, Скиф, волосы обрезай да кончай гульбу,
оплакивай благовонный край, что гибнет.

830

Верностью сгубил имущество, вероломством спас, —
мысль получается, как ни кинь, тяжкая.

Все пошло прахом и пропадом, и никто тому, Кирн,
не причина из бессмертных богов блаженных,
это подлых насилие, нажива и наглость
из многих благ в беду нас ввергли.

835

Две от питья погибли у скверных людей —
воздержность изнурительная или тягостное похмелье.
Так уж посредине удержусь, меня не уговоришь,
чтобы вовсе не пить или пьянеть слишком.

840

Вино мне вообще любезно, а то нелюбезно,
когда, налившись, к врагу бросаюсь;
нет, лишь покажется низ верхом,
тут же, попойку прекратив, идти домой.

Мужу процветающему помешать — дело пустое,
а помочь обездоленному — тяжело.

845

Пятый ступи на глупый народ, стрекалом бей
острым, тесное наложи ярмо —
истовее народа не сыщется у господ
среди людей, сколько есть под солнцем.

850

Зевс да погубит, олимпиец, если кто приятеля своего,
лопоча нежно, обманывать хочет.
«И прежде чудесно было, а теперь того лучше», —
потому какая дружба с подлыми?

Часто этот город из-за начальников негодных,
словно корабль сбившийся, на берег кидало.

855

Только завидят друзья, что дела у меня скверные,
отвернутся, смотреть не желая;
а если откуда достойное выпало, что изредка бывает, —
сколько приветствий и какая любовь.

860

Бросают меня друзья, ничего не хотят за мною дать,
хотя явились мужчины. Так я сама же
с вечера выйду, а обратно вернусь под утро,
под пение просыпающихся петухов.

Бог многим мужам негодным дарует счастье
отменное, кто ни себе на пользу,
ни друзьям. А великая слава доблести пребудет вечно,
ведь муж-воитель землю и град спасает.

865

Да упадет на меня сверху громада широкого неба
медного, земных людей ужас, 870
если я тем в помощь не буду, кому любезен,
а врагам на горе и досаду великую.

Вино, частью хвалю тебя, частью порицаю, а в целом
ни врагом тебе быть, ни другом не могу.
Ты отлично, ты и дурно; кто из тех, в ком мудрости мера, 875
тебя хулит или тебя хвалит?

Бодришь, дух мой, — скоро уж другие мужи
будут, а я умру и буду черная земля.
Пей вино, что мне с вершины Тайгета
принесли лозы, а насадил их старец 880
в лощинах горных, Феотим, богам любезный,
из Платанистунта воду студеную подведя.
Такого выпьешь, и тяжкие рассеются стремления,
примешь и станешь куда резвее.

Мир и богатство да пребудут в городе, покуда с другими
гуляю, по злой войне не сучая. 885

Не слишком-то слушай зычный голос глашатая,
ибо не отеческую мы землю защищаем.
Впрочем, стыдно, будучи рядом и на быстроногих
конях, не взглянуть на слезную войну. 890

Где же мужество? сгинул Керинф, вырезают
виноградный добрый Лелант,
и бегут добрые, а дурные правят городом —
так погуби же, Зевс, род Кипселидов!

Ничего лучше суждения не имеет муж в себе
и ничего, Кирн, большее безрассудства. 895

Кирн, если за все на людей смертных гневаться,
узнавать, какой у каждого в груди ум
и кто что содеял справедливо или несправедливо,
великая была бы беда для смертных. 900

Один получше, другой хуже в своем деле,
но никто из людей не умудрен на все.

Кто на расход не охоч, а до денег охотник,
высокой доблестью для понимающих наделен,
потому как можно было б увидеть конец жизни, 905
когда, ее закончив, надлежит перейти в Аид,

тогда уж верно, кому долгие ждать своего срока,
 больше бы приберегал, что у него есть,
 да только нельзя, как это мне ни прискорбно,
 как ни уязвлен я в душе, как дух ни противится. 910

Стою на распутье: две предо мною дороги,
 размышляю, которая лучше:
 не транжиря, провести жизнь в скудости
 или жить сладко, мало что делая.

Видел я одного, что сберегал, и, богатый, никогда желудку 915
 еды пристойной не давал,
 однако, ничего не добившись, в адские чертоги спустился,
 а деньги достались кому попало —
 зря наживал и не передал, кому хотел.

И другого я видел: тот желудок улещивал 920
 и, деньги протратив, сказал: «Усладил себя и съезжаю».

Теперь у друзей просит, чуть кого завидит.
 Потому всего лучше, Демокл, по деньгам
 мерить траты свои и усилия:
 потрудившись, не отдашь ты свои труды другому 925
 и, попрошайничая, не дойдешь до раболопия,
 не разбегутся все твои деньги под старость.

А ведь с этими людьми лучше уж деньги иметь!
 Потому как, если богат, друзей много, а бедствуешь —
 меньше, и тот же самый, ты уж не в том достоинстве. 930

Приберегать потому лучше, что и мертвого не оплатят
 никто, пока не увидит, что деньги остались.

Мало кому из людей доблесть и красота сопутствуют,
 и счастливцев, кто получил и ту и другую.

«Все его почитают; и молодые сверстники 935
 ему дают дорогу, а то и старшие.

Старая, он приметен среди сограждан, и никто по справедливости
 ему не повредит и по уважительности».

Не могу голосом звонким петь, словно соловей, —
 я ж и прошлую ночь разгуливал шумно, 940
 на флейтиста валить не стану — просто меня приятель
 превосходит, наукою не обделен.

Песнь заведу, поближе к флейтисту ставши
 справа, да богам помолюсь бессмертным.

Пойду по прямой черте, никуда с пути не уклоняясь, 945
 да будут безупречны все мои помыслы:
 послужу отечеству, городу пышному, к народу
 не сворачивая и мужей не слушаясь неправедных.

Словно лев, в силе уверенный, молодую лань
лапами задрал — крови я не напился; 950
на высокие стены взойдя — града не опустошил,
коней запряг, а на колесницу не взошел;
содеял, не содеял, и не совершил, совершив,
не учинил, учиняя, и преуспев, не преуспел.

У благодетельствующего скверным — две беды: многого 955
лишить себя, а благодарности никакой.

Если немалым благом я тебя одарил, а ты неблагодарен,
приди-ка еще в дом к нам с нуждою.

Покуда один я из ручья свежего пил,
до чего хороша-сладка мне казалась вода, 960
а теперь сколько мутн — не то вода, не то жижка; нет,
из другого ручья иль реки пить буду.

Никогда не хвали, пока не распознал отчетливо мужа,
каков по складу, по строю и обычаю —
потому как многие прячут ложный, обманный нрав, 965
прикрывая его мимолетными чувствами,
да только время у всех у них нрав выявляет:
так и я промахнулся сильно в суждении,
поспешил с хвалою, всего твоего права не распознав,
а нынче, точно корабль, стою на рейде. 970

Какая доблесть пить, чтобы состязаться в питье,
если дурной муж часто доброго побеждает?

Чуть только покроет человека земля,
и сойдет он в Эреб, Персефоны чертоги,
не насладится ни звуком лирным, ни флейтиста игрой, 975
ни воздыманьем Диониса даров.
Это видя, потешу свое сердце, покуда проворны
колени и не дрожит еще голова.

«Ты мне не будь друг на словах, но и на деле»,
руками старайся и деньгами вместе, 980
и не так, чтобы за чашей словами мой тешить ум,
«а делом являть благо, какое можно».

Мы в ликованиях юных приутим наш любезный дух,
пока выносит приятные труды наслажденья,
ибо в миг, словно мысль, светлая уносится юность — 985
даже коней скак не бывает быстрее,

когда несут господина на копьеборное дело
| неистово, хлебным наслаждаясь полем.

Когда пьют — пей, а насытишь свой дух —
пусть никто не узнает, как тебе тяжко.

990

Иногда порадует дело, а иногда бездействие
досадит, не всякий всегда может.

Положи, Академ, песню завести на день целый,
а наградой — мальчик прекрасноразветущий
тебе или мне, кто победит в бою за мудрость,
и узнаешь, насколько лучше ослов мулы.

995

Лишь солнце в эфире цельнокопытных коней
окликнет, что дню — половина,
покончим с обедом, благами разными
желудок как душе угодно натешив,
и пусть несет умыванье прочь, а венки — сюда
милая, с тонкими руками девушка-лаконка.

1000

«Вот доблесть, вот подвиг у людей наилучший,
его и добиваться мудрому мужу,
вот общая города и народа гордость —
муж, что в землю врос, врагов отражая».

1005

Любям завет общий: пока у человека юности
светлый цветок и в уме здоровые мысли,
нежить себя своим именем, ибо юн не станешь
дважды волей богов и не уйти от смерти
смертным человекам, а злая лезет старость
губительная, хватая за самую макушку.

1010

О, блажен и счастлив и богат всякий, без борений
в черный чертог Аида сошедший,
врагов не трепеща, не понужден к злодеянию,
друзей не испытывший, каковы их мысли.

1015

Вдруг несказуемый пот по мне хлынул —
жутко глядеть на сверстников цветение,
нежных и красивых: ему бы дольше длиться,
«но краткотечна, будто как сон,
бесценная юность, и губительная, безобразная
вдруг над головою нависает старость».

1020

Никогда врагам шеи не подставляй под ярмо
тесное, хоть Тмол над головой нависни.

- Скверные по дрянности своей как-то суетны умом,
а у добрых всегда действия прямее. 1026
- И легки же люди на дрянные дела,
трудней, Киря, доброе дело справиться.
- Будь спокойна, душа, в беде, как бы ни было тяжело,
это у подлых сердце горячее, 1030
неисполнимыми начинаньями не умножай † скорбь †,
† злобно не злобись †, не докучай друзьям
и врагов не весели. Даров, что богами назначены,
нелегко убежать смертному мужу,
хоть спустись он до основания порфирных вод, 1035
хоть стереги его непроглядный Тартар.
- До чего ж трудно доброго обмануть мужа —
это, Киря, у меня давно так решено;
и прежде известно было, а теперь еще лучше — 1038a
потому никакой дружбы нет с подлыми. 1038b
- Бессмысленны люди и глупы, кто вина
не пьют, когда звезда пришла Пса. 1040
- Эй, флейтиста сюда. У плачущего давайте
пить, веселиться, его бедами наслаждаясь.
- Спать! Об охране заботится стража градская
равнинной милой родины нашей.
- Зевсом клянусь, да хоть бы кто и улегся, покрывшись,
а нас, гуляк, он приветливо встретит. 1046
- Нынче пить-веселиться, беседа изящно,
а чему быть потом — богов забота.
- Я тебе так посоветую, словно отец сыну,
отлично, а ты в мысль уложи и в душу: 1050
никогда не спеши дурное сделать — нет, глубоко
в душе обдумай, в добром уме и здравом;
у сумасбродов душа окрылена и ум,
а в разум добрый, отличный дума приводит.
- В сторону разговоры, давай бери 1055
флейту — помыслим о Музах оба,
это ж они нам дали возлюбленные дары,
тебе да мне, городам † соседским † на утеху.

Уклад каждого, Тимагор, разгадывать, издали глядя, трудно и тому, кто мудр, раз у одних богатством зло прикрито, у других доблесть — под бедностью жуткой.	1060
Юности — ночь напролет со сверстником спать, делам вожделения не ставя предела, с гуляками петь под флейту — и это можно. Ничего нет, что было б сладостей мужам, да и женам. Что богатство? стыдливость что? Все превосходят утехы в своем веселье.	1065
Несмысленны люди и глупы: по мертвым воют, не о цвете, что гибнет, юном; наслаждайся, дух мой, — скоро уж здесь другие будут, а я, мертвый, буду черная земля.	1070 1070a 1070b
Кирн, поворотлив и многолик с друзьями будь, тот принимая уклад, каков сродни каждому: нынче сюда подавайся, там настройся иначе, великой доблести выше искушенность.	1071
Деянья несодеянного всего трудней конец распознать, каким его бог свершить захочет. Мрак кругом, и покуда не свершится, непостижны смертным безысходности пределы.	1075
Никогда я врага хулить не стану, коль он достойный, и скверного не похваляю, будь он и друг. «Чревата, Кирн, наша родина, — родит, боюсь, мужа наглого, тяжких раздоров вождя. Граждане — те еще здравы умом, зато вожди готовы уж впасть во всяческое зло». «Ты меня не лелей словами, мысли оставляя в стороне, если меня любишь и верен умом, ты люби меня, очистив ум, а то отрекись, враждуй, явную затеяв ссору» — вот как должно достойно помыслы направить к другу, и так хранить их до конца.	1080 1082a b c d e f 1083
Много трудного перенесешь, Демонакт, раз не умеешь делать то, что тебе не по нраву.	1085
Кастор и Полидевк, вы, что в божеском Лакедемоне живете у Эвроты, реки, текущей красиво: когда другу замыслю зло, пусть на меня же падет, а он мне — ему вдвое да будет.	1090

Худо у меня на душе от нашей любви —
ненавидеть не могу, как и любить,
зная, как тяжело друга ненавидеть,
как тяжело и любить против воли.

Другого кого присмотри, а мне нужда какая
это делать? сперва меня за прошлое поблагодари.

1095

Я теперь вздымаюсь на крыльях, словно птица
с просторной глади, мужа дурного бежал,
силки порвав. А ты, моей любви себя лишивший,
позже оценишь мою сметливость.

1100

Кто бы ни присоветовал и ни велел тебе
удалиться, нашу дружбу бросив, —
наглость и магнезийцев сгубила, и Колофон,
и Смирну, а вас, Кирн, погубит всяко.

Мнения — великая беда людей, наилучшее — опыт,
часто добрым слывет, хоть не проверен,
вот если при испытании, когда потрут свинцом, выйдешь
чистое золото, тогда ты всем хорош.

1104a

b

1105

О, как я жалок — врагам потеха,
а друзьям тягостен в жалкости стал.

Прежде добрые, Кирн, — нынче дурные, встарь дурные —
нынче добрые. Кто терпит, на то глядя,
как добрые в бесчестии, а те, кто хуже, получили
честь! и женится на дочери дурного достойный!
Друга друга обманывая, насмеются друг над другом,
памяти не имея ни о дурном, ни о добром.

1110

В безысходности ворочаюсь, сердцем терзаясь,
нет, не миновал бедности я мету.

1114a

b

Ты, денежный, бедностью меня укорил, но ведь кое-что
есть у меня, а другое сделаю, богам помолившись:
«Богатство, из богов прекраснейшее и вожделеннейшее,
с тобою и дурной достойным становится;
да пребуду еще в юности и да любит Феб Аполлон меня,
сын Латоны, и Зевс, бессмертных царь,
пока я, праведный, от всяческого зла вдали
юностью и богатством дух согреваю».

1115

1120

О бедах не поминай — мне их словно Одиссею выпало,
что из Аида чертогов великих умел уйти;

он же, духом безжалостный, женихов перебил
 радостно Пенелопы, жены законной,
что так уж ждала его, у сына милого живя,
 пока он земли и моря † сумеречные † исходил углы.

1125

Напьюсь — мне мало дела до бедности душегубной
 и до мужей враждебных, что меня бранят,
я над юностью милой, оставляющей меня, причитаю
 да о тяжелой, что подходит, старости вою.

1130

Кирн, тут друзья, остановим беды начало,
 поищем зелий на рану, раз открылась.

Надежда — один для людей хороший бог,
 прочие на Олимп, все побросав, ушли:
удалилось Верности божество и мужей Скромность,
 а вот и Хариты, друг, оставили землю,
Клятвы верные у людей уж не служат правде,
 и богов никто не страшится бессмертных;
благочестивых людей сникло племя, ни правил
 боле не знают, ни благочестия.

1135

Нет, покуда жив и солнца свет видишь,
 чествуй богов, с надеждой пребудь,
богам моляся и пышные сжигая бедра.

1145

Надежде первой, ей же последней жертвуй.
И помнить, что у неправедных вечно кривой расчет,
 бессмертных богов отнюдь не уважают,
вечно их мысли чужим заняты достояньем —
 позорный залог дурных деяний.

1150

Никогда нынешнего друга не бросай и иного не ищи,
 скверных людей доверившись речам.

Мне б, богатому, подальше от злых хлопот
 жить безвредно, беды не зная.

Не жажду богатства, не вымаливаю, мне б
 жить скромно, беды не зная.

1155

Богатство и мудрость неодолимы для смертных навек,
 ибо душу богатством не перекармишь,
точно так и мудрейший мудрости не бежит,
 но жаждет, а души не наполняет.

1160

† Мужи нынешние — юнцы †, а мне что за нужда
 делать это? сперва меня за прошлое благодари.

1160a

1160b

Лучше ты сокровища не завеща́й де́тям, а дава́й добрым мужам, Ки́рн, когда́ прося́т.	1161 1162
Ни́кто не сча́слив во все́м и сове́с, то́лько досто́йный сме́л в бе́де, ес не по́казывая, а подлы́й ни в уда́че не уме́ет, ни в бе́де дух уравни́ть. Бессме́ртных по́дарки вся́кие для сме́ртных, бе́ри же сме́ло да́ры бессме́ртных, ка́кие да́ют.	1162a b c d e f
Глаза́, и язы́к, и уши́, и ум мужско́й — у разу́меющих о́ни в гру́ди.	1163 1164
Тако́в да бу́дет мо́й дру́г, что́бы прия́теля приме́тив тоску́, и тя́гостного́ сно́сил, сло́вно как бра́та. Ты э́то, дру́г, в ду́ше сво́ей обду́май, — ко́гда-нибу́дь помяне́шь ме́ня. Иска́л да не на́шел я прия́теля ве́рного, вро́де ме́ня, что́б без хи́трости́ сове́с; а при́шло испы́тание — три ме́ня, как зла́то сви́щом, и о́бъявится на́ше досто́инство.	1164a b c d e f g h i
С до́брыми во́дись, а за ду́рными́ не го́няйся ни́когда, ко́ль † дале́ко хо́дишь †, торго́уя.	1165
У до́брых досто́йны отве́ты, досто́йны и де́ла, а подлы́е рече́и ду́рных ве́тер уно́сит.	
Бе́да от лже́дру́жбы прои́сходит, э́то и са́м ты узна́ешь хороше́нко, о́бманув ве́ликих бессме́ртных.	
Бо́ги, Ки́рн, да́ют сме́ртным бла́го мы́сли, мы́слью че́ловек все́ пре́делы о́бъемлет.	1170
О, ка́к бла́жен, у ко́го вну́три о́на е́сть! ско́ль о́на лу́чше го́рдости́ гибе́льной и вре́доносного́ пресе́щения; пресе́щение — зло́ для сме́ртных, ху́же и не́т, и́бо отсю́да, Ки́рн, и́дет все́ злое́.	1175
Е́сли ме́рзких де́л ты не прете́рпел и не со́де́ял, э́то ве́ликий, Ки́рн, зна́к до́блести́.	
Сме́лым бу́ть до́лжно́ мужу́, ко́гда тя́гостная́ печа́ль вну́три, да у бессме́ртных пере́мены́ проси́ть.	1178
Ки́рн, бо́гов стыди́сь и бойся́, и́бо э́то мужу́ воспре́щает нече́стиво́е и в сло́вах, и в де́лах, а что́ ты ти́рана-людо́еда́ жела́ешь сва́лить, та́к на э́то бо́жьего́ гнева́ не́т.	1179 1180

Никого, Киря, лучи смертным сияющего солнца
не видят, над кем бы ни нависала брань;
что за ум у наших горожан, не постигаю, 1184
не правлюсь им, творю ли вред или благо. b

Хорошо это — ум и язык, да мало кто уродился, 1185
чтоб и тому, и другому быть хозяином.

Никто, хоть откупайся, смерти не избежит, и неудачи
трудной, коль преграды не положит судьба.
Даже невзгоды, если уж бог насылает печаль,
смертный хотел бы, да не избегнет дарами. 1190

Не жажду на ложе царственном возлежать
мертвый — мне давай-ка живьем хорошего,
для мертвого терние не хуже ковров ничуть,
† и доска то ли жестка, то ли мягка †.

Богами ложно не клянись, ибо не допустят это 1195
бессмертные, чтоб скрылся должник.

Голос, Полипаид, птицы, резко кричащей, я услышал,
той, что смертным весть принесла: пахать
время. Так и ткнуло меня в черное сердце —
моим цветистым другие владеют полем, 1200
и не тащат мои мулы плуг гнутый
из-за другого † памятного † плавания. . .

Не пойду, не позову и не мною у могилы
оплаканный уйдет муж-тиран под землю.
Пусть и он по смерти моей не тужит 1205
и с ресниц не роняет горячую слезу.

С нашего гулянья не гоним, но и не зовем,
ибо, тягостный, ты мил, когда тебя нет.

Я — Этон по рожденью, живу в Фивах, граде
добростенном, ибо из отеческой прогнали земли. 1210

Ты шутя родителей ненароком не трогай милых,
Аргирида, потому — у тебя дни рабства,
а у нас, женщина, много бед, раз мы своей земли
изгнанники, а все не тягостное рабство,
и не продают нас, да и город есть у нас 1215
чудный, что лежит в долине летейской.

Никогда с плачущим сидя смеяться не станем,
собственной, Кири, удачей услаждаясь.
Трудно, Кири, врага и недруга обмануть,
а другу это легко — обманывать друга.

СТИХИ, МЕСТО КОТОРЫХ В СБОРНИКЕ НЕИЗВЕСТНО

Сколько промахов в рассуждениях смертных,
если, Кири, в смятении мысли.	1221
Ничего, Кири, нет несправеднее гнева,
что вредит, низко душе потакая.	1223
Ничего, Кири, нет отраднее доброй жены.
Я свидетельствую, а ты подтверди.	1225
Вот уж зовет меня покойник моря,
мертвый живыми кричит устами.	1229
1230

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ А. И. ДОВАТУРА*

1925

1. Перевод с древнегреческого: *Ахилл Татий Александрийский*. Левкиппа и Клитопонт / Пер. А. Б. Д. Е. М. Под ред. Б. Л. Богаевского, со вступ. ст. А. В. Болдырева. М. (Совм. с А. Болдыревым, А. Егуновым, А. Миханковым, Э. Визелем (Mustela)).

1926

2. К вопросу о влиянии стихотворений Солона на греческую историческую традицию (1. Аристотель. Афинская Политика. 2. Плутарх. Жизнь Солона. 13) // Сборник статей в честь С. А. Жебелева. [Л.] С. 347—351. (Машинопись).

3. Сергей Александрович Жебелев: Список печатных трудов С. А. Жебелева. Л. 46 с.

1928

4. Заметки к Геродоту // ДАН-В СССР. № 4. С. 57—58 (то же: 'Аспасибу' Ивану Ивановичу Толстому ученики и друзья. Л. С. 5—6).

5. Киренская клятва основателей // ДАН-В СССР. № 11. С. 233—236.

1932

6. Куропатка Клеобеи. La perdrix de Cléobée // Язык и литература. Л. С. 265—272. (Тр. Науч.-исслед. ин-та речевой культуры; Т. VIII).

7. Note sur Parthénios: Souffrances amoureuses, 27 // REG. Т. 45. Р. 195—198.

8. Перевод с древнегреческого: *Гелиодор*. Эфиопика / Вступ. ст., ред. перевода и примеч. А. Н. Егунова. М.; Л. (Пер. кн. II и IX). Ср. № 63.

1933

9. Un fragment de la constitution de Delphes d'Aristote. // REG. Т. 46. Р. 214—223.

* Составил А. Н. Васильев.

10. Метод[ическое] письмо № 2 по латинскому языку: Для I курса. Л. (Совм. с Я. М. Боровским).

11. Перевод с древнегреческого: *Платон. Кратил или о правильности имен.* (Отрывки) // *Античные теории языка и стиля.* М.; Л. С. 36—37.

12. Перевод с древнегреческого: *Платон. Софист*, 261—262 // Там же. С. 57—59.

13. Перевод с древнегреческого: *Платон. Филеб*, 18 // Там же. С. 59.

14. Перевод с латинского: *Августин. О диалектике* // Там же. С. 72—73.

15. Перевод с древнегреческого: *Дионисий Фракийец. Руководство по грамматике*, 1, 3, 4, 6, 7, 10—13, 15—19, 20; *Отрывки* // Там же. С. 105, 107, 115, 119, 121, 128, 129, 131—136.

16. Перевод с древнегреческого: *Аполлоний (Дискол). О местонахождении*, 3, 4, 5, 6, 16, 26; *О наречиях*, 119; *Синтаксис*, III, 137—141 // Там же. С. 134, 135, 137—141.

17. Перевод с русского на французский статьи С. А. Жебелева: *Jebelev S. L'abdication de Pairisadès et la révolution scythe dans le royaume du Bosphore* // REG. Т. 49. Р. 17—37.

18. *La menace de Démarate (Hérodote. VI. 67)* // REG. Т. 50. Р. 464—469.

19. *Античные сборники писем Цицерона* // *Марк Туллий Цицерон. Письма* / Пер. В. О. Горенштейна. М.; Л. Т. 1. С. 403—412.

20. Перевод с латинского: *Плиний Младший. Письма* / Пер. М. Е. Сергеевко, А. И. Доватура, В. С. Соколова. Примеч. М. Е. Сергеевко, В. С. Соколова. М.; Л. 578 с. (Пер. кн. VII—IX). Ср. № 121.

21. Комментарий к работе М. В. Ломоносова «Волфганская экспериментальная физика» // *Ломоносов М. В.* ПСС. М.; Л., 1950. Т. I. С. 577—592. (Совм. с А. А. Алексеевым и В. Л. Ченакалом).

22. *Научный и фольклорный стиль у Геродота*: Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук. Л. 14 с.

23. Перевод с латинского работы М. В. Ломоносова: *Catalogus minetarum. В. Succina (Янтари)* // *Ломоносов М. В.* ПСС. М.; Л. Т. V. С. 233—241.

24. Комментарий к работе М. В. Ломоносова: Слово о рождении металлов от трясения земли // Там же. С. 673—682. (Совм. с Г. Г. Леммлейн).

1955

25. Аграрный Милет // ВДИ. № 1. С. 27—30.

26. Перевод с латинского заметок М. В. Ломоносова // *Ломоносов М. В.* ПСС. М.; Л. Т. IX.

1956

27. Реф. ст.: Аграрный Милет (ВДИ. 1955. № 1. С. 27—30) // *Bibliotheca classica orientalis*. Н. 1. См. № 25.

28. Перевод с латинского трудов В. Гильберта // *Гильберт В.* О магните, магнитных телах и большом магните — Земле: Новая физиология, доказанная множеством аргументов и опытов / Предисл. Э. Райта / Ред., ст. и коммент. А. Г. Калашникова. М. 411 с.

29. Перевод с латинского и немецкого трудов Г. В. Рихмана // *Рихман Г. В.* Труды по физике. М. С. 121—127, 237, 238—239, 261—262, 273—274, 275—283, 285—294, 321—322, 322—323, 323—324, 331—338, 363—365, 365—366, 500—501.

30. Ответств. редактор: Новые тексты переписки Вольтера: Письма Вольтера / Публ., введн. ст. и примеч. В. С. Люблинского. М.; Л. 431 с. Ср. № 81.

1957

31. История изучения *Scriptores Historiae Augustae* // ВДИ. № 1. С. 245—256.

32. Оратория и Ариовист (Цезарь. Записки о Галльской войне) // Там же. № 3. С. 104—121.

33. Композиция «Политий» Аристотеля // Первая конференция по классической филологии: Май 1957 года. Программа и тезисы докладов. Л. С. 11—12.

34. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л. 201 с.

35. Перевод с латинского документов № 408, 409, 471, 474, 500—502, 512 и письма № 4 М. В. Ломоносова // *Ломоносов М. В.* ПСС. М.; Л. Т. X.

36. Редакция перевода с латинского: *Scriptores Historiae Augustae* («Авторы жизнеописаний Августов») / Пер. С. И. Кондратьева // ВДИ. № 1—4.

1958

37. Социальная и политическая терминология в «Афинской Политии» Аристотеля // ВДИ. № 3. С. 55—83.

38. Аристотель, фрагмент 611, 24. (Поправка к тексту) // СА. № 28. С. 140—145.

39. Редакция перевода с латинского — см. № 36 (продолжение) // ВДИ. № 1—4.

1959

40. Реметалк и Евпатор / ВДИ. № 4. С. 32—42.

41. Композиция Политий Аристотеля // Классическая филология. Л. С. 69—81.

42. Ответств. ред.: Классическая филология. Л. 141 с.
43. Редакция перевода с латинского — см. № 36 (продолжение) // ВДИ. № 1—4.

1960

44. Реф. ст.: История изучения *Scriptores Historiae Augustae* (ВДИ. 1957. № 1. С. 245—246. На нем. яз.) // *Bibliotheca classica orientalis*. 5 Jg. N. 3. Col. 162—173 (Steltner). См. № 31.
45. Редакция перевода с латинского — см. № 36 (продолжение) // ВДИ. № 1.
46. Указатель к биографиям римских императоров (*Scriptores Historiae Augustae*) // Там же. № 2. С. 179—211. (Совм. с В. И. Денисюком).

1961

47. Опыт восстановления надписи: ИАК. 3 (1902). № 16. С. 50 // ВДИ. № 1. С. 114—120.
48. Вопросы истории афинской демократии в новейшей зарубежной литературе // Критика новейшей буржуазной историографии: Сборник статей. М.; Л. С. 404—420.
49. Историографический жанр аристотелевских Политий // Вторая Всесоюзная конференция по классической филологии: Июнь 1961. Тезисы докладов. Л. С. 17—18.
50. Ред.: Вторая Всесоюзная конференция по классической филологии: Июнь 1961. Тезисы докладов. Л. 38 с. (Совм. с Я. М. Боровским и С. В. Поляковой).
51. Ред.: *Обновленный А. П. Контрольные работы по латинскому языку и методические указания к выполнению: Для студентов юридических факультетов*. Л. 32 с.

1962

52. Фрагмент «Боттисейской политики» Аристотеля // Древний мир: Сборник статей. Академику В. В. Струве. М. С. 490—500.
53. Рец.: Новый румынский перевод Геродота (*Herodot. Istoriei*. Vol. I. Editura stiințifică. 1961. CXV+547 с.) // ВДИ. № 2. С. 142—146.
54. Рец.: Новый труд по вульгарной латыни (*Mihaescu H. Limba Latină în provinciile Dunărene ale imperiului roman / Editura Academiei Republicii Populare Romine*. 1960. 327p.) // *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*. T. X. Fasc. 4. P. 419—423.

1963

55. Геродот // Сов. ист. энцикл. Т. 4. Стб. 400—401.

1964

56. Полития Аристотеля: Автореф. дис. на соискание ученой степени докт. филол. наук. Л. 32 с.

1965

57. Политика и Полития Аристотеля. М.; Л. 390 с.
58. Реферат двух глав монографии «Повествовательный и научный стиль Геродота». (На нем. яз.) // *Bibliotheca classica orientalis*. N. 3. Col. 145—175.

59. Рец. на кн.: *Weil R. Aristote et l'histoire: Essai sur la «Politique»*. Thèse principale. Paris, 1960. 466 p. // ВДИ. № 1. С. 182—189.

60. Краткий очерк грамматики боспорских надписей // Корпус боспорских надписей. М.; Л. С. 797—831.

61. Рец.: Корпус боспорских надписей. М.; Л. 951 с. (Совм. с В. В. Струве, М. Н. Тихомировым, В. Ф. Гайдукевичем, Д. П. Каллистовым, Т. Н. Книпович).

62. Эпиграфические, филологические и исторические комментарии к боспорским надписям // Там же. С. 101: перечень надписей. (Совм. с Д. П. Каллистовым).

63. Перевод с древнегреческого: *Гелиодор*. Эфиопика. Изд. 2-е. М. Кн. II, IX. Ср. № 8.

1966

64. Структура Политий Аристотеля // ВДИ. № 3. С. 53—64.

65. Платон об Аристотеле // Вопросы литературы и классической филологии. М. С. 137—144.

66. Рец. на кн.: *Rosén H. B. Eine Laut- und Formenlehre der herodotischen Sprachform* (Indogermanische Bibliothek. I Reihe. Lehr- und Handbücher). Heidelberg, 1962. 272 S. // ВДИ. № 1. С. 126—130.

67. Ответств. ред.: Язык и стиль античных писателей: Сборник статей. Л. 226 с.

68. Ответств. ред.: *Зайцев А. Н., Корыталова Т. П., Краймер Н. В., Откупщиков Ю. В., Товстик Е. К., Чекалова Е. И.* Латинский язык. Учебник для университетов. Л. 235 с.

1967

69. «Средний» государственный слой в «Политике» Аристотеля и историческая действительность (Pol., IV, 11, 1296a, 38—40. Опыт интерпретации) // Античное общество: Труды конференции по изучению проблем античности. М. С. 274—277. Ср. № 86.

70. Ответ в редакцию ВДИ на письмо по поводу КБН // ВДИ. № 3. С. 172—174.

71. Рец. на кн.: *Day J., Chambers M. Aristotle's History of Athenian Democracy*. Berkeley; Los Angeles, 1962. 219 p. (University of California. Publications in History; Vol. LXXIII) // Там же. № 2. С. 265—273.

1968

72. О двух апориях в Политике Аристотеля // ВДИ. № 3. С. 54—63.

73. Присяга афинских архонтов // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л. С. 115—120.

74. Рец.: Новая книга о «Политике» Аристотеля (*Braun E. Das dritte Buch der aristotelischen «Politik». Interpretation*. Wien, 1965 (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte; Bd 247. Abh. 4). 292 S.) // ВДИ. № 1. С. 219—223.

75. Феогнид и его социально-политические идеалы // IV Конференция по классической филологии : Ноябрь 1969. Тезисы докладов. Тбилиси. С. 21—22.

76. Рец. на кн.: *Kuch H. ΦΙΛΟΛΟΓΟΥΣ. Untersuchung eines Wortes von seinem ersten Auftreten in der Tradition bis zur ersten überlieferten lexikalischen Festlegung.* Berlin, 1965 // ВДИ. № 1. С. 187—192.

77. Рец. на кн.: *Надписи Ольвии (1917—1965)* / Под ред. Т. Н. Книпович и Е. И. Леви. Л. 1968. 132 с. // Там же. № 2. С. 107—111.

78. Рец. на кн.: *Сергеев М. Е.* Ремесленники Древнего Рима. Л., 1968. 151 с. // Там же. № 3. С. 171—174.

1970

79. Феогнид Мегарский // ВДИ. № 2. С. 41—59.

80. Рец. на кн.: *Aalders G. J. D.* Die Theorie der gemischten Verfassung im Altertum. Amsterdam, 1968. 132 p. // Там же. № 4. С. 179—183.

81. Ответств. ред.: Новые тексты переписки Вольтера : Письма к Вольтеру / Публ., введ. ст. и примеч. В. С. Люблинского. Л. 447 с.

1971

82. Феогнид и Мегары // ВДИ. № 3. С. 38—46.

83. Рец. на кн.: *Schreiner G. H.* Aristotle and Perikles. Osloae, 1969 // Там же. № 4. С. 205—212.

84. Отв. ред.: *Корыталова Т. П., Крайзмер Н. В., Чекалова Е. И.* Латинский язык: Контрольные работы с методическими указаниями. Л. 57 с.

1972

85. Агрида (Феогнид, 1211—1216) // Античность и современность : Сборник статей к 80-летию Ф. А. Петровского. М. С. 223—229.

86. Aristoteles. Politica, IV, 11, 1296a, 38—40 : Versuch einer neuen Interpretation // Philologus. Bd 116. H. 2. S. 309—311. Ср. № 69.

87. Theognis von Megara und sein soziales Ideal // Klio. Bd 54. S. 77—89.

88. Историк Геродиан // ВДИ. № 1. С. 237—257.

89. Перевод с древнегреческого: *Геродиан.* История императорской власти после Марка. Кн. I—II // Там же. С. 258—273; № 2. С. 183—212.

90. Редактор перевода с древнегреческого: Геродиан. История императорской власти после Марка / Пер. Н. М. Ботвинник (кн. III), А. К. Гаврилов (кн. IV), В. С. Дуров (кн. V), Ю. К. Поплинский (кн. VI), М. В. Скржинская (кн. VII), Н. В. Шебакин (кн. VIII) // ВДИ. № 1—4.

91. Рец. на кн.: *Syme R.* Ammianus and the Historia Augusta. Oxford, 1968. 238 p. // Там же. № 3. С. 221—226.

92. Древнегреческая поговорка об Африке // Основные проблемы африканистики: Этнография, история, филология. К 70-летию чл.-кор. АН СССР Д. А. Ольдерогге. Л. С. 299—303.

93. Некролог: Дмитрий Павлович Каллистов (1904—1973) // ВДИ. № 4. С. 225—226.

94. Редакция перевода с греческого — см. № 90 (продолжение) // Там же. № 1.

1974

95. Aristoteles und die Krise der Polis // Hellenische Poleis: Krise—Wandlung—Wirkung / Hrsg. von E. Ch. Welskopf. Berlin. T. IV. S. 2089—2094.

96. Рец. на кн.: *Ničev A. L'Enigme de la Catharsis tragique dans Aristote.* Sofia, 1970 // ВДИ. № 1. С. 172—179.

97. Ответств. ред.: *Зайцев А. Н., Корыхалова Т. П., Крайзмер Н. В., Откупщиков Ю. В., Товстик Е. К., Чекалова Е. И.* Латинский язык: Учебник для университетов. Изд. 2-е. Л. 256 с. Ср. № 68.

1975

98. Обзор новейших работ по «Истории» Геродиана // ВДИ. № 1. С. 205—217.

99. Редакция перевода: *Иоганн Юстус Марций.* Стенко Разин донски козак изменник / Пер. с латинского А. К. Гаврилова // Иностранные известия о восстании Степана Разина: Материалы и исследования. Л. С. 37—51.

1976

100. Рец. на кн.: *Ostwald Martin.* Nomos and the beginning of the Athenian democracy. Oxford, 1969. 228 p. // ВДИ. № 1. С. 167—172.

101. Рец. на кн.: *Маринович Л. П.* Греческие наемники и кризис полиса. М., 1975. 275 с. // Там же. № 3. С. 160—165.

1977

102. Наследственная вина в представлении Солона, Феогида, Эсхила // Язык и литература античного мира: Межвузовский сборник. Л. С. 36—45. (Philologia classica; Вып. 1).

103. Рец. на кн.: *Kolb Frank.* Literarische Beziehungen zwischen Cassius Dio, Herodian und der Historia Augusta. Bonn, 1972. 196 S. (Antiquitas. Reihe 4. Beiträge zur Historia Augusta-Forschung unter Mitwirkung von Johannes Straub / Hrsg. von Andreas Alföldy. Bd 9) // ВДИ. № 1. С. 230—237.

1978

104. Аристотель и история // ВДИ. № 3. С. 3—9. Ср. № 124.

1979

105. Рец. на кн.: *Радциг С. И.* История древнегреческой литературы. 4-е изд. М., 1977. 550 с. // ВДИ. № 1. С. 187—188.

106. Рец. на кн.: *John K. P. Kaiserbiographie und Senatsaristokratie*. Berlin, 1976. 206 S. // Там же. № 3. С. 196—202.

1980

107. Аристотель о социальных причинах изменения афинского государственного строя в 60—30-х годах V в. до н. э. // Древний Восток и античный мир. М. С. 152—158.

108. Рабство в Аттике VI—V века до н. э. Л. 135 с.

1981

109. Рец. на кн.: *Kaimio Iorma. The Romans and the Greek Language (Societas Scientiarum Fennica. Helsinki. 379 P.)* // ВДИ. № 4. С. 165—173.

110. Редакция перевода: Демосфен. Письма / Пер. и комм. В. В. Вальченко // Там же. № 2, 3.

1982

111. Фукидид и мегарская псефизма Перикла // ВДИ. № 1. С. 129—134.

112. Обозначение морей у Геродота // Там же. № 3. С. 110—113.

113. Солон и Мимнерм: Поэтическая полемика по поводу разного восприятия жизни // Традиция и новаторство в античной литературе: К 100-летию со дня рождения академика И. И. Толстого. Межвузовский сборник. Л. С. 55—62. (*Philologia classica*; Вып. 2).

114. Общее руководство изданием: *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота: Тексты. Перевод. Комментарий. М. 455 с.

115. Введение // Там же. С. 5—13.

116. Вторая часть историографического очерка: «Зарубежная историография» // Там же. С. 41—79.

117. Филологический комментарий к тексту // Там же. *Passim*.

1983

118. «Политика» Аристотеля // *Аристотель*. Сочинения в четырех томах. М. Т. 4. С. 38—52.

119. Ред.: там же.

120. Примечания к «Политике» Аристотеля // Там же. С. 760—788.

1984

121. Ответств. ред.: Письма Плиния Младшего: Книги I—X / Подг. М. Е. Сергеевко, А. И. Доватур. Изд. 2-е. М. 407 с.

122. Перевод кн. VII—IX писем Плиния Младшего // Там же. С. 118—177.

123. Примечания к кн. VII—IX писем Плиния Младшего // Там же. С. 342—367.

1985

124. *Aristote et l'histoire // La philosophie grecque et sa portée culturelle et historique*. Moscou, 1985. P. 211—219. (Пер. на франц. яз. С. Н. Муравьева). Ср. № 104.

125. Aristote et la polis // Ibid. P. 220—228. (Пер. на франц. яз. С. Н. Муравьева).
126. Римский император Марк Аврелий Антонин // *Марк Аврелий Антонин. Размышления.* / Пер. А. К. Гаврилова. Л. С. 76—93.
127. Ответств. ред.: там же.

1986

128. Марциал IV, 21 (опыт интерпретации) // Проблемы античного источниковедения. М.; Л. С. 11—32.

1987

129. Перевод с латинского: *Гильберт Вильям. О магните* // Химия и жизнь. № 8. С. 23—25. Ср. № 28.

Подготавливаются к изданию:

130. Проводы Теофилы (КБН. № 130).
131. Опыт указателя к кн.: *Griechische Vers-Inschriften.* Berlin, 1955.
132. Алкестида и армянский фольклор (Сказание о кагуане Аслане).

ЛИТЕРАТУРА О А. И. ДОВАТУРЕ

1. Некролог // ВДИ. 1982. № 3. С. 204—206.
2. *Шишова И. А.* А. И. Доватур и источниковедение античности // Вспом. ист. дисц. 1984. Т. 14. С. 300—303.
3. *Левинская И. А.* I и II Доватуровские чтения в Ленинградском отделении Института истории СССР АН СССР // ВДИ. 1986. № 2. С. 213—217.
4. *Аверинцев С. С.* Попытки объясниться. М., 1988. С. 14 сл. (Библ. «Огонек»; № 13).
5. *Толстая Т. Н.* Это было так легко — не учиться // Неделя. 1988. № 21 (1469). 23—29 мая. С. 10—11.
6. *Кожокару В. М.* История одной семьи // Придунайская искра. 1987. 26 дек. № 154.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории
 ДАН — Доклады АН СССР
 Надписи Ольвии — Надписи Ольвии (1917—1965) / Под ред.
 Т. Н. Книпович и Е. И. Леви. Л., 1968.
 СА — Советская археология
 AJPh — American Journal of Philology. Baltimore, 1880—. . .
 Arist. (Rose) — Aristotelis Fragmenta / Ed. V. Rose (=Opera omnia,
 Berolini, 1870. Vol. V).
 CIRB — Corpus inscriptionum Regni Bosporani (русское название:
 Корпус Боспорских надписей — КБН). М.; Л., 1965.
 IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini / Ed. B. La-
 tyschev. Petropoli, 1885—. . .
 Passow — *Passow F.* Handwörterbuch der griechischen Sprache.
 5te Auflage. Leipzig, 1841—1857. Bd 1—2.
 RE — Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissen-
 schaft / Hrsg. von G. Wissowa, W. Kroll etc. Stuttgart,
 1893—. . . Supplementbände: 1903—. . .
 REG — Revue des Études grecques. Paris, 1888—. . .
 RhM — Rheinisches Museum für Philologie. Frankfurt a. M., 1842—

. . .

Издания текста Феогнида

- Carrière — Théognis, poèmes élégiaques. Paris, 1948 (Collection
 Budé).
 Diehl — Anthologia lyrica Graeca. I—III / Ed. E. Diehl. Lipsiae,
 1949.
 Edmonds — Elegy and Iambus. London; New York, 1931. V. I.
 Garzya — Teognide: Elegie. Libri I—II. Firenze, 1958.
 Young — Theognis / Ed. D. Young. Lipsiae, 1961.

Сокращения имен и сочинений античных авторов даны, как
 принято в изданиях «Année philologique» и «Greek-English Lexicon»
 (LSJ).

УКАЗАТЕЛЬ ТОЛКУЕМЫХ МЕСТ (INDEX LOCORUM)

Ф е о г н и д

1—4 125	221—226 93
5—10 30, 125	227—232 100
11—14 25 сл., 125	233—234 42
15—18 31, 125	235—236 74
19—26 31, 39	237—254 28
27—38 32, 41 сл., 67 90, 124,	267—270 54, 88
141 ср. 88	271—278 87
39—52 32, 47, 55 сл., 63, 88, 100,	279—282 47, 126
142	283—288
53—68 32, 55—57, 100	289—292 78, 92, 100
69—72 43, 67, 90	299—300 93
81—82 114	305—308 65, 82—83, 91
83—86 93	309—314 85
87—88 92	315—318 48, 91
89—92 92	319—322 47, 91, 115
101—104, 43, 67, 90	323—328 93
105—112, 47, 91	329—330 81, 126
113—114 43, 67, 91	331—332 81
115—128 93	332a—332b 96
133—134 114	333—334 89, 96
141—142 124	337—340 92
143—144 126	341—350 33, 49, 74, 92, 93,
145—150 48, 49, 66, 91	115, 120
151—152 91	351—354 33, 54, 88, 95
153—154 48, 91	355—360 113, 115
155—158 54, 114, 124	357—358 116
159—160 93, 116	363—364 33, 92
161—164 115	367—370 69, 78
165—166 54, 115, 124	371—372 92
169—170 115	373—392 54, 93, 107, 108—
171—172 115, 124	110, 112, 115, 127
173—182 33, 48, 49, 54, 87	393—398 47, 91, 114
183—196 30, 44 сл., 65, 87, 91,	407—408 92
100	409—410 47
197—208 126	413—414 85
209—210 81, 96	415—418 93, 95
219—220 81	419—420 49, 88, 95
	425—428 86, 93
	429—438 81 сл.

- 441—446 47, 66, 91, 93
 465—466 48
 467—502 34 *сж.*, 85
 503—510 34, 85 (*bis*), 95
 511—522 30, 33, 95, 96
 523—526 48, 49, 66, 88, 100,
 127 *сж.*
 527—528 87
 529—530 81
 531—534 81, 85, 100
 541—542 100
 549—554 73
 555—556 115, 124
 557—560 54
 563—566 85
 567—570 33, 85, 87
 571—572 93
 575—576 69, 80, 89, 93, 100
 577—578 81
 585—590 93, 124
 591—594 108, 113—117, 124,
 145
 595—598 92
 599—602 92, 126
 603—604 74, 88, 100, 142
 611—614
 617—618 125
 619—620 54, 87, 88, 93, 95
 621—622 87
 627—628 85
 635—636 69
 641—644 93
 645—646 93
 647—648 93
 649—652 33, 54, 68, 88, 100
 653—654 115, 125
 657—658 47, 116
 659—666 54, 93, 116, 125
 667—682 34, 49, 55, 58—63,
 81, 88 *сж.*, 100, 144
 683—686 87
 687—688 93, 108, 128 *сж.*
 699—718 48
 725—728 87
 729—730 93
 731—752 54, 87, 107 *сж.*, 128
 757—768 26, 73, 85, 87, 125
 773—782 25 *сж.*, 73, 85, 125
 783—788 25, 30, 72, 96
 789—792 85
 797—798 66
 811—814 69, 83—84, 89, 93
 815—816 49, 88
 819—820 93
 825—830 73, 81, 86, 88, 100
 833—836 69, 88, 89
 837—844 34, 85
 847—850 33, 50—54, 67
 851—852 125, 126
 853—854 47, 91
 855—856 89
 857—860 93
 865—868 48, 49, 73, 93, 108,
 128
 869—872 92, 120
 873—876 85
 877—884 34, 85
 879—884 72
 885—886 73, 120
 887—890 30, 72
 891—894 67, 72, 126, 144
 929—930 54
 943—944 81, 85
 947—948 144
 949—954 30, 68, 80, 93, 100, 143
 955—956 47
 957—958 95
 963—970 93
 971—972 66, 86
 973—978 87, 100
 979—982 93
 983—988 68, 87, 93, 143
 989—990 85
 991—992 93
 993—1002 85
 1003—1006 73
 1007—1012 34, 87
 1013—1016 86, 89, 93
 1017—1022 34, 87
 1023—1024 144
 1025—1028 47, 66, 91
 1029—1036 47, 93, 114, 125
 1037—1038 47
 1038a—1038b 47
 1041—1042 74, 80, 85, 100
 1043—1044 74
 1045—1046 81
 1047—1048 86
 1049—1054 90
 1055—1058 125
 1059—1062 49, 88
 1063—1068 85, 100
 1069—1070 34, 87
 1075—1078 116, 125
 1081—1082 88
 1087—1090 125
 1091—1102 92
 1103—1104 74, 88, 100, 142
 1107—1108 93
 1109—1113 44, 66, 89

1114a—1114b 54	1179—1182 125
1115—1116 48, 54 сл.	1187—1190 108
1117—1122 54, 88, 89, 125, 126	1195—1196 125
1123—1128 93	1197—1202 33, 49, 72
1129—1132 87	1207—1208 85
1135—1150 86, 93	1209—1210 98
1153—1156 54	1211—1216 93—101
1162a—1162b 47	1217—1218 81, 92
1165—1166 91	1219—1220 92
1167—1168 47, 91	1249—1252 95
1169—1170 43, 91	1271—1274 95
1171—1178 125	1377—1380 43

Другие авторы

Aesch. Agam. 750 sq.	110
Prom. 462 sqq.	51 сл.
Archil. 67a D.	117, 145
Aristoph. Vesp. 77	129
Lys. 1155—1156	55
Aristot. Ath. Pol. 2.5—12	139
16.7	138
19.3	46, 100
22.7	60
Polit. IV, 12, 10; V, 2, 6; 4, 1—5	75 слл.
frg. 500, 526	75, 143 (resp.)
Eur. Andr. 204	44
Hdt. I, 29 sqq.	134 слл.
IV, 142	51
V, 66 sqq., 70 sq., 113	135 сл.
VI, 129; VII, 152	99
IX, 109	52 сл.
Hesiod. Theog. 425, OD 284	60, 44 (resp.)
I, 166; II, 265	60, 67
Hom. Od. VIII, 160—165	62, 69
Hymn Hom. ad Cer. 86, 213 sqq.	60, 66 (resp.)
Mimnerm. N6	14, 118 сл.
Plat. Gorg. 487d	84
Meno 95d—e	69
Resp. II 359d, VIII 549 sq.	84, 69 сл (resp.)
Leg. I 630a	36
Solo N1	102 слл., 105, 119
N5, 3, 7—10	42, 48, 53
N19	123
N23, 19 sqq.	60, 66, 43
N24	43, 106
Soph. OR 1062 sq.	70
Suid s. v. Θεόγνις	26, 37
Thuk. I, 126, 2	124
IV, 74	77
VII 27, 4 (+schol. ad loc.); 42, 2	60 слл.
Xen. Lac. Pol. 10, 8	122
Ps.-Xen. Ath. Pol. 2	63, 79
Inscript.:	
IosPE I ² N20, 21, 23	59
CIRB N1	59
GVI I Peek	96, 99, 145

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Д р е в н о с т ь

Агамемнон 60, 67, 94, 121
 Агариста 99
 Алиатт 142
 Алкатой (Алкафой) 25
 Алкей 64
 Алкивиад 122
 Алкмеониды 46, 103 сл., 136 сл.
 Амалтея 15
 Анакреонт 64
 Андромаха 44
 Антиной, жених Пенелопы 53
 Аргирода 93 сл.
 Ардис 9 сл.
 Аристогитон 9, 37
 Аристотель 16, 46, 75—79, 100,
 122, 134 сл., 140, 143
 Аристофан 84, 98, 114
 Артаинта 52
 Артаферн 26
 Артемиды 25, 30
 Архилох 9, 113 сл., 145
 Афина Паллада 105, 139
 Ахилл 60, 121

Бион Борисфенид 130
 Брасид 77

Ветурия 98 сл.

Гармодий 9, 137
 Гарпаг 26, 37
 Гелиос 14
 Гермес
 Гермипп-биограф 16
 Гермокреонт 122

Геродот 99, 103 сл., 121,
 134 сл., 140
 Гесиод 44, 104, 125
 Гесихий Милетский 16, 141
 Гелон 76
 Гей 105
 Гиг 142
 Гиппарх см. Писистратиды
 Гиппоклит 99
 Главк, спартанец 104
 Гомер 62, 94, 121, 125, 143
 Гораций 107

Дамасий 46
 Датис 26
 Деметра 66
 Демосфен, атт. оратор 59
 Дидим 25
 Дика (Справедливость) 19
 Диоген Лаэртий (Лаэртский) 16
 Диодор 140
 Дион Хрисостом 11
 Дионис 122
 Дионисий Галикарнасский 98

Евсевий 11, 26, 37

Зевс (Кронид) 107 сл., 114 сл.,
 120, 124 сл.
 Земля 20

Исагор 80
 Исократ 140

Каллин 9 сл.

Карион 84
Килон 103
Кимон 80
Киприда (Афродита) 105, 119
Кипселиды 144
Кир 37, 121
Кирн см. Предметный указатель
Клеарист, знакомый Феогнида 33
Клеомен Первый 103 сл.
Клисфен Старший 99, 136
Клисфен Младший 135 сл.
Кодриды 136
Кратин 138
Ксенофонт 121 сл.
Ксеркс 26, 37, 52, 121
Крез 16, 134

Лакрит 59
Лигиастид 13, 118
Ликург, афинский политический деятель 80
Ликург, спартанский законодатель 122
Ликург, аттический оратор 11

Метанира 66
Мильтиад (Младший) 77, 144
Мимнерм 13 сл., 23, 33, 64, 118 слл.
Мин 121
Мойра 10, 23
Музы 22 сл., 105

Нанно 13
Никодем 60

Одиссей 53, 62, 67, 94, 121

Павсаний, автор «Описания Эллады» 11, 25, 97
Пелопс 11
Перикл 104, 136
Писистрат 77, 135
Писистратиды 77, 137
Платон 11, 16 сл., 25, 84, 98, 122
Плутарх 11, 140
Плутос 48, 127
Полипаид см. Предметный указатель, Кирн

Прометей 52
Псевдо-Ксенофонт (=Старый Олигарх) 63, 70, 79 сл., 132

Родопида 121

Саднатт 142
Сафо 64, 91
Свяда (Суда) 11, 16 сл., 25 сл., 37, 118
Семонид (Аморгосский) 14
Симонид (Кеосский?) 34, 49
Солон 9, 14, 15 слл., 48, 53, 66, 77, 102 слл., 118 слл., 130, 134 слл., 141
Софокл 70, 114
Стобей 11, 102

Тиртей 11 слл.
Трофоний 97

Феаген 75 сл.
Феб (Аполлон) 72, 121, 126
Феогнид см. Предметный указатель
Феопомп, спарт. царь 11
Ферсит (Терсит) 67
Филокипр 105, 119
Фокияд 14 сл.
Фукидид, сын Мелесия, вождь олигархов 80
Фукидид, сын Олора, историк 61, 77, 104

Харакс, брат Сафо 91
Хрис 94, 121

Эвриал, феакиец 62
Эврипид 44
Эксекестид, отец Солона 17
Эсхил 51 сл., 102 слл., 110 слл.

Ясон 14

Новое время

Allen T. W. 37
Aly W. 26 сл., 36 сл., 39

Beloch J. 36
Bergk Th. 82, 99, 114, 116, 118
Blumenthal A. v. 146
Bowra C. M. 38, 55, 74, 81
Brunck Ph. 97
Buchholz E. 51, 55, 82, 111
Bürchner L. 97, 142

Carrière J. 37, 82, 95, 98, 144
Cauer F. 37, 41, 55, 62, 84, 131, 146
Cauat A. 38, 40
Croiset A. M. 36, 50, 105, 119
Crusius O. 36
Cucuel Ch. 41

Denniston J. D. 99
Diehl E. 11, 72, 97, 114, 116, 118
Diehle A. 122
Dornseiff F. 37 сл., 40, 131, 146

Edmonds J. M. 116

Festa E. 82
Forti Messina A. 50
Fränkel H. 50
Franyó Z. 103
Frese H. 37
Friedländer P. 38
Frisch H. 38, 131, 142, 146
Fritzsche Th. 40

Garzya A. 72 сл., 86, 88, 97
Gerth B. 119
Glötz G. 46, 76, 106

Harrison E. 36 слл., 89—144
Heinemann J. 38
Hermann G. 88
Highbarger E. L. 36 сл., 80
Hiller E. 37, 76
Hiller v. Gärtringen F. v. 76
Hudson-Williams T. 36, 40, 116
Hug A. 100

Jacoby F. 37, 41, 142
Jäger W. 37, 103, 105

Klinger W. 37
Kroll J. 38, 142
Kühner R. 119
Kuellenberg R. 38

Linforth J. M. 103
Lucas J. 38

Mau A. 100
Meyer Ernst 36, 74, 78, 141
Mueller C. 40

Nägelsbach C. (K.) F. 111
Nietzsche Fr. 40

Peek W. 96, 99, 145
Pfeiffer R. 105

Ramorino F. 47
Reinhardt K. 105
Reitzenstein R. 36, 131, 146

Schmid W. 36, 119
Schneidewin H. 38
Schneider K. 100
Schoemann G. F.
Sitzler J. 82
Stählin F. 97
Stählin O. 36, 37, 39
Steffen K. 123, 141

Teuffel W. 102
Trever A. A. 78

Unger G. F. 37

Van Groningen B. A. 39, 47, 50, 53, 59, 72 слл., 81 слл., 88, 91, 93, 94, 114, 116, 129, 142, 144, 145, 148
Verdenius W. J. 142, 146

Welcker F. Th. 39, 64, 82, 98
Wenndorff F. 100
Wilamowitz-Moellendorff U. v. 37 слл., 103, 105, 112, 139

- Young D. 38 сл., 82, 116, 131, 146, 148 Зелинский Ф. Ф. 143
- Ziegler K. 105 Иванов Вяч. Ив. 51, 147
- Апт С. Е. 147 Меликова-Толстая С. В. 133
- Блаватская Т. В. 143 Наук А. К. 99, 145
Блуменау Л. В. 147 Нилендер В. О. 51, 147
Боровский Я. М. 102
Бузескул В. П. 135, 139 Пиотровский А. И. 51, 147
- Вересаев В. В. 51, 66, 145, 147 Сергеенко М. Е. 61
Вишпер Р. Ю. 135, 138
Воеводский Л. Ф. 147 Церетели Г. Ф. 147
- Доватур А. И. 3—6, 77, 133, 141, 142, 144, 145, 147 сл., 182—190, 192 сл. Шестаков С. П. 111
- Жебелев С. А. 61 Ярхо В. Н. 112

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Алопека, аттический дем
 Аттика 23, 46, 61, 77, 138 сл.
 Афины 11, 17, 19 слл., 60, 73,
 79 сл., 103 сл., 109 сл., 146
 Беотия 75, 97
 Борисфен (Ольвия на Гипанисе)
 59
 Гортина 97
 Декелея 61
 Делос 30
 Дельфы 121
 Египет 17
 Ифомские горы 12
 Ионийцы 8, 9, 13, 26, 123
 Кария 97
 Керинф, г. на Эвбее 72, 144
 Киммерийцы 9, 142
 Кипр 17, 143
 Колофон 13 сл., 142
 Колхида 14
 Коринф 73 сл., 77
 Крит 97
 Критское море 58
 Лебадея 97
 Лелантская долина 72, 144
 Лелегы 75
 Лета 98 сл.
 Летей (3 реки с этим именем) 97
 Лидия 14, 17, 142
 Локры 75
 Магнезия (на Меандре) 9, 74,
 97, 142
 Мегаряда 72
 Малая Азия 17, 142
 Мегары на Истме (Нисейские)
 17, 25, 36, 45 слл., 60, 74,
 75 слл., 84, 131 сл., 141, 144,
 146
 Мегары в Сицилии (Гиблейские)
 25, 36
 Мегары в области этиков 25, 37
 Мелийское море 58 сл.
 Мемфис 121
 Мессения 12
 Милет 14 сл.
 Ниневия 15
 Ольвия (ср. Борисфен) 59
 Остия 61
 Пантикапей 59
 Парос 58
 Пеней 97
 Платей 26
 Рим 61
 Родос 75 сл.

Саламин 17, 18 сл., 26, 138
Сикион 136
Сиракузы 35, 75 сл.
Смирна 14, 142
Солы на севере Кипра 119
Спартанцы 11, 25, 30

Тартар 98
Треры 10

Феаки (феакийцы) 62, 68
Феодосия 59
Фессалия 97

Фивы 75 сл., 98

Халкида 144

Эвбея 25, 30, 72

Эврот 25

Эгейское море 58

Энофиты 76

Эриней, мыс 11

Этики, фессалийское племя 25,
37

Эфес 10

История Греции

войны 10, 11, 13, 26, 30, 35,
37, 46, 55, 72 сл., 76, 142,
143, 144

персидская опасность 26,
72 сл., 137, 142

политическая борьба 15,
17 сл., 130 сл., 132,
134 сл.

история идей 10, 12, 13,
51 сл., 65 сл., 69—71,
79 сл., 90, 91, 99, 100,
102 сл., 110 сл., 118 сл.,
126 сл., 132

социально-этическая терми-
нология — *passim*, в осо-
бенности 41—44, 55 сл.,
64 сл., 70, 74, 76, 141

Мегары (Нисейские)

внутриполитическая история
56 сл., 72 сл., 75 сл.,
77 сл., 87, 131, 141, 145
внешние враги 73 сл., 131
социальная структура 29,
31 сл., 43, 50, 54 сл.,
63 сл., 67, 90 сл., 131 сл.,
144, 146

Феогнид и его творчество

родина 25, 36
время жизни 25 сл., 37, 131,
144

участие в войнах 72 сл., 86
политическая борьба 70 сл.,
72, 78, 81, 84, 87 сл., 92,
96, 131

изгнание, конфискация иму-
щества 30, 33, 37, 49, 57,
58—63, 72, 81, 93 сл., 131

социально-политические иде-
алы 29 сл., 41 сл., 50—

54, 57, 58—63, 64, 78 сл.,
81, 126 сл., 132, 141, 146
друзья, Кирн 31 сл., 88 сл.,
91 сл., 95, 132

мироопущение, пессимизм
30, 37, 47 сл., 54, 57, 65, 68,
80 сл., 83, 85 сл., 88,
92 сл., 99 сл., 109 сл., 114,
143, 146

отношение к богам, Про-
мыслу 30, 86, 92, 107 сл.,
112, 114, 120, 124 сл., 145

богатство и бедность 33, 48,
54, 68 сл., 79, 87 сл., 127,
144

молодость и старость 33 сл.,
85 сл., 143

вино, симпозиий, поэзия на
пирях 8 сл., 34, 85 сл.,
100, 137, 142

характер Феогнида 32 сл.,
49, 53 сл., 64, 80 сл., 86,
93, 101, 110, 120, 126,
129 сл., 144

влияние среды 48, 54 сл.,
69 сл., 88

эволюция поэта 65 сл., 68 сл.,
80 сл., 82 сл., 129

Феогнидовский корпус

природа сборника, проблема
авторства 27 сл., 31, 37—
41, 131 сл., 146

вторая книга 26 сл., 37

другие сочинения 35
темы (топика) 31—34, 66 сл.,
85 сл., 92 сл., 96, 100,
115 сл., 120, 125

границы отдельных стихотво-
рений 73, 98, 113—117,
142, 146

дублиеты 38, 146
стихи из других поэтов 38,
48, 91, 146
противоречия (действитель-
ные или мнимые) 38, 54,
55, 68 сл., 80 сл.
толкования отдельных стихо-
творений см. Указатель
мест
толкования отдельных слов,
выражений см. Index Grae-
cus
лексика, синтаксис, частицы
см. там же, Index gram-
maticus
вопросы текстологии 26 сл.,
77, 82 сл., 88, 97, 102, 114,
142

интерпункция 116
композиция 93, 115 слл.
образы, сравнения 55, 58 сл.,
142 сл.
ирония 35, 38, 61, 73, 84,
88, 99, 141
Русские переводы Феогнида 51,
147
Солон
анализ солоновской tradi-
ции 16, 134—141
политическая деятельность
17 слл., 53, 86 сл., 141 сл.
мировоззрение 22 сл.,
102 слл., 118 слл., 123 сл.

УКАЗАТЕЛЬ ГРЕЧЕСКИХ СЛОВ (INDEX GRAECUS)

καθαροί (ἐσθλοί, χρηστοί, γνώριμοι, εὐποροί) ср. κακοί 29, 41 слл., 55 слл., 63, 64 сл., 79, 88, 90 слл., 141

ἀνὴρ ἀγαθός 70

ἀδικοὶ ἄνδρες 144

αἰδώς 66

τὰ αἰσχρά 68

ἄμαυρός 44

ἀνάγκη 45

ἀναίτιος, ἀναίτια ἔργα 102 слл.

αἰτίην ἔχειν 104 сл.

ἀναξ 143

ἀρετὴ 29, 66, 77

ἀττὴ 103, 114

ἀφελῶς 94

γάρ 50, 52 сл., 94

γέγονε 26, 37

γέ μιν 99

γῆ (πατρία) 72 сл., 95

γνώριμοι, γενναῖοι 106

(ἀνα)δασμός 59 сл.

δῆμος 50

δημοτικοί 79, 139 сл.

δίειπν εἶπεῖν 129

δίκαία φρονεῖν 91

δύναμιν ἔχοντες, δυνάμενοι 42

δύναμις μεγάλη 41 сл., 88, 141

ἐναγείς 104

ἐς τὸ μέσον 61

ἔτι καὶ νῦν, καὶ νῦν ἔτι 118 слл.

Εὐνομίη, εὐνομία 12, 19, 105

εὐποροί 76 слл.

εὖ φρονέων 90

ἴσος, ἰσομοιρία 60

κακοί (δειλοί, αἰσχροί πονηροί) 29,

42 слл., 55 слл., 63, 64 сл., 74,

79, 83, 90 слл., 141

κακόν 65

καλὸς καγαθός, ср. ἀγαθός 66

κατωνάκη 55

κεκλιμένος 97

κέρδος 69

κόσμος 59

κυβερνήτης 59, 63

κύρβεις 139

κῶμος 86

Ληθαῖος 97 слл.

Λήθης δόμοι, χῶρος, θάλαμοι 99

λιγυσταστάτης 13, 113

λίην 117

μαυροῦσθαι 44

μούναργος 32, 56

οὐκέτι 50 слл.

πάντως 82

πέρνημι 96

πλούσιοι 45, 79, 108, 127

πόλις 32

προδιδόναи 80, 89

πρωράτης 63, 142

ῥυσμός 113, 117

σαόφρονες 55

σεισάχθεια ή, ср. τὰ σεισάχθεια

138, 139, ср. 106

σοφοί 81

σφρηγίς 31

τηλαυγής 73

τολμᾶν 108, 113 слл.

υποθῆκαι 38, 90

υπομνήματα 39

φεύγω 95 слл.

φιλήνιος 51 слл.

φίλος 94

φιλοδέσποτος 50 слл.

φορητοί 61 слл.

χρῆμα 84

χρήματα 45, 49, 59

χρηστός, ср. ἀγαθός

χῶρος 73, 99

I n d e x g r a m m a t i c u s

артиклъ 77

pluralis pro singulari 95

schema Pindaricum 32

словообразование 97 слл.

оптатив без ѣv 119

infinitivus imperativus 113

причастие при финитном глаголе 52 сл., 83 сл.

частицы 52 сл., 94, 99, 120 слл.

синонимы 60, 96, 98

словосочетания 95 слл., 129

связь слов 113 сл., 117, 144

порядок перечисления 76

THÉOGNIS ET SON ÉPOQUE

Aristid Ivanovič Dovatur (Aristide Devautour), 1897—1982, un des spécialistes de l'Antiquité les plus remarquables de l'école de Léninegrad à une époque trop riche en événements historiques dramatiques, ne verra pas, hélas, ce livre posthume. C'est un recueil d'écrits divers dont certains ont été publiés et d'autres demeuraient inédits. Le comité de rédaction a tenu à mettre à la disposition du lecteur des études et des ébauches datant d'années diverses afin de mettre en évidence l'immense travail qu'Aristid Dovatur a consacré à l'œuvre de Théognis de Mégare et de faire connaître sa conception tant du *Corpus Theognideum* que de la révolution mégarienne. Parallèlement, le lecteur observera la stratégie historico-philologique de ces travaux qui, malgré la diversité des styles, sont toujours un modèle de méthode. Même quand il ne l'a pas cherché, l'œuvre du professeur Dovatur a une valeur didactique incontestable.

Dans la *quaestio Theognidea* l'auteur adopte résolument un point de vue unitaire, il est de ceux pour qui le corpus est l'œuvre d'un seul poète, Théognis, natif de la Mégare de Nisos. Toutefois, il préfère s'appuyer sur les poèmes dont l'authenticité ne prête pas à controverses pour la grande majorité des chercheurs. Selon lui, Théognis a vécu dans la seconde moitié du VIe et au début du Ve s. avant n. è.

L'intuition maîtresse de A. Dovatur — à la fois fruit et prémisse de ses études théognidéennes — est que les rapports sociaux de l'époque ont trouvé dans la poésie de Théognis un reflet subjectif, et même éminemment subjectif. Aussi, les «témoignages» que nous trouvons dans le corpus ne doivent-ils pas être naïvement interprétés comme des documents. Si, par exemple, le poète semble diviser toute la société en «bons» et «mauvais» (selon leur origine noble ou roturière), en réalité, comme le prouvent ses propres poèmes, cette distinction avait déjà été balayée par l'histoire et remplacée par une autre, entre les riches et les pauvres. Ceux que le poète appelle les «siens», se détournent en fait de l'aristocratie appauvrie et se mêlent aux riches parvenus issus du *demos*, contractent avec eux des liens matrimoniaux et partagent avec eux des intérêts communs dans la vie quotidienne. Théognis s'indigne d'une situation devenue depuis longtemps un fait accompli. Il s'entête à mépriser quiconque n'a pas une origine aristocratique: pour lui, ils demeurent des «vilains», etc. La lutte de Théognis et de ses rares compagnons d'idées contre les normes qui l'ont emporté dans la société, la défense par eux d'idéaux dépassés ne pouvaient aboutir qu'à une défaite totale.

L'étude des passages se rapportant à la guerre et aux hostilités conduit l'auteur à la conclusion qu'ils témoignent nulle part d'une par-

ticipation de Théognis à la guerre civile à Mégare. Ce qu'Aristote a pu nous apprendre sur les luttes politiques et la guerre civile à Mégare cadre mal avec l'époque du poète. D'où cette conclusion: bien que Théognis ait indéniablement pris une part active à des débats politiques orageux, il n'a été ni un contemporain, ni *a fortiori* un acteur de la guerre civile. A la différence du Vieil Oligarque, auteur de la Constitution d'Athènes jadis attribuée à Xénophon, le poète de Mégare, dans ses prises de position politiques, prend fait et cause pour les «riches» contre le demos, mais ne considère comme ses alliés véritables que les aristocrates; il met tout le reste de la population de sa ville dans la même sac des «vilains», exception faite seulement pour l'ancienne noblesse.

Les idéaux sociaux défendus par Théognis, de même que son appel à la restauration d'un régime depuis longtemps dépassé, étaient condamnés à l'échec. Le poète ne pouvait rallier un nombre suffisant de partisans et, vers la fin de sa vie, privé de sa fortune et de sa position sociale, il se trouva dans l'isolement. Fait caractéristique, malgré l'obstination avec laquelle le poète gardait fidélité à ses principes, on peut déceler une certaine évolution dans ses propres vues sur la transmission héréditaire des vertus et des vices: la vie changeante convainc de plus en plus le poète de l'influence exercée sur l'homme par son milieu social.

Le lecteur trouvera facilement les analyses de divers poèmes grâce à l'*index locorum* où sont soulignés les passages faisant l'objet d'un examen circonstancié et original.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
А. И. Доватур как исследователь раннегреческой элегии . .	3
Введение. Древнегреческая элегия и Феогнидов сборник	8
Глава I. Социальная позиция поэта	36
Феогнид и <i>corpus Theognideum</i>	36
Консервативная мысль и меняющаяся действительность	64
Глава II. Политическая борьба в Мегарах	72
Феогнид и Мегары	72
Социальный пессимизм поэта	85
Судьба изгнанника (Аргирида: 1211—1216). .	93
Глава III. Мировоззрение Феогнида и его современников	102
Наследственная вина по Солону, Феогниду, Эсхилу	102
Архилохов <i>ῥυθμός</i> у Феогнида (591—594) . . .	113
Поэтическая полемика о ценности жизни (Солон и Мимнерм)	118
Позиция Феогнида в религиозных вопросах	124
Вместо заключения: тезисы о Феогниде	131
Комментарий	133
<i>Приложение I.</i> Феогнидов сборник (перевод А. К. Гаврилова)	147
<i>Приложение II.</i> Список научных трудов А. И. Доватура	182
Список сокращений	191
Указатель толкуемых мест (<i>Index locorum</i>)	192
Указатель имен	195
Указатель географических названий	199
Предметный указатель	201
Указатель греческих слов (<i>Index Graecus</i>)	203
Резюме: A. I. Dovatur. Théognis et son époque	205

Аристид Иванович
Доватур
ФЕОГНИД И ЕГО ВРЕМЯ

*Утверждено к печати
Институтом истории СССР
Академии наук СССР*

Редактор издательства И. П. Палкина
Художник Д. В. Уркинцев
Технический редактор Г. А. Смирнова
Корректоры Г. Д. Адейкина, Л. М. Вова и Э. В. Коваленко

ИБ № 44232

Сдано в набор 27.09.88. Подписано к печати 18.08.89.
Формат 84×108^{1/8}. Бумага книжно-журнальная.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л.
10.92 + 0.11 вкл. Усл. кр.-от. 11.36. Уч.-изд. л. 11.88.
Тираж 9300. Тип. зак. № 843. Цена 95 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука». Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.